

ИГОРЬ

БУНИЧ

ВЛЕКОМЫЕ
РОКОМ

ВНЕКОМАС

ПОРОМ

Мы живем в однополюсном мире. Нравится нам это или нет, суть дела от этого не меняется. Полюс, на который имел претензии Советский Союз, если когда-либо и существовал, то давно растаял, несколько повысив общий уровень нечистот в мире. Но и только.

Правда, Россия, отбросившая как ненужный хлам и коммунизм, и демократию, все еще цепляется своими слабеющими руками за титул «великой сверхдержавы», но это даже у наших экзальтированных патриотов вызывает ныне кривые усмешки. Сколько бы ни стучал кулаком по столу наш «гарант», как бы лихо ни гоняли по бывшей Югославии десантную роту, продемонстрировавшую в День Независимости России полную независимость армии от своего Верховного главнокомандующего, это не меняет и не может изменить положения — в мире остался один полюс — Соединенные Штаты Америки. (Кстати, и рейд десантной роты из Боснии в Косово был проведен с американского согласия и на американские деньги, поскольку в Вашингтоне и Брюсселе опасались, что сербы при отступлении настолько «загадят» Приштинский аэропорт, что его уже будет совершенно невозможно ввести в строй. Если кого-нибудь мое заявление удивит, то

он абсолютно не понимает современную схему международных отношений).

Итак, в мире осталась одна сверхдержава. Такого в истории еще не случалось, и, за отсутствием аналогии, это обстоятельство несколько настораживает. Всегда существовали противовесы или, говоря научным языком, существовал «баланс сил»: Рим и Карфаген, Испания и Англия, Англия и Франция, Антанта и Германия с Австрией.

В конце 30-х годов нынешнего века образовался многополюсный мир: демократическая Европа, фашистская Германия и коммунистическая Россия. Чем это закончилось — общеизвестно. Упаси Бог, если что-нибудь подобное когда-либо повторится.

Соединенные Штаты, пришибленные годами «великой депрессии», не только не представляли из себя какого-либо «полюса», но даже и не рассматривались «полюсными» державами в качестве ценного союзника, поскольку фактически не имели армии, способной помериться силами с вермахтом, РККА, или, на худой конец, с французскими войсками.

Прошло еще шесть лет (всего шесть лет!) и перед взорами ошеломленного мира предстал могучий, вооруженный до зубов гигант, первым получивший по воле Провидения страшное ядерное оружие, единственный **реальный** победитель во Второй мировой войне — Соединенные Штаты Америки.

В крови и дымящихся руинах лежали Советский Союз, Германия и фактически вся остальная

Европа. Обессиленная Великобритания уже не могла удержать в своих руках некогда могучую Британскую Империю, во имя целостности которой она воевала все эти роковые шесть лет. Империя разваливалась и расползалась на глазах.

Америка же вышла из войны во много раз сильнее, чем была шесть лет назад и уже, практически не имея конкурентов, начала диктовать свою волю всему остальному миру. Многие покорились сразу, отчаянно сопротивлялся лишь Советский Союз. Но в условиях, когда ядерное оружие делало Третью мировую войну невозможной, основное соперничество между конкурирующими сверхдержавами постепенно (и довольно быстро) стало переходить из военно-идеологической сферы в область чисто экономическую, где победа США была всего лишь вопросом времени.

Чем все это кончилось, также общеизвестно.

Когда в январе 1991 года американские бомбы и ракеты обрушились на голову «товарища Саддама Хуссейна» при полном молчании Москвы, несмотря на действующий договор с Ираком «О дружбе и военной помощи», всем стало ясно, что мир стал «однополюсным». Советский Союз вместе со всеми своими запасами ядерного и прочего оружия скатился в яму второстепенных развивающихся государств, развалился и прекратил свое существование.

И миром почти безраздельно стали править Соединенные Штаты. Все бывшие европейские сателлиты СССР или уже вступили в НАТО, или стремятся сделать это в самом ближайшем будущем.

Недавние события в Югославии довольно предметно показали, что могло произойти и с нами, если бы Советский Союз, полностью осознав всю бессмысленность своего дальнейшего существования, не развалился тихо и мирно, не пытаясь реанимировать себя методами нашего друга Милошевича.

К счастью, этого не произошло. Соединенные Штаты поглотили СССР также тихо и поначалу незаметно. *«Можно несколько лет находиться в желудке у Валькоруза (фантастическое чудовище) и не заметить того, что вы уже сожраны, — писал Франсуа Рабле. — Замечаешь это только тогда, когда процесс переваривания становится необратимым».*

Вспомните, гражданкой США стала дочь Сталина Светлана, гражданином США стал сын Хрущева Сергей, чей папа публично обещал «похоронить» Америку. Этот список можно было бы продолжить, и он занял бы не менее тысячи страниц убористого шрифта.

На площади, куда выходят окна моего дома, долгие годы красовался фундаментальный лозунг из бетона и стали: *«Коммунизм — светлое будущее всего человечества!»* Его снесли в одночасье. Ныне на площади красуется устрашающих размеров реклама сигарет «Мальборо» с лихим ковбоем в тexasской шляпе.

Доллар превратился, сожрав все на шестой части суши, в русскую национальную валюту. Государственные деятели свободной России, не стесняясь, заявляют с экрана телевизора, когда их спра-

шивают о стоимости чего-либо *«На наши деньги это будет стоить долларов пятьсот-шестьсот».*

Да что там наша бедная Россия! Европа, устав от диктата США, создала объединенную валюту «евро» с тайной мыслью сокрушить надоевший доллар. Но не вышло ровным счетом ничего.

И кто только не пытался сокрушить Соединенные Штаты!

Но открытая и свободная страна быстро превращалась для планировавших ее сокрушение в почти мистическую страну-загадку — таинственную Шангри-Ла в горах Тибета. Все, что легко получалось в остальном мире, в Штатах не срабатывало, и наоборот.

Как радостно потирал руки Ленин, подсчитав удельный вес промышленного пролетариата в Соединенных Штатах, ведущего непримиримую классовую борьбу с эксплуататорами. В России, где этого самого «пролетариата» было в полторы тысячи раз меньше, чем в Америке, ленинская банда с легкостью захватила власть, уничтожив каждого пятого жителя страны. Социалистическая революция в Америке, сделал вывод «вождь мирового пролетариата», должна грянуть немедленно! Для этой цели Владимир Ильич, уморив еще несколько миллионов человек голодом и обчистив до нитки тысячи русских храмов, ассигновал на «социалистическую революцию» в США десятки миллионов золотых рублей. Но не вышло решительно ничего!

Не менее радостно потирал руки и Адольф Гитлер, подсчитав количество этнических немцев, проживающих в Соединенных Штатах. Их оказа-

лось около тридцати миллионов! Готовый новый Рейх! Их надо только слегка организовать, напомнить о долге перед «фатерляндом», а затем просто присоединить Соединенные Штаты к Германии, как уже произошло с Австрией и Чехословакией (где было всего пятьдесят тысяч так называемых «судетских немцев»). На организацию «соотечественников» Гитлер вбухал в США два миллиарда золотых марок! Что из этого вышло? Ничего.

А ведь обстановка, казалось, была самой благоприятной и для Ленина, и для его бездарного ученика — Гитлера. Небывалый экономический спад, массовая безработица, межнациональная рознь, довольно высокий уровень антисемитизма. Бери голыми руками! Но не получилось. Почему? Никто еще не дал вразумительного ответа на этот вопрос. Видимо, потому, что в стране было слишком много свободы. Хочешь быть коммунистом? Будь им. Хочешь быть нацистом? Будь им. Не забудь только исправно платить налоги, не мешай соседу быть тем, кем хочет быть он, и не нарушай правила уличного движения.

И что еще более удивительно — Соединенные Штаты вывели из «великой депрессии» не железные пролетарские батальоны, вооруженные «самым передовым в мире учением», не стальные батальоны вермахта, вооруженные «непобедимой идеей национального духа», а вывел их и ввел во Вторую мировую войну больной полиомиелитом человек, прикованный к инвалидной коляске.

Вообще представьте себе подобную картину: едет в инвалидной коляске человек и ведет за руку,

как малое дитя, такого гиганта, как Соединенные Штаты Америки, да еще по совершенно неведомой дороге!

Имя этого человека общеизвестно — Франклин Делано Рузвельт, избираемый, вопреки Конституции США, на пост Президента Соединенных Штатов четыре раза подряд и занимавший эту должность двенадцать лет — с 1933 по 1945 годы, когда внезапная смерть прервала его почти фантастическую государственную и политическую деятельность.

Оба вождя-диктатора трехполюсной Европы тридцатых годов относились к Рузвельту с известной долей снисходительности и даже сочувствия.

Они даже не очень встревожились, когда, благодаря твердо проводимой Рузвельтом политике «Нового курса», Соединенные Штаты всего за одну «пятилетку», говоря языком Сталина, вышли из «депрессии» и, набирая скорость, пошли дальше. Куда? Этого никто не знал. Кроме самого Рузвельта. Он не только вывел Соединенные Штаты из «Великой депрессии», но и первым понял, что, благодаря небывалому идиотизму двух «великих вождей» — Сталина и Гитлера — для Соединенных Штатов с их огромным индустриальным и прочим потенциалом представляется уникальная возможность доминировать над всем миром. Начало Второй мировой войны подтвердило все предпосылки Рузвельта, а когда оба «великих вождя» сцепились в смертельной схватке между собой, Рузвельт понял окончательно, что он на верном пути.

Оставалось только «ввести» Америку в войну и предъявить права на мир в качестве «фактически обладающего». И только внезапная смерть помешала полному выполнению глобальных планов американского Президента. Но очень многое ему удалось сделать.

Главное, именно Рузвельт превратил Соединенные Штаты из великой индустриальной страны в великую военную державу. К концу Второй мировой войны пятнадцатимиллионная американская армия, имея уже ядерное оружие, обладала военно-морскими и военно-воздушными силами, превосходящими по размерам, качеству и уровню боевой подготовки все остальные страны мира вместе взятые.

Еще в 1940 году все это сочли бы фантастикой.

Почти весь мир, не считая Советского Союза и Китая, находился уже под контролем Америки. Но и их крушение было уже просчитано и предсказано.

Президента Рузвельта смогли более-менее правильно оценить только после его смерти. Добродушный, доступный, чуждый протокола, склонный к фамильярности с кем угодно, не только отличавшийся от «великих вождей», но и от большинства чопорных европейских руководителей, Рузвельт неожиданно предстал перед глазами историков в совершенно ином свете — в образе **«Императора Августа Индустриального века»**.

Гитлер только перед самым собственным концом сумел, хотя и не полностью, оценить Рузвельта, поняв, что именно тот затянул на его горле

петлю, набросив ее из-за океана, как лассо, еще в 1940 году. Он радовался смерти Рузвельта, как ребенок, даже временно забыв о своем неизбежном конце, до которого оставалось чуть больше двух недель.

У товарища Сталина было больше времени для размышлений, когда на его пути оказалась глобальная военная мощь Соединенных Штатов, окончательно развеявшая мечты «вождя всех народов» о неизбежности «победы коммунизма во всем мире». Сталин некоторое время не мог с этим смириться, затеяв с американцами собственные смертельные игры, которые, сами по себе, хотя и были интересны, но по глобальности не идут ни в какое сравнение с предвоенными планами вождя.

«Соединенные Штаты Америки, претендующие ныне на роль хозяев всего мира, — писал в своей книге «Рузвельт и глобальная война» послевоенный немецкий историк Зигфрид фон Роксенбург, — потеряли в войне меньше людей, чем Германия и Россия теряли в каждом сражении, а количество сражений трудно пересчитать. Почти сорок миллионов пехотинцев, танкистов, артиллеристов, легчиков и моряков погибли во Второй мировой войне. Американцы за четыре года глобальной войны, включая ожесточенные бои на Тихом океане против Японии, потеряли на всех фронтах примерно триста тысяч человек. За это, почти бескровное завоевание всего мира, не имевшее даже отдаленной параллели в истории, американцы должны благодарить загадочную, все еще окутанную покровом тайны, почти мистическую фигуру Августа

индустриального века — калеку-миллионера, потомка голландских эмигрантов Франклина Рузвельта.

Зловещий император Август вновь появился в истории под маской простого, доброго, мягкого и умного политика-демократа. Но никто со времен императора Августа не смог сделать то, что удалось Рузвельту.

Даже сам Август не был настолько двуличен, поскольку в те дни еще не вошло в моду нынешнее толкование понятий скромности и гуманности, чтобы погружаться в столь глубокую пучину лицемерия. Успешно руководя Второй мировой войной, Франклин Рузвельт не совершил ни одной крупной военной ошибки. В этом отношении с ним никто не может сравниться из завоевателей, начиная с Юлия Цезаря. Он был мастером ведения современной войны. Даже такие мощные, энергичные и блестящие личности, какими были Гитлер и Сталин, оказались по большому счету всего лишь рапирами, инструментами в руках Рузвельта.

Завоеватели-авантюристы, разрушая и сметая все на своем пути, часто не делают ничего другого, как прокладывают путь своему более хладнокровному и расчетливому врагу, который сокрушает их и начинает возводить собственное здание на их руинах.

Так Наполеон по большому счету не сделал ничего другого, как обеспечил Англии мировую гегемонию почти на полтора века, а Карл XII вымостил своими походами фундамент империи Петра Великого. Так и Гитлер со Сталиным, по тому

же большому счету, передали гегемонию над миром в руки Соединенных Штатов Америки...

Еще до официального вступления США во Вторую Мировую войну Рузвельт фактически вырвал у Германии две почти верные победы: над Англией и над СССР, применив небывалый ранее способ ведения непрямых военных действий, закон о «ленд-лизе».

В конце 1940 года единственным источником пополнения стратегическим сырьем и военной техникой для Англии были Соединенные Штаты. Но закон о нейтралитете, принятый в США, угрожал отрезать Великобританию от этого единственного оставшегося источника, поневоле предоставляя ей вполне естественный выход: мирные переговоры с Германией.

Надо сказать, что пойдя Англия на этот мудрый шаг, Британская Империя существовала бы по сей день. Советский Союз был бы сокрушен, и вместо буйно разросшегося большевизма мы в самом худшем случае видели бы сейчас мирную, безоружную Россию, развивающуюся в какой-то форме социал-демократии.

Но ничто из этого не совпадало с планами Рузвельта. Он не мог позволить Германии захватить доминирующее положение над евро-азиатским пространством в партнерстве с доминирующей над миром морской мощью Британии. Для этого, в обход закона о нейтралитете, Франклин Рузвельт изобрел «ленд-лиз», который давал возможность Англии, а позднее и России, сражаться с Германией, опираясь на неограниченные запасы американского

оружия и сырья. Смелость этого трюка была потрясающей, а маскировка — совершенно смешотворной, когда Рузвельт протаскивал этот закон через ошеломленный Конгресс, загипнотизированный революционностью мышления Президента.

Рузвельт представил эту идею доверчивому американскому народу в упрощенной форме, прибегнув к демагогии, вполне достойной времен императора Августа, придумав сравнение с «садовым шлангом».

«Если горит дом соседа, — сказал он, — а у тебя есть садовый шланг, одолжи его соседу, пока не загорелся и твой дом. Когда пожар будет потушен, сосед вернет тебе шланг, а если тот окажется поврежденным, то заплатит за него, когда поднакопит деньжат».

Это был, конечно, бесстыдный и пустой вздор. Боевые корабли и самолеты, стратегическое сырье и материалы — это не садовый шланг, а канистры с бензином, бросаемые в огонь. Во-вторых, когда горит дом соседа, а ты боишься, что загорится и твой дом, ты должен бежать к соседу и вместе с ним бороться с огнем, а не одалживать ему шланг и спокойно издали наблюдать, как продвигается дело, да еще быть уверенным, что сосед огонь потушит и, мало того, сумеет поднакопить деньжат, чтобы заплатить за аренду шланга. То, что американцы, молча и с радостью проглотили всю эту чепуху, само по себе говорит о некоторых особенностях демократического правления. Как можно было перевести сказку о «садовом шланге» на понятный человеческий язык? Очень легко. Президент Рузвельт

практически сказал американскому народу следующее:

«Друзья мои, идет война за мировое господства. Нам предоставляется уникальная возможность самим достичь этого господства, причем, с минимальной кровью. Поэтому дадим тем, кто любит сражаться с остервенением бойцовых петухов, сколько угодно оружия, чтобы они продолжали воевать как можно дольше. Каковы в этом наша выгода? Это дальнейшее развитие нашей промышленности, работающей на «ленд-лиз», дающей нам время для экономической и военной подготовки, соизмеримой с возможностью достижения мирового господства и мирового лидерства. Те, кто воюет с Германией, будут воевать нашим оружием, которого мы можем произвести сколько угодно, будут убивать немцев и, возможно, сделают за нас всю грязную работу. Хотя это сомнительно, но и нам в конце концов придется вмешаться. Но в любом случае мы достигнем глобальной победы уже только потому, что способны производить оружие быстрее и в гораздо большем количестве, чем все остальные страны мира вместе взятые, не чувствуя при этом никакой усталости или дискомфорта».

Вот что означала в действительности байка о «садовом шланге» и как она сработала. Сначала британцы, а затем и русские, с помощью «садового шланга» смогли продолжать, истекая кровью, фактически безнадежную работу, отвергая выгодные и честные мирные переговоры. Эта была та главная причина, по которой Сталин, балансируя на грани военной катастрофы, когда его вооруженные

силы фактически перестали существовать, не выступил с мирными предложениями, а продолжал сражаться, получая колоссальную материальную и моральную поддержку от Соединенных Штатов Америки.

В итоге русский народ понес беспрецедентные в истории жертвы, захлебнувшись в океане собственной крови, только для того, чтобы мировая гегемония перешла от одной англосаксонской державы к другой...

Роковым во всей этой истории оказался 1940 год, год високосный, год Президентских выборов в Соединенных Штатах, когда Франклина Рузвельта избрали на третий президентский срок. Уже более года полыхала в Европе Вторая мировая война. Германские войска шли от одного триумфа к другому. Сражаться с ними продолжала только Англия, но и она висела на волоске: заканчивались запасы оружия и боевого снаряжения, иссякли деньги, на которые можно было купить вооружение в Соединенных Штатах. Неумолимо надвигалась на запад гигантская армия Иосифа Сталина.

А в Соединенных Штатах в условиях этого беспрецедентного мирового кризиса прошли в ноябре 1940 года, как и положено, очередные президентские выборы. Рузвельт легко выиграл выборы, поскольку его главный противник — Уилки — не имел никакого опыта в государственных делах и никогда не занимал никаких должностей, ни выборных, ни по назначению.

Главное, что интересовало американских избирателей — это отношение обоих претендентов на

высший государственный пост к полыхающей в Европе войне. В стране доминировало почти всеобщее мнение: Америка ни в коем случае не должна вмешиваться в европейскую войну. Американские парни не должны умирать на полях сражений за англичан, за французов или за кого угодно. Уилки клялся, что если он станет президентом, Соединенные Штаты никогда не вступят в войну. Рузвельт делал подобные заявления, но не так внятно, как Уилки. Будучи действующим президентом Соединенных Штатов, имея в своем распоряжении информацию, о которой Уилки даже не догадывался, Рузвельт отлично понимал, что, если Соединенные Штаты и дальше будут идти по дороге «изоляционизма», пугливо прячась от разгорающегося мирового пожара, то они быстро скатятся в число второразрядных стран со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но объяснить глобальные планы Президента рядовому Американцу было совсем не легко, если не сказать — невозможно.

Изоляционисты обладали подавляющим большинством в Сенате, изоляционисты преобладали в каждом американском доме от побережья до побережья.

— Когда-то, — однажды поделился Рузвельт мыслями со своим единственным близким другом Гарри Гопкинсом, — понадобился взрыв в Гаване броненосца «Мэн», чтобы поднять наше общество на войну с Испанией. Так что же должно взорваться сейчас, чтобы избавить наше общество от опасных изоляционистских шор?

На замечание Гопкинса, что легче придрататься к какому-нибудь очередному инциденту, которые начали уже происходить каждый день, и самим объявить войну Германии или Японии.

— Нет, — ответил сразу же президент, — мы — демократическая страна и должны заботиться о своей репутации.

Нужен какой-то другой способ...

Находясь уже девятый год в Белом Доме, Рузвельт превратил эту официальную резиденцию американских президентов в «семейный дом», наполненный атмосферой теплоты и простых дружеских отношений, которые бывают только в семье, где все любят друг друга.

День президента начинался с завтрака, который он съедал прямо в постели. После этого один из дежурных камердинеров приносил ему утренние сообщения. Завтракая, Рузвельт просматривал эти сообщения и заголовки газет. Делал он это с большой быстротой, но и с большой тщательностью, редко упуская что-либо существенное.

После обеда президент ложился на кушетку у камина и либо принимался а чтение какого-нибудь варианта своего очередного выступления, либо рассказывал различные истории, главным образом, из собственной жизни. Особенно часто он любил вспоминать, как Теодор Рузвельт держал его ребенком на коленях, гладил по голове и приговаривал: «Желаю тебе, малыш, не будь никогда президентом Соединенных Штатов».

Рузвельт признавался, что никогда и не хотел становиться Президентом. Какая-то неведомая

сила, природу которой он не в силах объяснить, подхватила его и закинула в Белый Дом.

Примерно в десять часов вечера приносили поднос с напитками. Рузвельт иногда выпивал бокал пива, но обычно предпочитал смесь имбирного эля с лимонной цедрой. К этому времени он начинал зевать и чаще всего уходил спать ранее одиннадцати часов...

Утром сотрудники президента отправлялись в кабинет Рузвельта и ждали там вызова. Сигнальный звонок оповещал их о приближении президента. В большие венецианские окна было видно, как негр-камердинер вез Рузвельта в инвалидном кресле. Кресло было неудобным — без подлокотников и подушек. Президента сопровождали агенты секретной службы, один из которых нес большую проволочную корзину, переполненную бумагами. Это были различные сообщения, поступившие ночью и утром.

Навстречу Рузвельту выбегала его собака Фала, президент нагибался и чесал ее за ухом. Это был тот самый Рузвельт, которого знал народ Соединенных Штатов: с высоко поднятой головой, с небрежно торчащим в углу рта мундштуком с сигаретой, с видом непоколебимой уверенности в том, что, какие бы проблемы не поставил день, он сумеет справиться с ними. При этом инвалидное кресло становилось совершенно незаметным...

I

Американский тяжелый крейсер «Тускалуза» легко и изящно разрезал своим стремительным

форштевнем изумрудные воды Карибского моря. Белую пену носового буруна несло вдоль бортов крейсера и уносило за корму в бурлящий поток от работающих винтов. Немолодой человек в белой панаме и мятой домашней куртке сидел в плетеном кресле на юте крейсера, держа в руках спиннинг. За креслом стояли несколько человек в форме и штатском, всем своим видом демонстрируя, что их не интересует ничто, кроме рыбной ловли.

На мачте крейсера рядом с небольшим государственным флагом, играющим по совместительству и роль военно-морского, развевалось на теплом южном ветре огромное синее полотнище с распростертыми золочеными крыльями орлана-белохвоста, грудь которого украшал геральдический щит — штандарт Президента Соединенных Штатов Америки.

В традициях американского флота кораблю, которому посчастливилось когда-либо иметь на борту Президента страны, уготовано бессмертное место в истории. До сих пор любимым кораблем Президента, если не считать его яхту «Мэйфлауэр», был крейсер «Индианаполис». Но сейчас, слава Богу, он оказался в ремонте, поскольку никто не ожидал, что Президент куда-то отправится в плавание в декабре, да еще сразу после выборов. И крейсер «Тускалуза», находившийся в заливе Чесапик, оказался в нужный момент на нужном месте.

Все на корабле — от командира до вольнонаемного буфетчика-филиппинца — были преисполнены осознанием возможности приобщиться к истории.

Морской поход Президента на «Тускалузе»

был большой неожиданностью для всех, включая и госдепартамент. Иностранные дипломаты загудели, как потревоженные осы, пытаясь разгадать, чем вызваны подобные, не предусмотренные никаким протоколом, мероприятия. Особенно встревожились в английском посольстве, считая, что после своей победы на выборах Рузвельт утратил интерес к европейской войне и начал беспечно расходовать драгоценное время. Официально Белый Дом объявил, что целью путешествия Президента является осмотр некоторых участков для строительства новых баз, недавно приобретенных в Вест-Индии. Это выглядело правдоподобнее, поскольку в числе лиц, сопровождавших Рузвельта, не было ни одного человека, способного дать ему совет или хотя бы справку по серьезнейшим проблемам Европы и Дальнего Востока. Единственным исключением, но обычным за долгие годы президентства Франклина Рузвельта, был Гарри Гопкинс — его старый друг, не занимавший никаких официальных постов, временами возводимый в ранг советника, но игравший при Президенте роль целого конклава серых кардиналов.

Версия о том, что Президент отправился на рыбалку, показалась многим очень правдоподобной. Настолько правдоподобной, что Эрнест Хемингуэй дал на крейсер радиограмму, указывая на наличие большого количества крупной рыбы в проливе Мона между Доминиканской республикой и Пуэрто-Рико, советуя Президенту пользоваться «оперенным крючком с насаженным на него куском свиного сала».

Сообщения корреспондентов, официально аккредитованных на «Тускалузе», также подтверждали тот факт, что Президент просто позволил себе слегка размагнититься. В заливе Гуантанамо был приобретен большой запас кубинских сигар. На островах Ямайка, Сент-Люсия и Антигуа Президент давал завтрак для английских колониальных чинов и их жен. Когда он прибыл к острову Эплотьер, то принял на борту генерал-губернатора Багамских островов герцога Виндзорского, бывшего короля Эдуарда VIII, которого английское правительство отправило на Багамские острова, как «Наполеона на остров Св. Елены». Симпатии бывшего короля к Германии вообще и к Гитлеру в частности были общеизвестны. Подозревали даже, что герцог просто работает на немецкую разведку. Что было менее известно, так это использование бывшего короля «втемную» советской разведкой через хранителя его картинной галереи Вулса.

Тем не менее, Рузвельт принял бывшего короля с полным радушием и если чем и поинтересовался во время беседы за завтраком, так это судьбой коллекции марок, принадлежавшей отцу герцога — королю Георгу V. Рузвельт был заядлым филателистом.

Президенту явно нравилось на борту тяжело-го крейсера. Он несколько раз подчеркивал, что будь на корабле побольше помещений, чтобы разместить весь бюрократический аппарат государственного управления, он без колебаний сменил бы Белый дом на кормовой адмиральский салон и даже добился бы принятия соответствующего

закона Конгрессом.

Днем Рузвельт беседовал с Гопкинсом, выслушивал советы своего доктора Макинтайра, ловил рыбу, или просто отдыхал, сидя в кресле на юте. Вечера на корабле проходили либо за игрой в покер, либо за просмотром кинофильмов. Особым успехом пользовалась кинолента «Аллея Тин-Пэн» с Алисой Фэн и Бетти Грэбл.

Корреспонденты, однако, не сообщали о том, что время от времени (довольно часто) у борта «Тускалузы» совершали посадку гидросамолеты ВМС, доставлявшие почту из Белого Дома, включая огромное количество государственных бумаг, посылаемых Президенту. В одном из таких пакетов утром 9 декабря Рузвельту было доставлено большое письмо от Черчилля. Ознакомившись с письмом, Президент дал его прочесть и Гопкинсу. Гопкинс обратил внимание на то, что премьер-министр Англии очень обстоятельно и откровенно нарисовал картину обстановки от Северного моря до Гибралтара и от Суэцкого канала до Сингапура, коснувшись критического состояния английских финансов, производства и судоходства, заклиная Америку оказать немедленную помощь. Особое впечатление на Гопкинса произвел конец письма с выражением уверенности, что «американский народ поддержит дело Англии и удовлетворит ее неотложные нужды» без всяких предложений по поводу того, как президент Рузвельт мог бы все это осуществить — с разрешения Конгресса и народа Соединенных Штатов. Гопкинс возымел даже желание познакомиться с Черчиллем, чтобы

установить, «сколько в нем было просто напыщенности и сколько сурового реализма».

Вечером того же дня на борт «Тускалузы» пришло первое сообщение о том, что англичане начали наступление против итальянских войск в Египте, Судане и Эфиопии, то есть, на всех участках возрождаемой Муссолини Римской Империи. Это вызвало некоторое удивление, поскольку все ожидали обратного — итальянского наступления с целью вытеснения англичан за Суэцкий канал. Зная, что у англичан в этом районе примерно втрое меньше сил, чем у итальянцев, Рузвельт запросил подтверждения информации.

Летающая лодка «Каталина», лихо совершив посадку у самого борта «Тускалузы», быстро доставила необходимые документы. Следом прилетели министр ВМС Нокс и командующий флотом США адмирал Старк.

Армия маршала Грациани после первого же удара англичан обратилась в паническое бегство, бросая боевую технику, склады с боеприпасами и горючим. Англичане стремительно продвигаются к ливийской границе, очищая вместе с тем территорию Эфиопии и Судана от итальянских гарнизонов.

Стоя за спиной президентского крейсера, они докладывали ему свое виденье обстановки, в то время, как сам Президент, казалось бы, был полностью поглощен процессом рыбной ловли. Вопреки утверждениям Хемингуэя, рыба клевала плохо. Крупнейшей добычей был двадцатифунтовый групер, да и то попавшийся Гопкинсу. Но Рузвельт не

терял надежды обогнать своего друга.

Доброе лицо Президента, его демократические убеждения и уверенность, что существующий в США общественный строй, гарантирующий своим гражданам все мыслимые в человеческом обществе свободы и возможности, является лучшим из всего, что придумало человечество за пятьдесят веков своего исторического существования, делали его в глазах европейских диктаторов ни на что не способным государственным деятелем, завязши в непроходимом болоте гласности, демократических законов и парламентских процедур.

Он часто повторял, что европейские диктаторы Сталин, Гитлер и Муссолини «одержимы дьяволом» в своей навязчивой идее добиться мировой гегемонии. Он говорил то, что весь мир видел и знал достаточно хорошо. Он еще в 1939 году предсказывал неизбежность схватки между Гитлером и Сталиным, как неизбежность смены в течение суток дня и ночи. Но до Москвы и Берлина почти не доносились слова американского Президента, поскольку в обоих центрах мирового тоталитаризма его никогда серьезно не воспринимали с единственно понятной в этих центрах военно-агрессивной точки зрения. Аналитические доклады разведчиков рисовали образ неизлечимо больного старика с отнявшимися ногами, достаточно честолюбивого, достаточно работоспособного, без сомнения умного и способного вести за собой, человека, на которого поставили евреи (взгляд из Берлина) и эксплуататорские классы (взгляд из Москвы), чтобы получать прибыли и сверхприбыли из

пущенных в оборот денег и товаров.

И в Москве, и в Берлине удивлялись, как такая погрязшая в гешефтах страна, где каждый занимается своими мелкими делишками, а не марширует с винтовками или лопатами на плечах, ревя патриотические песни, вообще может существовать. И сходились во мнении, что подобное историческое недоразумение могло случиться только благодаря заокеанской изоляции Америки. А вот образуйся Штаты где-нибудь между Германией и Россией, тогда бы и посмотрели, чего им удалось бы добиться.

Правда, и в Москве, и в Берлине, и в Токио понимали (да и видели), что потенциально промышленность Соединенных Штатов может накопить горы оружия, но с одним непременным условием — если на него найдется покупатель. Программа вооружений США, ставшая легкой добычей почти всех разведок мира, не воспринималась серьезно, во-первых, из-за слишком астрономических цифр, смахивающих на плохую рекламу провинциального банка и, во-вторых — кто этим оружием будет воевать? Неужели вот эти прилизанные молодые люди в котелках и галстуках бабочкой, играющие в теннис и купающиеся в бассейнах? Не верилось, что эти молодые люди способны просидеть в окопе хотя бы полчаса и не начать митинг по поводу нарушения их гражданских прав.

Всем хотелось посмотреть, как повела бы себя Америка, если бы она подверглась нападению, как Польша или Финляндия, или, по меньшей мере, стала бы объектом ежедневных беспощадных

бомбардировок, как Англия? Ответы были разные, но надо сказать, что аналитики, отдадим им должное, всегда сходились во мнении, что на Америку в настоящее время и при нынешнем состоянии военной техники напасть не в состоянии никто. Хотя на отдаленные американские гарнизоны на Филиппинах, на Уэйке, на Алеутских и Гавайских островах в принципе напасть было можно, и даже нанести по этим объектам сокрушительный удар, который, конечно, неспособен покончить с Соединенными Штатами, но вполне способен поставить их на место и надолго отбить желание заниматься мировыми проблемами.

Повторим, что Ленин безуспешно, но рьяно пытался разжечь в США пролетарскую революцию, которая при американской свободе казалась вождю очень легко провоцируемой и *«обреченной на победу»*. Гитлер, как мы уже отмечали, считал столь же легким делом начать в США арийскую революцию, опираясь на тридцать миллионов американских немцев и на антисемитизм. Ни у того, ни у другого ничего не вышло, но поразмыслить на эту тему у них, видимо, не было времени.

В подобных «волшебных очках», конечно, еще сложнее было рассмотреть Президента, тем более, что выбирался этот президент всего на четыре года, что с точки зрения пожизненных диктаторов было просто смешно. «Меньше одной пятилетки,» — мрачно пошутил как-то товарищ Сталин.

Поэтому президентов США не слишком внимательно изучали, особенно Франклина Рузвельта, поскольку он был прикованным к креслу калекой и

все каждый день ждали, что он сам устранился от должности по состоянию здоровья. «Просто удивительно, — сказал как-то Гитлер, посмотрев очередной американский «вестерн», — как такая большая и динамичная страна терпит во главе себя калеку, который и в клозет-то сам сходить не может?»

При подобных оценках где уж тут увидеть в Рузвельте самого жестокого и хладнокровного политика, также одержимого идеей мирового господства, но способного на такие политические трюки и комбинации, которые и в голову не могли прийти Гитлеру и Сталину с их примитивным прямолинейным мышлением, не имеющим почти никакой свободы маневра в идиотских тисках политического догматизма.

В отличие от своих оппонентов Рузвельт был единственным в те годы политиком, который видел вещи во всей их реальности и обладал средствами для ведения именно той самой глобальной войны, правила которой диктовались трезвым расчетом. Он уже видел, что в результате все ярче разгорающегося буйного пламени мирового конфликта мировое господство, во имя которого Сталин и Гитлер готовы пожертвовать миллионы жизней своих подданных и будущим своих стран, будет преподнесено Соединенным Штатам как апельсин на серебряном подносе. Причем, уже поделенный на дольки, со снятой кожурой, лежащей рядом. Как ни снимай шкурку с апельсина, он так или иначе принимает форму, похожую на конфигурацию СССР в географических атласах. Дольки можно будет съесть сразу, а шкурку слегка подсушить,

затем провернуть через мясорубку и добавить в общий пирог для запаха. Конечно, в ближайшие десять — пятнадцать лет придется здорово поработать, а потом все процессы начнут развиваться автоматически.

Прежде всего необходимо сорвать все попытки заключения мира между Англией и Германией. Англия должна получить столько оружия, сколько она захочет. Получить это оружие она может только от нас. Но как, если у нее уже нет денег?

Так или иначе, но этот вопрос надо решить в самом ближайшем будущем.

Второе — это неминуемый конфликт между нынешними друзьями-разбойниками Сталиным и Гитлером. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть самый идеальный вариант этого конфликта. Гитлер начинает и доходит примерно до Волги, где выдыхается, и его гонят назад. Хорошо, если этот процесс продлится года два-три. Это вынудит его убрать свою армию из Европы и растворить ее в необъятных полях и лесах России. При этом нужно принять меры, чтобы Советский Союз не рухнул и не развалился, даже если Сталину пришлось бы перенести свою столицу в Магадан. В возможность такого идеального варианта даже верится с трудом. Донесения разведки говорят совсем о другом. У Сталина такое превосходство по всем показателям вооруженных сил, что Гитлеру надо просто сойти с ума, чтобы осмелиться броситься на это красное чудовище из чугуна и стали. Значит, ключ к проблеме заключается в том, чтобы Гитлер окончательно рехнулся, как

крыса в лабиринте Муррея, бросающаяся на электроды под током только потому, что больше некуда, а есть хочется. А за электродами она видит сыр как единственный способ спасения от голодной смерти в лабиринте-мышеловке. Здесь тоже есть несколько реальных ходов для осуществления плана. Но Сталин! Если начнет он, обстановка станет непредсказуемой. А все говорит за то, что он именно так и намерен поступить, ожидая момента, когда Гитлер и англичане сцепятся к каких-нибудь длительных и кровопролитных боях. Вряд ли сейчас, после наступления англичан в Северной Африке, Гитлер пошлет туда крупные силы, если вообще пошлет какие-либо.

Скорее всего он полезет в Грецию, но там все должно кончиться достаточно быстро. Ему можно подложить по дороге несколько мин, скажем, в Югославии, но еще неизвестно, сработают ли они. Сталин ждет его высадки в Англии. Это ясно как Божий день. Но также ясно, что никакой высадки не будет. Слава Создателю, что Сталин этого не понимает, а, следовательно, мы должны приложить все усилия, необходимо найти способ, чтобы до поры до времени подержать его на цепи. А для начала снять с России «моральное эмбарго» на торговлю, введенное главным образом для того, чтобы слегка умерить сталинский аппетит, так разыгравшийся в прошлом году. Все это очень рискованно, но поддается расчету, если наша разведка будет действовать синхронно с английской... и немецкой.

Если этот план удастся, то мимоходом можно поставить на место и Токио, превратив Японию из

лязгающего оружием соперника в младшего торгового партнера.

Но самое трудное другое. Весь этот план невозможно осуществить без нашего прямого вмешательства в события. Как поднять Америку на участие в глобальной войне? Как послать миллионы американцев, одев их в непривычную военную форму, во все уголки земли, чтобы обеспечить и закрепить нашу гегемонию в новом послевоенном мире? Без решения этой — наиболее сложной задачи все другие планы станут чисто академическими и практически бессмысленными...

Катушка спиннинга стала стремительно раскручиваться. Рузвельт пытался остановить катушку, но слишком крупная рыба рвала ее на себя.

Крепкие матросские руки приняли спиннинг из рук Президента.

Рузвельт устало откинулся в кресло и обратился к стоявшему за спинкой главнокомандующему флотом США адмиралу Старку.

— Вы говорите, Гарольд, что Тихоокеанский флот закончил весь цикл летне-осенних учений?

— Да, сэр, — доложил адмирал.

— Пусть флот останется на Гавайях, в Перл-Харборе, — приказал Рузвельт, напоминая адмиралу, что он, Президент, является помимо всего прочего еще и Верховным главнокомандующим вооруженными силами США.

— В Перл-Харборе? — удивился адмирал. — На какой срок?

— До моего особого распоряжения, — подумав несколько секунд, пояснил Президент.

— Но, господин Президент, — попытался возразить главком ВМС, — люди нуждаются в отдыхе, а корабли — в ремонте, некоторые даже в капитальном. Все это возможно, как вам хорошо известно, только на наших базах Западного побережья. База в Перл-Харборе совершенно не приспособлена для этого...

— Немедленно отдайте распоряжение адмиралу Ричардсону, — прервал Старка Президент, — флот остается на Гавайях до особого распоряжения. Люди должны понять, что военная служба иногда приносит некоторый дискомфорт в личную жизнь. Что же касается кораблей, то нуждающиеся в капитальном ремонте или в плановой модернизации поочередно направьте на континент, а весь другой ремонт пусть проведут на Гавайях. Там достаточно средств: в случае необходимости перебросят туда плавмастерские.

— Тихоокеанский флот, — продолжал Президент, — должен постоянно играть роль пистолета, приставленного к виску Токио, чтобы там поостереглись заниматься открытым разбоем. Грабитель должен постоянно видеть перед собой полицейского. Приказ Ричардсону отдайте прямо через радиостанцию «Тускалузы»...

— Фрэнк, — обернулся Президент к стоящему с другой стороны морскому министру, — в вашем калифорнийском ранчо есть садовый шланг?

Полковник Нокс даже поперхнулся от удивления: «Да, сэр. Разумеется, сэр».

— А что бы вы стали делать, если бы загорелся дом соседа, а у него не было садового шланга?

Дали бы вы ему свой? — продолжал допытываться Президент.

— Полагаю, что да, сэр, - смущенно и несколько растерянно отвечал морской министр, совершенно не понимая, куда клонит Президент.

— А почему бы вы так поступили, мистер Нокс, а не сказали бы соседу: мол, надо было позаботиться пораньше и купить свой шланг?

— У нас в Калифорнии, — пояснил Нокс, — пожары — это настоящее бедствие. Если у кого-то начнется и вовремя не потушить, то сгорят все. Так что я лучше дам ему свой шланг, пока и мой дом не сгорел.

— В этом вся суть проблемы, — согласился Рузвельт, ни к кому конкретно не обращаясь...

Между тем, матросы вытащили на палубу средних размеров акулу, которая отчаянно извивалась под ударами багров, попавшись на крючок с куском сала...

На следующий день Рузвельт получил радиogramму от государственного секретаря Хэлла о внезапной смерти английского посла в Вашингтоне лорда Лотиана. Это был один из тех моментов, когда Провидение решительно вмешивается в человеческие планы. Рузвельт очень рассчитывал именно на лорда Лотиана в осуществлении своих планов относительно Англии. Английский аристократ, либерал и близкий сотрудник Ллойд Джорджа в прошлую войну, он легко находил с Рузвельтом общий язык и умел толковать президентские недомолвки и намеки Черчиллю. Утрата его в этот момент казалась ужасной и почти невозполнимой.

Рузвельт немедленно направил через государственный департамент послание королю Георгу VI с соболезнованиями, дополнив, что если бы лорд Лотиан пожелал обратиться к миру с последним словом, он сказал бы, что эта война может закончиться только победоносно.

16 декабря Рузвельт вернулся в Вашингтон, загорелый, полный сил и веселый. На следующий день он созвал пресс-конференцию, на которой открытым текстом заявил: «В умах подавляющего большинства американцев нет абсолютно никаких сомнений по поводу того, что наилучшей непосредственной обороной Соединенных Штатов являются успехи Британии в деле ее самообороны». Далее президент указал, что следовало бы одолжить Англии денег для закупки американских военных материалов, чтобы доблестные британцы могли продолжать борьбу.

«Я хочу пояснить это наглядным примером, — заявил Рузвельт, — предположим, что в доме соседа произошел пожар, а у меня имеется садовый шланг...»

Это произвело сильнейшее впечатление: дай шланг, пока не загорелся и твой дом. Никто не увидел опасного и даже радикального в предложении президента предоставить англичанам займы американский садовый шланг для их героической и неравной (как казалось) борьбы с Гитлером.

Неизвестно, рассчитывал ли кто-нибудь получить этот шланг обратно, но блестящее выступление Рузвельта обеспечило прохождение через конгресс уже подготовленного закона о

«ленд-лизе» — самого странного и необычного закона, принятого в стране, официально объявившей себя нейтральной.

II

Новейший английский линкор «Кинг Джордж V», эффектно подняв стволы своих четырехорудийных башен главного калибра, величественно входил в американскую бухту Чесапик, в глубине которой находилась столица Соединенных Штатов, Вашингтон.

Линкор шел в сопровождения целой эскадры катеров, прогулочных яхт, частных пароходов.

Он доставлял в Соединенные Штаты нового английского посла лорда Галифакса, еще недавно занимавшего пост министра иностранных дел в кабинете Черчилля. Сам факт отправки в качестве посла в США вчерашнего министра говорил о многом, а способ его доставки на новейшей линкоре, специально для этой цели выведенным из зоны боевых действий, говорил еще больше.

Но и этого было мало устроителям шоу, свидетельствующем о фактически сформировавшемся англо-американском военном альянсе. Навстречу английскому линкору медленно шел американский тяжелый крейсер «Огаста», на мачте которого вился синий штандарт Президента Соединенных Штатов. Подобная встреча посла, идущего на линкоре, с главой государства — на тяжелом крейсере не была предусмотрена никакими протоколами или даже традициями.

Немедленно кинувшиеся толпой в Белый Дом

журналисты, пытавшиеся выяснить, что имел в виду Президент, выйдя навстречу иностранному послу на тяжелом крейсере, как всегда ничего толком не узнали.

Газеты каламбурили, хотя все имеющие глаза совершенно ясно видели обстановку. Обе стороны откровенно демонстрировали потенциальную мощь своего военного союза.

Помимо английского посла линкор «Кинг Джордж V» доставил в Вашингтон обширный доклад Гарри Гопкинса о его пребывании в Англии. «Дорогой господин Президент! — докладывал Гопкинс. — Я посылаю свое сообщение с полковником Ли, который возвращается вместе с Галифаксом... Люди здесь, начиная с Черчилля, замечательны, и если одно мужество может победить, в результатах можно не сомневаться». Однако они отчаянно нуждаются в нашей помощи. Черчилль олицетворяет правительство во всех смыслах этого слова, он определяет большую стратегию, а нередко решает и частные вопросы; рабочие доверяют ему; армия, флот и воздушные силы до единого человека поддерживают его; политические деятели и высшие слои общества делают вид, что он им нравится... Черчилль хочет встретиться с нами, и как можно скорее. Я уверен, что такая встреча между Вами и Черчиллем совершенно необходима и притом в ближайшее время...

Мне был открыт полный доступ ко всем секретным материалам... Самое важное отдельное замечание, какое я должен сделать, заключается в том, что большинство членов кабинета и все воен-

ные руководители Англии считают, что вторжение неизбежно и близко. Они днем и ночью напрягают все усилия, чтобы подготовиться к его отражению. Они верят, что вторжение может произойти в любой момент, но не ранее 1 мая...

Дух народа и его решимость сопротивляться вторжению выше всяких похвал.

Как бы свирепо ни было нападение, вы можете быть уверены, что они будут сопротивляться и сопротивляться эффективно. Немцам придется сделать нечто большее, чем убить несколько сот тысяч человек, для того, чтобы разгромить Великобританию. Если в этом вторжении Германии не добьется успеха, тогда, по моему мнению, ее песенка спета. Я уверен, что, если мы будем смело и быстро действовать на нескольких основных фронтах, мы сможем за несколько недель перебросить в Англию достаточно материалов, чтобы придать ей дополнительную силу, нужную для того, чтобы отбросить Гитлера...»

Закон о ленд-лизе еще не был принят конгрессом, но Рузвельт решил не терять времени. Вызвав к себе генерала Маршалла и адмирала Старка, он своей волей верховного главнокомандующего приказал начать переброску в Англию соединенной морской и стратегической авиации с американскими экипажами.

«В нашей форме, господин Президент?» — заинтересовался ошеломленный адмирал Старк.

Президент на минуту задумался.

«Да, пожалуй, лучше всего в нашей форме. Пусть англичане видят, что мы уже с ними».

Успешные выборы на третий срок проявили в Рузвельте сильнейшие диктаторские наклонности, не имевшие аналога в такой стране, как Соединенные Штаты. Внешне соблюдались все демократические процедуры, но фактически политику страны определял узкий круг лиц, направляемый Президентом. Члены кабинеты ничего не знали о планах и замыслах Президента, особенно во всем, что касалось вопросов внешней политики. Как-то Рузвельт очень резко одернул министра внутренних дел Икеса, заявив ему: «Речь идет... о внешней политике, которой занимается Президент и под его руководством — государственный секретарь. Соображения в этой области сейчас крайне деликатны и весьма секретны. Они неизвестны и не могут быть полностью известны Вам или кому-нибудь другому, за исключением двух указанных лиц».

Деликатные и секретные соображения сводились к тому, чтобы заставить какую-нибудь из эмоционально безответственных стран потерять терпение и объявить Америке войну. Тогда изоляционистам в Конгрессе деваться было бы некуда. Он надеялся, что его речь о «садовом шланге» и вынос на рассмотрение Конгрессу закона о «ленд-лизе» взорвет психически неуравновешенного Гитлера и тот одним махом, объявив Штатам войну, решит все его проблемы. Ведь еще ни одна страна, официально не участвовавшая в войне, даже в мыслях не осмеливалась столь вызывающе вести себя с Рейхом Адольфа Гитлера.

Но Гитлер сдержался. По тону немецкой прессы было видно, что мина замедленного действия

уже работает в душе фюрера, который никогда не забывал и не прощал подобного отношения к своей особе и к своей политике, которое ему уже в течение целого года приходилось терпеть со стороны Вашингтона. Но никто не мог сказать, когда эта мина сработает.

Оставались еще японцы, которые в своей азиатской непосредственности и самурайской гордыне тоже могли потерять все остатки здравого смысла и, ослепленные продуманным унижением, броситься на обидчика, не думая ни о каких последствиях, как пес, которому наступили на хвост. Специально наступили, чтобы он бросился на тебя и все увидели, что ты был просто вынужден его пристрелить.

Вместе с Кордуэллом Хэллом Рузвельт уже подготовил указ об эмбарго на торговлю с Японией, если та не прекратит экспансии в юго-восточной Азии. Затем будут заморожены все японские активы в американских банках. Два-три ультиматума с оскорбительными оборотами. Всего этого будет достаточно, чтобы оскорбленный самурай выхватил меч и был убит выстрелом в упор.

Готовя страну к войне, Рузвельт уже принял решение создать объединенную разведслужбу США и Англии, назвав это учреждение Управлением Стратегических Служб. Англичане с радостью согласились создать подобное учреждение, возглавляемое американцем.

Официально у США никакого разведывательного органа не было вообще, ФБР главным образом занималось контрразведкой и борьбой с преступностью. Военная разведка — своими

специализированными делами. Разведка госдепартамента действовала в очень тесных дипломатических рамках. Глобальные же задачи, которые мыслил поставить перед своей страной президент Рузвельт, требовали и глобального разведывательного обеспечения.

Во главе нового разведывательного ведомства Рузвельт решил поставить довольно известного адвоката Уильяма Донована. Участник прошлой войны, полковник резерва армии США, Донован обладал талантом добывать любую информацию и мог бы втереться в доверие к самому дьяволу.

Вернувшись из Европы, Донован был наполнен творческим оптимизмом. Гитлер уже мечется, как старая крыса, попавшая в примитивную мышеловку. Он думает, что найдет выход в Греции, которую ему подставляет Черчилль в качестве кусочка сыра. Сейчас он точно нацелился броситься туда, а убедившись, что и там нет никакого выхода, вцепится в глотку Сталина, уже хотя бы потому, что именно тот втравил его в эту игру. Если, конечно, Сталин будет настолько дураком, что станет этого ждать и не прихлопнет своего берлинского дружка первым.

Это было бы очень прискорбно, заметил Президент, поскольку, если Сталин влезет в Европу, он причинит нам гораздо больше головной боли, чем Гитлер, каждый шаг которого ныне легко прогнозируется. В принципе, согласился Донован, они гангстеры практически одного пошиба, но из разных банд. Ныне они собираются рэкетировать одно заведение, которое называется Европа, а это, как

вам хорошо известно, господин Президент, всегда заканчивается перестрелкой. Причем, далеко не всегда выигрывает тот, кому удалось выстрелить первым.

Рузвельт показал Donovanу копию плана «Барбаросса», добытую Вудсом.

— Русские знают об этом? — поинтересовался разведчик.

— Думаю, да, — ответил президент, — Если этот документ дошел до нас, то наверняка и до них. Впрочем, Хэлл считает, что пока с нашей стороны не следует ставить об этом в известность Москву. С одной стороны, это может спровоцировать Сталина, а с другой — испугнуть Адольфа.

— Не волнуйтесь, Фрэнк, — успокоил Президента Donovan, — Сталин никогда не нападет первым. Сейчас он остался, видимо, последним человеком в мире, который еще верит в операцию «Морской Лев», а Гитлер тратит огромное количество времени и ресурсов, чтобы Сталин в этом не разуверился. Сталин ждет его высадки в Англии, чтобы начать свой победный марш, а Гитлер уверяет всех, что где-то в конце июня или начале июля непременно высадится в Англии. А поскольку это абсолютно невозможно, то значит, что именно в это время он и нападет на своего лучшего друга. Готов держать пари на десять долларов.

— Мне бы не хотелось так опрометчиво рисковать деньгами, Билл, — засмеялся Рузвельт. — Если все, что вы прогнозируете, сбудется, — это замечательно, но боюсь, что жизнь может внести в теорию такие коррективы, которые для всех нас

могут стать полной неожиданностью. И последнее, что я хочу вам сказать, Билл, — при любом раскладе вы всегда обязаны исходить из главного: Гитлер уже сейчас наш враг, а Сталин — наш будущий союзник, которого само Небо создало для осуществления американской мечты, как любил выражаться еще Джефферсон.

— Признаться, — вздохнул Донован. — я, как ни стараюсь, но не вижу между этими двумя парнями большой разницы. Разве что Гитлер много откровеннее и более прямолинеен.

— Значит, дурак, — заключил Рузвельт, — а в таких играх опасно ставить на дураков. Кроме того, Билл, вы не видите между ними разницы только потому, что смотрите издалека. Когда вам удастся подойти поближе, вы убедитесь, что разница огромна.

III

Еще в конце июля 1940 года премьер-министр Японии принц Коноэ изменил свои взгляды относительно политики Японии в Китае. До этого он считал, что если за время текущего года не будет достигнута полная победа на континенте, японские войска из Китая должны быть выведены. Было решено оставить некоторое количество сил только в северной части Китая для обороны против русских коммунистов.

Однако, быстрые и блестящие победы Гитлера в Западной Европе заставили японское правительство и генштаб пересмотреть свои планы. Войска из Китая было решено не выводить, а, напротив,

попытаться воспользоваться сложившейся в Европе ситуацией и захватить богатые природными ресурсами европейские колонии в юго-восточной Азии. Либеральному принцу Коноэ пришлось переформировать свой кабинет, введя в него двух весьма одиозных людей. Одним из них был профессиональный дипломат Йосуке Мацуока — талантливый, разговорчивый, склонный к донкихотству человек. Ему был доверен портфель министра иностранных дел.

Вторым был профессиональный военный, генерал-лейтенант Хидеки Тодзио, получивший пост военного министра. Трудолюбивый и твердолобый Тодзио, носивший прозвище «Лезвие Бритвы», занимал до этого различные высшие посты в армии, включая и пост командующего Квантунской армией. Генерал пользовался непререкаемым авторитетом в консервативных военных кругах, а также, и среди уцелевших гражданских сановников, трепещущих при воспоминаниях о кровавых путчах и мятежах в недалеком прошлом. Тодзио слыл тугодумом и молчуном.

Новый министр иностранных дел Мацуока, будучи президентом Южно-маньчжурской железной дороги и близким сотрудником Тодзио в те времена, когда тот был командующим Квантунской армией, совсем на своего друга-генерала не походил. Обладая той же энергией, что и Тодзио, Мацуока был гораздо более яркой личностью, а его характер представлял некоторую смесь азарта и интуиции. Если Тодзио слыл молчуном, то Мацуока, наоборот, имел славу неутомимого говоруна и

даже заслужил прозвище «Господин пятьдесят тысяч слов в минуту». Он обладал непревзойденным даром сколь угодно долго говорить без умолку и не сказать при этом ничего.

Мацуока был маленьким смуглым человечком. Его напоминающая пулю голова, усы и очки в черепаховой оправе сразу привлекли к нему всеобщее внимание, когда он надменно покинул ассамблею Лиги Наций во время дебатов по Маньчжурии.

Жизнь нового министра иностранных дел Японии была нелегкой. В возрасте тринадцати лет он был выброшен своим дядей — капитаном рыболовного судна — на американский берег. Дядя не дал ему ни копейки и посоветовал отныне заботиться о себе самому. Одна американская семья из Портленда, штат Орегон, приютила Мацуока, и следующие несколько лет маленькому японцу пришлось много и тяжело работать, чтобы получить образование. Он был рабочим на фабрике, клерком в юридической конторе и даже служкой в церкви. После окончания Орегонского Университета Мацуока еще три года проработал в Америке, а затем вернулся в Японию, где сделал быструю карьеру, не имея никаких связей, исключительно благодаря своему блестящему уму и энергии.

Принц Коноэ с доброжелательным вниманием готов был выслушать любого, Мацуока — практически никого. Он любил не слушать, а говорить. Его мистификации и импровизации сбивали с толку многих, а некоторые просто считали Мацуока чокнутым. Но ближайшие помощники министра позднее вспоминали, что это был просто парадокс-

сальный способ изложения своих мыслей. Его не могли понять ни Гитлер, ни Сталин, ни Рузвельт. Консерваторы считали Мацуока либералом, либералы — консерватором, пацифисты — милитаристом, милитаристы — пацифистом и т. д.

На пятый день своей работы новый кабинет принца Коноэ сформулировал новую национальную политику. Сутью этой новой политики являлся «мир во всем мире» путем установки «нового порядка в Великой Восточной Азии». «Новый порядок» предусматривал объединение Китая и Маньчжоу-Го под руководством, разумеется, Японии. Для выполнения этого грандиозного плана вся нация объявлялась мобилизованной. Отныне каждый японец обязан был служить исключительно государству. Была также введена плановая экономика и реформирован парламент. Более того, с Германией и Италией предполагалось подписать трехсторонний пакт, а с Советским Союзом заключить договор о ненападении.

Что касается отношений с американцами, установившими эмбарго на поставку стратегического сырья в Японию, решено было Штаты не раздражать и попытаться мирно добиться выполнения «справедливых требований» Японии. И в дополнение ко всему был принято решение о вводе войск на территорию французского Индокитая.

Подобная политика явилась плодом «детского мышления» военной верхушки, но генералам удалось легко убедить принца Коноэ и гражданских чинов его кабинета, что подобная политика является последней надеждой Японии уцелеть в

хаосе современного мира.

В то время как подчиненность военного руководства гражданскому являлось фундаментальным аспектом американской демократии, в Японии все стало складываться наоборот. Конституция Мэйдзи разделила право принятия решений между Кабинетом и Высшим командованием вооруженными силами страны. Однако военные, традиционно мало смыслящие в делах политики и дипломатии, почти всегда добивались своего в полемике с гражданскими министрами. Фактическая монополия военных на принятие решений стала традицией и очень редко оспаривалась. То, что это может привести к большой войне, никто не предвидел.

С разгромленной Францией и Англией, ведущей отчаянную борьбу за свое существование, Индокитай с его природными запасами вольфрама, никеля, каучука, угля и риса, представлялся «драгоценностью, валяющейся посреди улицы в ожидании, что ее кто-нибудь подберет».

В течение всего двух месяцев японцы склонили слабое и беспомощное французское правительство в Виши подписать в Ханое конвенцию, позволяющую Японии развернуть авиабазы в северной части Индокитая и использовать этот район в качестве трамплина для ударов по Китаю.

Все это было осуществлено, несмотря на протесты Мацуока и нескольких трезво мыслящих генералов, предвидевших, что ввод войск в Индокитай неизбежно приведет к столкновению Японии с англичанами и американцами. Начальник Генерального Штаба Армии принц Канин, залившись

слезами, тут же подал в отставку.

Реакция Соединенных Штатов на этот новый японский «сюрприз» была очень резкой, поскольку вторжение в Индокитай создавало угрозу так называемой «Бирманской дороге», по которой американцы поставляли оружие Китаю.

Черчилля все это мало встревожило. Он считал достаточным для противодействия японцам переброску в Бирму двух индийских бригад из Сингапура. Министр иностранных дел Англии Энтони Иден был, однако, не согласен со своим премьером, считая, что не следует столь несерьезно относиться к прямой угрозе японцев по отношению к Малайе. Он предлагал также срочно принять меры по усилению обороны Сингапура. Иден также обратил внимание Черчилля, что в настоящее время ведутся какие-то «закулисные» переговоры между японцами и немцами.

Иден оказался прав. Давно обсуждаемый трехсторонний (Тройственный) пакт между Германией, Италией и Японией был уже близок к заключению, несмотря на возражения командования японского флота, которое опасалось, что подобное соглашение при известных обстоятельствах может автоматически втянуть Японию в войну. Мацуока успокоил моряков со свойственным ему красноречием.

— Этот пакт, — заявил министр иностранных дел, — вынудит Соединенные Штаты действовать более осторожно по отношению к Японии.

— А это, — добавил Мацуока, — поможет предотвратить войну между нашими двумя странами. Более того, если Германия ввяжется в войну с

Соединенными Штатами, Япония вовсе не будет обязана автоматически делать то же самое.

Подобной логикой все инакомыслящие были подавлены, а принц Коноэ быстро утвердил этот план, отлично понимая, что поступи он иначе, ему придется снова подавать в отставку.

Помимо командования японским флотом, далеко не в восторге от подписания предстоящего пакта был сам Император и, прежде чем приложить к проекту Большую печать, откровенно высказал принцу Коноэ свои опасения: как бы этот пакт не привел к войне с Англией и США.

27 сентября 1940 года Тройственный пакт был подписан в Берлине.

Для британцев и американцев это явилось очередным свидетельством того, что Япония не лучше нацистской Германии и фашистской Италии, что три «гангстерских» страны объединяют усилия, чтобы завоевать весь мир. Соединенные Штаты немедленно отреагировали, ужесточив эмбарго на поставки стратегического сырья Японии.

Недоволен был и Советский Союз, но германский министр иностранных дел Иохим фон Риббентроп заверил своего советского коллегу Вячеслава Молотова, что Тройственный пакт направлен исключительно против «поджигателей войны» в Соединенных Штатах. Пусть Америка помнит, что стоит ей развязать агрессию против любой из стран-подписантов, все три страны станут ее противниками в войне. Более того, Риббентроп предложил Советскому Союзу примкнуть к пакту, который официально считался «антикоминтерновским».

Мацуока также полагал, что с американцами надо держаться твердо и всегда демонстрировать готовность нанести по ним ответный удар. Только проводя такую политику, с Америкой можно подружиться и использовать ее в борьбе против коммунизма. Тем не менее, Мацуока заявил, что он ничего не имеет против присоединения России к Тройственному пакту, хотя и считает Советский Союз врагом всего цивилизованного мира.

Выступая на заседании кабинета, Мацуока попросил разрешения совершить поездку по Европе с тем, чтобы урегулировать некоторые проблемы японской внешней политики. В частности, в Берлине и в Москве.

Военные согласились, отказав лишь Мацуока в праве преподнести Гитлеру дорогой подарок — обещание Японии захватить Сингапур.

* * *

К весне 1941 года уже фактически стали складываться союзные отношения между воюющей Англией и Соединенными Штатами, официально объявившими о своем нейтралитете в европейской войне. Был налажен:

1. Обмен научной информацией по всевозможным вопросам, включая исследования в области атомной энергетики и радиолокации.

2. Обмен военно-разведывательной информацией, предусматривавший тесное сотрудничество между генералом Маршаллом и высшими английскими штабами.

По приказу Рузвельта, несмотря на протесты

Государственного департамента, было налажено самое тесное сотрудничество между Эдгаром Гувейром и ФБР и английскими органами безопасности, руководимыми незаметным канадцем Уильямом Стивенсоном. Целью этого сотрудничества было пресечение шпионажа и диверсий в Западной Европе со стороны агентов Германии, Италии и Японии.

В Англию начал направляться непрерывным потоком контингент американских военных и гражданских специалистов для испытания американских самолетов и другого оружия в реальных боевых условиях.

Атлантический флот США непрерывно усиливался частично новыми кораблями, а частично — переброшенными с Тихого океана для охраны морских путей в Западной Атлантике.

Тем самым в обширном районе высвобождался английский флот для проведения боевых операций в районах, непосредственно примыкавших к Метрополии.

Были составлены планы оккупации американскими вооруженными силами Гренландии, Исландии, Азорских островов и Мартиники. Были и другие планы военных операций в самых различных районах земного шара.

Поврежденные английские военные корабли ремонтировались на американских верфях.

Пилоты и другой летный состав английских Королевских ВВС проходили обучение в США.

И, что важнее всего, начались первые переговоры между высшими военными руководителями

США и Англии для выработки общей большой стратегии на случай вступления Америки в войну. Эти переговоры начались еще в августе 1940 года, когда Маршалл и Старк (главком ВМС США) послали в Лондон миссию во главе с адмиралом Гормли, генералом Эммонсом (ВВС) и генералом Стронгом. Они прибыли как раз вовремя, чтобы непосредственно, как говорится, из первого ряда наблюдать битву за Англию и немецкие воздушные налеты.

В разгар этих переговоров, 27 сентября, пришло сообщение о подписании трехстороннего договора в Берлине, в котором Япония признавала главенствующую роль Германии и Италии в установлении «нового порядка» в Европе, а Германия и Италия, в свою очередь, признавали главенствующую роль Японии в организации «сферы взаимного процветания Великой Восточной Азии».

Это было столь явным вызовом Соединенным Штатам, что многие советники Рузвельта, включая госсекретаря Кордуэлла Хэлла, настаивали, чтобы штабные переговоры с англичанами получили официальный и конструктивный характер. Однако, приближались выборы, и против Рузвельта выдвигались обвинения в том, что он, ведя тайные переговоры, «вовлекает нацию в войну».

Поэтому настоящие переговоры американского и английского штабов начались лишь в конце января 1941 года. Главными американскими представителями были адмиралы Гормли и Тэрнер. Английскую миссию возглавляли адмиралы Беллерс и Дэнквертс. На первом же заседании было принято

решение, чтобы эти переговоры были окружены самой глубокой тайной, так как любая огласка могла бы дать оружие в руки противников ленд-лиза и вызвать другие последствия, которые, по словам начальника штаба армии США генерала Маршалла, могли бы оказаться губительными. Члены английской миссии были одеты в штатское и фигурировали под видом «технических советников британской закупочной комиссии».

Штабные переговоры продолжались до 29 марта и привели к созданию плана большой стратегии, известной под названием АВС-1. Сущность этого плана заключалась в том, что в случае участия объединенных англо-американских сил в войне с Германией и Японией войска будут сосредотачиваться сначала против Германии, в то время как против Японии до разгрома Германии будет вестись сковывающая война на истощение.

* * *

12 марта 1941 года большая толпа народа собралась на Центральном вокзале в Токио, провожая министра иностранных дел Мацуока в его турне по Европе. Мацуока должен был проехать на поезде через всю Сибирь, заехать в Москву, а затем направиться в Берлин и Рим.

23 марта 1941 года Мацуока прибыл в Москву. Японскому министру были оказаны высшие протокольные почести и прямо с вокзала его повезли в Кремль, где он был принят лично Сталиным. Столь великой чести давно никто не удостоивался.

Сталин принял Мацуока очень радушно.

Вождь всех народов был на редкость разговорчивым и словоохотливым, что ему было совсем не свойственно.

— Мы оба — азиаты, — объявил Сталин посланцу страны Восходящего солнца, — Советский Союз ошибочно считается европейской страной. Мало кто понимает, что Россия — это такая же азиатская страна, как и Япония.

Мацуока не остался в долгу. Будучи потомков знатнейшей в Японии феодальной фамилии, он, не моргнув глазом, признался Сталину в том, что «по духу он убежденный коммунист». Сталину пришлось выслушать довольно длинную историю о героических деяниях предков японского министра. Азиатская этика советского вождя не позволила прервать гостя.

Затем Мацуока стал убеждать Сталина, что японцы борются в Китае вовсе не с китайцами, а с англо-саксонским либерализмом, который представляет большую опасность для Японии, поскольку все японцы «в душе коммунисты». Западная демократия, уверял Мацуока, чужда и враждебна самому духу японской нации. (Через некоторое время, находясь в Риме, Мацуока объяснил римскому Папе, что его страна борется не с китайцами, а с большевизмом, который поддерживается англо-саксами, являющимися, по существу, тоже большевиками. Это опасно для Японии, поскольку все там ненавидят большевизм, отрицающий религию и демократию. Он совсем не понимает Гитлера, признался Папе Мацуока, который превратил Антикоминтерновский пакт в посмешище).

Постепенно разговор, как и принято на Востоке, перешел в деловое русло. Поговорили о возможном заключении договора о ненападении и нейтралитете и о ликвидации японских концессий на северном Сахалине.

Торговались долго, в соответствии с древними традициями азиатских базаров, и Сталин жестами показал Мацуока, что тот — бессердечное существо — просто душит его. Показал, взяв себя руками за горло. Мацуока пообещал решить эти вопросы после возвращения из Берлина, когда он, по пути на родину, снова заедет в Москву. Он рассчитывает это сделать примерно 8 апреля.

Сталин поинтересовался, что думают японцы делать с английскими и голландскими колониями в юго-восточной Азии, которые остались фактически безхозными после крушения далеких европейских метрополий.

О сокрушении Англии говорили так, как будто это уже произошло.

Мацуока отметил, что этот вопрос «очень сложный и деликатный».

Он знает, что Советский Союз уже вел переговоры с Гитлером по поводу дальнейшей судьбы «обанкротившегося британского поместья» и претендует на район Персидского залива. Япония ничего не имеет против этого, но нужно твердо и точно решить, что достанется Японии, а что — СССР.

Тут речь идет главным образом об Индии, поскольку западнее этого района Япония никаких интересов не имеет.

Зная, что большая часть его слов будет навер-

няка пересказана Гитлеру, Сталин сделал вид, что полностью разделяет взгляды японского министра. Да, согласился он, у азиатских стран интересы должны быть исключительно в Азии. В Европе будет доминировать Германия, а СССР и Япония разделят свои интересы в Азии. Советский Союз оккупирует Иран, Афганистан, Ирак и восточный берег Персидского залива. Пусть Гитлер думает, что, поразмыслив, Сталин склоняется к его рекомендациям, высказанным в ноябре 1940 года во время визита Молотова в Берлин. Пусть он думает так и спокойно лезет в Англию...

К сожалению, продолжал Мацуока, он не может не обратить внимание господина Сталина на совершенно неконструктивную, провокационную и просто оскорбительную позицию, которую заняли поджигатели войны в Вашингтоне по отношению к Германии и Японии. Особенно, к Японии. Они грозят нам торговыми санкциями, обещают задушить нашу экономику, заморозить наши активы, пожаловался Мацуока. При этом они позволяют себе разговаривать с нами таким тоном, будто мы не великая держава, а их колония. В Вашингтоне не отдают себе отчета, что это все может кончиться для них весьма плачевно. Сейчас вся Япония возмущена очередной американской провокацией. Рузвельт приказал своему флоту постоянно оставаться на Гавайских островах, чтобы, по его словам, играть роль револьвера в руках полицейского и «остановить Японию, вставшую на путь откровенного разбоя». Речь идет о наших действиях в Индокитае, которые проводятся строго в рамках договора,

заключенного с французским правительством в Виши. Какое право имеет Америка объявлять какие-то страны преступными, а себя считать блюстителем порядка?

Сталин уклонился от прямого ответа на этот вопрос, но поинтересовался, насколько волнует Японию та гигантская программа военно-морских вооружений, которая в настоящее время осуществляется в Соединенных Штатах. Не кажется ли в Токио, что эта программа направлена в первую очередь против них?

Мацуока признался, что столь откровенная подготовка Америки к войне против его страны очень волнует японское правительство. Но, добавил он, никто не сомневается, что американцы способны наковать горы кораблей, самолетов и прочего оружия, но кто будет воевать этим оружием?

Он, Мацуока, сильно сомневается, чтобы американцы были на это способны. (Себя Мацуока считал величайшим знатоком Америки и возможностей ее народа). Американцы, продолжал японец, очень разложены своими стандартами жизни и либерализмом демократии. Несколько поражений, которые они наверняка потерпят, хотя бы из-за недостатка боевого опыта, быстро заставят Вашингтон искать мира. Общественное мнение, столь сильное в США, составленное из истеричных жен и мамаш призванных в армию бездельников, немедленно заставит не в меру воинственного президента Рузвельта вернуть их сынков — разных там клерков, адвокатов, репортеров и джазменов — обратно домой к их спокойной и сытой жизни.

Сталин оживился. Примерно то же самое говорили ему и его аналитики. Америка готова поставлять оружие в любом количестве, чтобы воевать чужими руками. Но вести самостоятельно изнурительную современную кровавую войну — совершенно неспособна. Неспособная — благодаря сильному общественному мнению и демократии. Кроме того, не унимался обиженный Мацуока, нам тоже есть чем удивить этих янки, если они полезут воевать.

Сталин знал, о чем говорил японец. Советская разведка давно уже сообщала о строительстве в Японии каких-то сверхмощных линейных кораблей, аналога которым не было ни у Соединенных Штатов и ни у кого в мире. Огромный японский флот мог без страха ждать любых провокаций Америки. Прекрасные боевые корабли — мощнейшие авианосцы, линкоры и тяжелые крейсера — были укомплектованы великолепно обученным личным составом, готовым умереть за Родину и Микадо в духе древних традиций воинов-самураев: победа или смерть.

Принимая во внимание это обстоятельство, даже немного удивляла столь невзвешенная политика президента Рузвельта, бросающего вызов сразу Японии и Германии, имея при этом лишь пародию на настоящие вооруженные силы.

Разволновавшись, Мацуока признался Сталину, что ненавидит американскую демократию, которая разлагает народ, заставляя его подчиняться своим собственным прихотям, а не выполнению национальной задачи, поставленной вождями.

Поэтому он, Мацуока, убежденный сторонник стран Оси и противник гниющих демократий.

На это Сталин без секунды колебаний заверил японского министра, что он также убежденный сторонник стран Оси и противник англо-американского империализма.

Наутро Мацуока отбыл в Берлин.

* * *

К приезду Мацуока Гитлер подписал «Директиву № 24» «О взаимодействии с Японией». В директиве говорилось:

«1. Целью взаимодействия, основанной на Пакте Трех держав, должно стать побуждение Японии как можно быстрее открыть военные действия на Дальнем Востоке. Это свяжет крупные силы англичан и отвлечет главные усилия Соединенных Штатов в сторону Тихого океана.

Принимая во внимание неподготовленность к войне потенциальных противников Японии на Дальнем Востоке, удары Японии по ним имеют огромные шансы на успех. Параллельно осуществляемый план «Барбаросса» создаст благоприятные политические и военные условия для этого.

2. В подготовке такого взаимодействия наиболее важным является усиление боевой мощи Японии всеми средствами.

Для выполнения этой задачи главнокомандующие всеми видами вооруженных сил Германии должны быстро и в полном объеме удовлетворять все требования Японии об информации, связанной с немецким опытом войны, а также, с вопросами эко-

номической и технической помощи.

Фюрер оставляет за собой право принятия решений в особых случаях.

3. Координация оперативных планов двух стран возлагается на Главное командование военно-морских сил. При этом следует руководствоваться следующими принципами:

а. Общая стратегическая цель должна быть представлена как быстрое завоевание Англии с тем, чтобы предотвратить вступление Америки в войну...

б. Огромные успехи, достигнутые Германией в войне против судоходства, должны стимулировать использование мощных японских военно-морских сил для решения подобной задачи...

в. Положение «Пакта трех держав» относительно стратегического сырья предполагает, что Япония должна сама захватить богатые сырьем территории, необходимые для ведения войны...

г. Захват Сингапура — ключевой позиции Англии на Дальнем Востоке — явится решительным успехом комбинированной стратегии трех держав.

5. Никакой предварительной информации о плане «Барбаросса» японцы получить не должны...»

Риббентроп в беседах с японским послом в Берлине генералом Осима, уже не стесняясь, советовал:

— Вы должны немедленно захватить Сингапур!

— Но мы не воюем с Англией, — вежливо кланялся японский генерал.

— Будущее Японии не будет обеспечено, —

уверял Риббентроп, — если вы не захватите русское Приморье, Сингапур и Филиппины (то есть, не начнете войны с СССР, Англией и США одновременно).

Совершенно бестактное с точки зрения дипломатической этики поведение Риббентропа не вызвало никаких эмоций у японского посла. Он продолжал улыбаться и кланяться, обещая проконсульствоваться со своим правительством, которое «всей душой на стороне Германии и ее правого дела по установлению в мире нового порядка».

Поэтому немцы решили дождаться Мацуока и обсудить с ним вопросы открытия «второго фронта» против всех нынешних и потенциальных противников «нового порядка в Европе и мире».

* * *

В отличие от приема, оказанного ему в Москве, где Мацуока сразу же повезли к Сталину, в Берлине ему пришлось до встречи с Гитлером выслушать длинную, сбивчивую и занудную речь Риббентропа в Имперском министерстве иностранных дел. Основное достоинство японцев — умение слушать, не перебивая, давая частыми и быстрыми поклонами понять говорящему, насколько им нравится услышанное. Что они при этом действительно думают, понять по их кукольным лицам с застывшими улыбками совершенно невозможно.

Это раздражало Риббентропа, а потому его речь получилась путанной, временами переходящей в чисто митинговую агитацию.

Начал имперский министр с того, что напом-

нил Мацуока и присутствующему на беседе послу Осима о крахе Англии.

— Германия, — сказал он, — находится в последней стадии своей борьбы против Англии... сейчас Германия вполне готова помериться с Англией силами, где угодно. Фюрер имеет в своем распоряжении вооруженные силы, мощнейшие из всех когда-либо существовавших. Риббентроп с гордостью заявил, что Германия уже имеет двадцать четыре танковых дивизии.

Мацуока почтительно поклонился. Из источников собственной разведки он знал, что СССР только в западных округах уже развернул сорок танковых дивизий. Поэтому он позволил себе осведомиться: каковы нынешние отношения Германии и России?

Но это только конфиденциально, предупредил Риббентроп и сообщил, что «нынешние отношения с Россией являются корректными, хотя и не очень дружественными. После визита Молотова, когда русским предложили присоединиться к пакту «Трех держав», Россия поставила неприемлемые условия. Они означали принесение в жертву Финляндии, предоставление Сталину базы в Дарданеллах и тому подобное. Фюрер не дал своего согласия...»

Мацуока поинтересовался, не опасается ли Германия, что в подобной ситуации Сталин, сговорившись с англичанами, нанесет удар по Германии, воспользовавшись какими-нибудь удобными обстоятельствами, скажем, уходом крупных сил немецкой армии на Балканский полуостров?

Риббентроп разволновался, поскольку в Берлине этого боялись пуще смерти.

— Я лично знаком со Сталиным, — сдерживая себя, ответил Риббентроп, — и не считаю его склонным к авантюрам, но быть вполне уверенным нельзя.

— Германские армии на Востоке всегда находятся в состоянии готовности, — не совсем уверенным голосом продолжал Риббентроп, но, увидев, как переглянулись между собой Мацуока и Осима, а их улыбки из эллипсов неожиданно превратились в овалы, он сорвался и почти закричал, — если когда-нибудь Россия займет позицию, которую можно будет истолковать как угрозу Германии, фюрер сокрушит Россию!

— Война уже определенно выиграна, — подвел итог Риббентроп. — Судьба Англии окончательно решится в ближайшие три-четыре месяца. Англичане давно бы вышли из войны, если бы Рузвельт не обнадеживал всякий раз Черчилля... Главный враг нового порядка — Англия, которая является в такой же мере врагом Японии, как и Германии.

— Поэтому фюрер по зрелом размышлении, — понизив голос, продолжал Риббентроп, — пришел к выводу, что нашим странам было бы выгодно, если бы Япония решила как можно быстрее принять активное участие в войне против Англии. Например, молниеносное нападение на Сингапур явилось бы решающим фактором в быстром разгроме Англии... Япония, быстро захватив Сингапур, приобретет абсолютно господствующую позицию в этой части Восточной Азии.

Это было слишком даже для невозмутимого Мацуока. Он ответил, что этот вопрос требует тщательного изучения и консультации с правительством...

В тот же день, после обеда, Мацуока был принят Гитлером. Тот так же, как Риббентроп, решил произвести впечатление на японского министра перечнем военных побед Германии.

Внесли хрустальные бокалы с минеральной водой для фюрера и шампанским — для остальных, и был провозглашен тост за окончательную победу над Англией.

— Было бы очень хорошо, — сказал Гитлер, беря под руку маленького японца, — если бы Япония также приняла участие в окончательном разгроме Англии. Быстрый захват Сингапура стал бы просто великолепным событием. Англия бы навсегда утратила возможность к сопротивлению. Что на это скажет господин посол Мацуока?

Мацуока поблагодарил Гитлера за откровенность и ответил, что в целом согласен с точкой зрения фюрера. К сожалению, он не обладает, в отличие от Гитлера, верховной властью в Японии и еще должен склонить к своей точке зрения тех, кто правит страной Восходящего солнца. Поэтому он не может взять на себя никаких определенных обязательств, но готов сделать все от него зависящее. Он постарается убедить руководство своей страны, что в противном случае Япония упустит возможность, которая возникает раз в тысячелетие.

Затем Гитлер поинтересовался: о чем Мацуока и Сталин говорили в Москве?

Мацуока не сказал ни слова о том, что он на обратном пути собирается подписать со Сталиным договор о нейтралитете. Гитлер тоже ничего не сказал о плане «Барбаросса». Он только поведал Гитлеру о беспокойстве Сталина по поводу судьбы британских владений, особенно в районе Персидского залива, и его надежды, что после краха Британии все разногласия между Японией и Россией будут устранены. Сталин признался ему, что англосаксы — общий враг Японии, Германии и Советской России... Прием закончился, но ощущение какой-то недоговоренности осталось у той и другой стороны.

* * *

6 апреля 1941 года Мацуока и его делегация покинули Берлин. Пересекая советскую границу, японцы узнали, что германские войска вторглись в Югославию. Все советники Мацуока были ошеломлены — только вчера Россия подписала с Югославией договор о нейтралитете. Но сам Мацуока, напротив, был обрадован. «Можно сказать, — объявил министр, — что договор со Сталиным уже у меня в кармане!»

Он был прав. Через неделю после прибытия в Москву Мацуока подписал в Кремле договор о нейтралитете, что было отмечено торжественным банкетом. Сталин, которому этот договор развязывал руки в задуманном походе на Запад, был явно в прекрасном расположении духа. Он лично подносил японцам подносы с яствами, обнимался и целовался с ними, пританцовывая при этом, как дресси-

рованный медведь. Для него стало ясно, что Гитлер не готовит нападение на СССР. В противном случае он никогда бы не допустил заключения подобного соглашения между СССР и Японией. Был провозглашен тост за здоровье японского Императора. Японские гости дружно прокричали: «Банзай!»

Мацуока провозгласил ответный тост за здоровье вождя всех народов и, чокаясь бокалами со Сталиным, сказал ему то, что ни один другой японский дипломат не осмелился бы сказать никому:

«Договор подписан. Он абсолютно искренен. Я отвечу головой, если это не так. Если же вы меня обманете, то вы также ответите головой».

«Моя голова нужна моей стране, — холодно ответил Сталин. — Так же, как ваша нужна Японии. Пусть они останутся у нас на плечах».

Напряженность этого момента стала еще сильнее, когда Мацуока очень неудачно пошутил, что его военный и военно-морской советники перестанут постоянно обсуждать вопрос, как быстро и эффективно разгромить Россию, что уже имело место не в таком уж далеком прошлом.

На это Сталин очень серьезно заметил, что хотя Япония ныне очень сильна, Советский Союз — тоже не царская Россия 1904 года.

Но через мгновение Сталин взял себя в руки и вернул себе веселое настроение.

— Вы — азиат! — заявил он японскому министру. — И я тоже азиат.

— Мы все азиаты. Выпьем за азиатов!

Бесчисленные тосты вынудили отложить отправление транссибирского экспресса более чем на

час. Этим поездом Мацуока должен был отбыть на родину.

К удивлению японцев Сталин и Молотов прибыли на железнодорожную платформу, чтобы еще раз с ними попрощаться. Сталин обнял и поцеловал военного советника министра генерала Нагаи. Затем он снова обнял маленького Мацуока, несколько раз с чмоканьем поцеловал и сказал:

— Европе бояться нечего, поскольку существует советско-японский пакт о нейтралитете!

— Теперь нечего бояться и всему миру, — в тон вождю ответил Мацуока и с видом завоевателя прыгнул на площадку вагона. Сталин в этот момент уже обнимался с немецким послом и его военным атташе, приговаривая, — Мы должны остаться друзьями...

Когда поезд тронулся, Мацуока рассказал своему личному секретарю Касе, что во время пребывания в Москве откровенно поговорил со своим старым другом, американским послом в СССР Лоренсом Стейнхардом. Они пришли к взаимному соглашению о необходимости восстановления хороших отношений между США и Японией.

— Итак, — заявил Мацуока, — в следующий раз я отправляюсь в Вашингтон.

IV

На другом конце земного шара японский посол в Вашингтоне, одноглазый отставной адмирал Кичисабуро Номура тоже пытался разрешить противоречия между США и Японией с государственным секретарем США Корделлом Хэллом. Их пе-

реговоры были инспирированы двумя энергичными католическими священниками: епископом Джеймсом Уэлшем и его помощником отцом Джеймсом Драфтом. Примерно шесть месяцев назад, имея рекомендационное письмо от Льюиса Страусса из фирмы «Кюн, Лееб и К°», оба священника отправились в Токио, где были приняты Тадао Икава, директором Центрального Сельскохозяйственного и Лесного банка Японии. Священники убеждали Икаву, что люди доброй воли в Японии и Америке должны попытаться миром разрешить все спорные вопросы между двумя странами и показали ему меморандум, названный «Доктриной Монро для Дальнего Востока».

На Икаву меморандум произвел сильное впечатление, и он выразил уверенность, что любой японец, обладающий здравым смыслом, согласится с условиями этого меморандума. В течение нескольких лет службы в Соединенных Штатах в качестве официального представителя японского министерства финансов, Икава приобрел множество друзей в банковских кругах Нью-Йорка и даже обзавелся женой американкой. Икава предположил, что за миссией двух священников стоит сам Рузвельт, поскольку отец Драфт намекнул, что они действуют с благословения «очень высоких лиц» в американском правительстве. Загоревшись энтузиазмом, Икава представил священников премьер-министру Коноэ и министру иностранных дел Мацуока. Премьер предложил, чтобы Икава пригласил и представителя армии в лице полковника из Военного министерства Хидео Ивакура. Это был

влиятельный офицер, представлявший из себя удивительную комбинацию идеалиста и интригана, и являлся как раз тем самым человеком, который мог бы воплотить в жизнь проект американских священников...

Ивакура искренне считал, что мир с Америкой является спасением для Японии. Но за его лукавой и даже несколько робкой улыбкой скрывался наиболее зловещий и умный офицер японской армии. Будучи экспертом по разведке, Ивакура основал престижную «школу шпионов Накано», которая как раз в это время направляла группы хорошо обученных агентов практически во все азиатские страны, снабдив их идеалистическими взглядами самого Ивакура о «свободном объединении азиатских наций».

Ивакура также принадлежала идея разрушения китайской экономики путем «затопления» Китая фальшивыми иенами на два миллиарда долларов. Кроме того, Ивакура сумел предоставить убежище в Маньчжурии пяти тысячам бесприютных евреев, бежавших от Гитлера. Для этого ему пришлось напомнить командованию Квантунской армии, что японцы находятся в неоплатном долгу перед евреями, поскольку еврейская фирма «Кюн, Лееб и К^о» профинансировала всю русско-японскую войну.

Полковник Ивакура организовал встречу американских священников с генералом Акира Муто, шефом Бюро по Военным вопросам. Тот также был весьма впечатлен их предложениями и благословил их дальнейшую деятельность. Около Нового года священники вернулись в Америку, где быстро при-

обрели союзника в лице министра почт и телеграфа Фрэнка Уолкера, который был ревностным католиком. А Уолкер, в свою очередь, устроил священникам встречу с президентом Рузвельтом. Рузвельт прочел длинный, восторженный меморандум и переслал Хэллу с сопроводительной запиской: «...Сообщите, можем ли мы как-то на практике использовать этот документ? Ф.Д.Р.».

Хэлл ответил, что со «скептицизмом» рассматривает какое-либо практическое применение меморандума в настоящее время. Ответ Хэлла был составлен его старшим советником по дальневосточным делам доктором Стенли Хорнбеком, известным своими симпатиями к Китаю и враждебностью к Японии. «Мне кажется маловероятным, что японское правительство и японский народ готовы в данный момент принять что-либо подобное».

Но Президент был настолько заинтригован этой идеей, что попросил Уолкера передать выполнение своих прямых обязанностей заместителю, а самому продолжать оказывать епископу Уолшу максимально возможное содействие. В качестве «президентского агента» Уолкер основал секретную явку на восемнадцатом этаже Беркширского отеля в Нью-Йорке, получив при этом условное имя «Джон Доу».

В конце января епископ Уолш телеграфировал своему другу Икава:

«В результате встречи с Президентом очень надеюсь на дальнейший прогресс нашего дела. Ожидаю дальнейшего развития событий».

Икава поинтересовался, должен ли он сам

прибыть в Вашингтон, чтобы помочь священникам и послу Номура найти формулу «существования».

Адмирал Номура был прямым и честным человеком, отличавшимся добродушным характером и доброй волей, но, к сожалению, он не имел опыта в вопросах дипломатии и внешней политики.

Икава отправился за советом к полковнику Ивакура. Полковник посоветовал ему ехать немедленно и даже взял на себя хлопоты по оформлению загранпаспорта для Икава и добыванию денег на поездку. Деньги полковник получил у нескольких предпринимателей, кровно заинтересованных в сохранении мира с Соединенными Штатами. Икава должен был оказать содействие послу Номура в нахождении предлога для переговоров с американскими бизнесменами.

Когда известие о предстоящей поездке Икава дошло до Мацуока (это было еще до его турне по Европе), он обвинил армию, что та «вмешивается в переговоры с Америкой» и «напрасно тратит деньги». Военный министр Хидеки Тодзио, ничего не знающий обо всех этих деньгах, вызвал к себе полковника Ивакура.

Зная категоричность взглядов генерала, Ивакура прикинулся несведущим, а в министерство иностранных дел сообщил, что армейское командование ничего не знает о предстоящей миссии Икава. Это была опасная игра, но Ивакура считал, что дружеские отношения с Америкой стоят этого риска. Кроме того, играть в опасные игры было чем-то вроде хобби полковника. Он считал, что на этом

его вовлечение в данное предприятие закончится, хотя в действительности оно только начиналось. Неизвестно, что повлияло на генерала Тодзио в разговоре с Ивакура, но он неожиданно приказал полковнику самому ехать в Америку и оказать содействие послу Номура.

Чтобы подготовиться к выполнению этой задачи, полковнику пришлось проконсультироваться, как со сторонниками неизбежности войны с США, так и со сторонниками мира. Лидер экстремистской организации «Братство Крови» Нисшо Иноуэ просто посоветовал Ивакура рассматривать свою предстоящую миссию не более чем разведывательную. «Мы должны начать сражаться с британцами и американцами, — заявил он, — поскольку они зажали нас в тиски блокады. Поэтому вы должны, находясь в Америке, выяснить оптимальное время, когда мы должны начать войну». Однако число тех, кто убеждал полковника постараться достичь с американцами соглашения, было много больше. Их голоса заглушали звон мечей экстремистов.

30 марта 1941 года Ивакура прибыл в Нью-Йорк, где обнаружил, что американское общество еще сильнее японского расколото по вопросам войны и мира: Одна часть общества, именуемая «интервенционалистами», убежденная, что будущее и безопасность страны зависят от помощи США «демократиям» в деле сокрушения «агрессоров», протасила через Конгресс закон о «ленд-лизе», дающий право Америке оказывать неограниченную помощь противникам стран Оси. Они называли

США «Арсеналом Демократии».

Другая часть американского общества, именуемая «изоляционистами», называла себя «борцами за мир» и включала пестрый конгломерат разных мелких партий и общественных организаций, начиная от коммунистов и кончая профашистским «Германо-Американским Бундом».

Прямо из аэропорта полковника Ивакура отвезли в собор Св. Патрика на встречу с епископом Уолшем и отцом Драфтом.

«Из-за подписания Тройственного пакта, — заявил Ивакура, — Япония не в праве предпринимать что-либо, что бы могло быть истолковано Германией и Италией как предательство. Тринадцатый ученик Христа, Иуда, предал своего учителя, и все христиане в мире презирают его. То же самое может произойти с Японией. Так что, если вы предполагаете, что мы можем выйти из пакта, забудьте об этом». Священники заверили японского полковника, что они это хорошо понимают, и Ивакура отправился в Вашингтон. Он снял номер в отеле «Уордман Парк», где недавно находились апартаменты Корделла Хэлла.

На следующее утро полковник представился адмиралу Номура, найдя его горящим желанием поскорее использовать неофициальный канал для переговоров, открытый двумя священниками и Икава.

Правда, большинство профессиональных дипломатов японского посольства были против подобного подхода, относясь к Икава с нескрываемой враждебностью. Вновь прибывший Ивакура пред-

ставлял для них еще большую загадку.

2 апреля отец Драфт и оба неофициальных японских дипломата стали составлять проект общих положений достижения взаимопонимания между Японией и Соединенными Штатами. Через три дня работа была закончена. Составленный проект охватывал самые различные вопросы и проблемы: от Тройственного пакта до экономической деятельности в юго-западной части Тихого океана. Особенно важные положения касались Китая, откуда Япония должна была вывести свои войска и отказаться от любых претензий на любую часть китайской территории. Кроме того, необходимо было обеспечить признание Китаем Маньчжоу-Го и урегулирование отношений между Чан-Кай-ши и режимом в Нанкине, который возглавлял бывший премьер республиканского Китая Ван-Чан-вей.

Драфт передал копию составленного документа министру почт Уолкеру, который охарактеризовал его как «революцию в японской «идеологии», а так же доказательством полного успеха американской народной дипломатии». Уолкер переслал документ президенту Рузвельту с рекомендацией немедленно его подписать, пока нынешних японских лидеров «не убили в ходе очередного военного путча».

В японском посольстве, после некоторых изменений во фразеологии, документ был также безоговорочно одобрен послом Номура, посланником Вакасуги, военным и военно-морским атташе и начальником из отдела экспертизы договоров.

Проект «Взаимопонимания» был тщательным образом изучен и в Госдепартаменте США

экспертами по Дальнему Востоку. Они пришли к заключению, что «большинство положений документа содержат все, о чем сами японские империалисты могли только мечтать».

Хэлл был не очень доволен, но посчитал, что некоторые положения соглашения можно будет позднее «модифицировать» путем переговоров, где неизбежны взаимные уступки.

14 апреля Икава сообщил послу Номура, что этим вечером он договорился о частной встрече в отеле Уордман Парк с госсекретарем Хэллом. Удивленный Номура отправился в отель, все еще не веря в возможность такой встречи и считая, что над ним подшутили.

В восемь часов вечера японский посол подошел к двери указанного ему номера и постучал. К его удивлению, дверь открыл сам Хэлл. Госсекретарь был явно спросонья и говорил медленно, подбирая слова. При этом он разглядывал японца без всякого удовольствия. Хэлл был родом из Теннесси — штата горных феодалов и кровной мести.

Номура откровенно признался, что знает все о «Проекте Взаимопонимания», хотя еще не оповестил о нем свое правительство в Токио, но уверен, что там отнесутся к этому проекту «доброжелательно». Хэлл высказал свои возражения по некоторым положениям проекта, добавив, что их надо бы «доработать», чтобы сделать проект «основой для переговоров». Неопытный Номура решил, что «доработанный» проект станет приемлемым для Соединенных Штатов.

Но адмирал серьезно ошибался. Хэлл неволь-

но ввел японского посла в заблуждение, поскольку совсем не рассматривал этот проект в качестве солидной основы для переговоров. Возможно, это недопонимание стало результатом слабого знания японским послом английского языка. Или возможно, что сильное желание Номура достичь соглашения оказало влияние на интерпретацию японским послом туманной фразеологии Хэлла. Во всяком случае, здесь вина исключительно Хэлла. Он должен был знать, что нельзя было подавать какие-либо надежды японцам, если у него не было намерения этого делать. Была допущена тактическая ошибка.

Через два дня оба дипломата встретились снова в номере Хэлла.

— Есть один очень важный вопрос, который крайне заботит мое правительство, — начал как бы издаലെка Хэлл, — мы желаем предварительно получить твердые гарантии того, что японское правительство имеет желание и возможности выполнить предложенный план... Прежде всего оно должно отказаться от нынешней доктрины военных захватов...

Американский госсекретарь достал лист бумаги и зачитал адмиралу Номура четыре предварительных требования к японскому правительству:

«1. Уважение к территориальной целостности и суверенитету всех государств.

2. Поддержка принципа невмешательства во внутренние дела других стран.

3. Поддержка принципа равноправия в международной торговле.

4. Поддержка принципа «статус кво» на Тихом океане и изменение его только мирными средствами».

После второго разговора с Хэллом Номура направил проект «Взаимопонимания» в Токио, сопроводив его рекомендацией для благожелательной реакции со стороны японского правительства. Номура добавил, что Хэлл «в целом не имеет возражений против этого проекта» и готов использовать его в качестве основы для переговоров (чего Хэлл совсем не собирался делать).

На этот раз сам Номура совершил непростительный дипломатический промах. Он не сообщил в Токио четыре предварительных условия, которые ему зачитал американский госсекретарь. Это наверняка сильно охладило бы энтузиазм премьер-министра Коноэ по отношению к проекту «Взаимопонимания».

Собрав чрезвычайное совещание кабинета и военного руководства, премьер зачитал им основные положения проекта «Взаимопонимания», выдав его за предложение американского правительства. Даже все военные отнеслись к проекту с энтузиазмом и единодушно решили, что подобное американское предложение (как они ошибочно посчитали), должно быть немедленно принято. Против этого возразил только заместитель министра иностранных дел. Он попросил всех подождать несколько дней, когда Мацуока вернется из Москвы. Принц Коноэ не хотел никаких трений со скандальным Мацуока и согласился.

21 апреля премьер узнал, что Мацуока наконец

прибыл в Дайрен. Он связался с министром иностранных дел по телефону и попросил его немедленно вернуться в Токио, чтобы обсудить важные предложения, поступившие из Вашингтона. Мацуока ошибочно решил, что это стало первым результатом его бесед в Москве с американским послом Лоренсом Стейнхардом, и радостно объявил своему секретарю, что вскоре отправится в Америку, чтобы завершить свой план достижения мира во всем мире.

Во второй половине следующего дня самолет Мацуока совершил посадку на авиабазе Тачикава и министр появился на трапе, приветствуемый восторженными криками встречавших его людей. Среди встречающих был и премьер Коноэ, который предложил Мацуока сразу направиться в свою резиденцию, где ожидали все члены кабинета. По дороге премьер хотел кратко ввести министра иностранных дел в суть американских предложений.

Мацуока не согласился, заявив, что хочет захватить на площадь у Императорского дворца, чтобы выразить свою глубочайшую преданность Его Величеству Императору. Коноэ совсем туда ехать не хотелось, но он не мог выразить такого непочтения к Императору и согласился, чтобы Мацуока именно так и поступил. Поэтому они оставили аэропорт в разных автомобилях: Мацуока поехал на Дворцовую площадь, а Коноэ был слишком гордым, чтобы ехать вместе с ним. По дороге к дворцу Мацуока узнал от своего заместителя, что американские предложения явились результатом не его деятельности, а каких-то дипломатов-любителей. Мацуока

был очень уязвлен и решил, что обсуждать подобный документ ниже его достоинства. Поэтому он сознательно опоздал на встречу кабинета, почти никого там не застал, включая и самого принца. Тем, кого он застал, Мацуока стал пространно рассказывать, как его встречали «Сталин-сан и Гитлер-сан», говоря о них таким тоном, как будто это были его лучшие друзья.

Но бесконечно уклоняться от обсуждения проекта «Взаимопонимания» было, конечно, невозможно. Ознакомившись с документом, Мацуока взорвался от возмущения. Какое американцам дело до нашего соглашения с Германией и Италией? Они хотят просто использовать нас, как в прошлую войну, когда они заключили соглашение о признании наших особых интересов в Китае, а после войны разорвали его! Это их старый трюк!

Внезапно Мацуока объявил, что чувствует себя очень уставшим, желает месяц отдохнуть и уехал домой. Однако, поведение министра иностранных дел не повлияло на решение кабинета, где даже генералы Тодзио и Муту проголосовали за одобрение проекта «Взаимопонимания» без всяких проволочек.

* * *

Между тем, пока Мацуока устранился от дел, считая проект «Взаимопонимания» плодом какого-то тайного заговора военных, избравших в качестве своего орудия полковника Ивакура, сам Ивакура решил стремительно форсировать события. 29 апреля, в день рождения Императора, полковник

решил больше не сдерживать себя и позвонить по телефону лично Мацуока. Это было в равной степени неосторожно и нескромно, но оба эти качества были в крови у Ивакура. Кроме того, его помощники усиленно подзуживали его поступить именно так. Было решено, что Ивакура и Икава должны позвонить министру иностранных дел с секретной явки министра почт Уолкера в Нью-Йорке.

Вечером оба японца явились на «явку» Уолкера (номер 1812 в отеле Беркшир) и начали пить портвейн за здоровье Императора. Полковник Ивакура пить умел не очень, а потому после двух бокалов почувствовал небывалую смелость и решительность. В восемь часов вечера (в десять часов утра следующего дня по токийскому времени) Ивакура позвонил домой министру иностранных дел Мацуока.

— Поздравляю вас с возвращением из Европы, — начал полковник. — Как вы нашли рыбу, которую я вам нынче прислал? Пожалуйста, приготовьте ее как можно быстрее. Иначе она может испортиться. Номура и все остальные ждут от вас быстрого ответа.

— Знаю, знаю, — кратко ответил Мацуока. — Передайте ему, чтобы он не так активничал.

— Пожалуйста, выясните, что остальные думают по этому вопросу, — не унимался Ивакура, задетый тоном министра иностранных дел. — Если вы будете долго возиться с этой рыбой, она точно протухнет. Пожалуйста, будьте крайне осторожны. Иначе, именно вы за все будете отвечать.

— Знаю, — резко сказал Мацуока и повесил трубку. Ивакура пробормотал что-то неразборчивое, швырнул трубку на рычаг и, к удивлению Икава, быстро покинул помещение.

На следующий день оба японца позвонили бывшему президенту США Герберту Гуверу. Тот их тепло поприветствовал, но заметил, что, поскольку республиканцы в настоящее время не находятся у власти, они мало могут помочь в предстоящих переговорах. «Если не удастся избежать войны, — сказал бывший президент, — человеческая цивилизация будет отброшена на пять тысяч лет назад». Помолчав, Гувер добавил: «Переговоры должны закончиться к лету. Иначе они провалятся».

В Токио Мацуока все еще медлил с ответом Хэллу. Он информировал Гитлера о проекте «Взаимопонимания» и ожидал его реакции. Тем, кто торопил его, Мацуока объяснял, что до одобрения проекта «Взаимопонимания», с Америкой необходимо подписать договор о нейтралитете, который должен действовать даже в том случае, если Япония и Англия окажутся в состоянии войны.

Мацуока проинструктировал адмирала Номура, чтобы тот прозондировал настроение Хэлла по поводу заключения подобного договора. Естественно, Хэлл, не раздумывая, отказался от подобного предложения. Мацуока был очень раздражен. 8 мая он доложил Императору, что если Соединенные Штаты вмешаются в европейскую войну, Япония обязана будет поддержать страны Оси и атаковать Сингапур. Мацуока предсказал, что переговоры в Вашингтоне могут ничем не кончиться,

поскольку Америка явно захочет чем-нибудь поживиться за счет Германии и Италии. «Если это произойдет, — закончил Мацуока, — то боюсь, что я не смогу остаться в кабинете».

Когда принц Коноэ узнал об этом разговоре от самого Императора, выразившего «удивление и серьезную озабоченность», принц организовал секретную встречу со своими военным и морским министрами — генералом Тодзио и адмиралом Ойкава, на которой было решено вынудить министра иностранных дел прекратить саботаж и действовать быстрее.

Был составлен ответ, одобряющий проект «Взаимопонимания», и Мацуока получил приказ незамедлительно отправить его в Вашингтон.

12 мая Номура вручил эту депешу Хэллу. Хэлл прочел ее, не скрывая разочарования. Одобренный японцами документ давал мало простора для достижения соглашения, если «мы не хотели пожертвовать основными принципами своей внешней политики», вспоминал позднее госсекретарь. В некоторых местах японцы изменили текст, в некоторых — просто его опустили, в некоторых — вставили новый текст. Необходима была очень большая добрая воля с обеих сторон, чтобы добиться чего-нибудь положительного.

Проблемы, уже возникшие из-за языковых трудностей, взаимного упрямства, жесткости и искреннего непонимания друг друга, еще более увеличивались из-за того, что американцы перехватывали и читали японские сообщения. Дипломатические коды, считавшиеся нераскрываемыми, были «рас-

колоты» американскими специалистами, и сообщения, посылаемые японским правительством за океан своим дипломатам, расшифровывались американцами быстрее, чем это делалось в японском посольстве и консульствах.

Называлась эта операция «Мэджик» («Чудо»). Так что Хэлл заранее знал почти обо всем, что ему собирался сообщить Номура. Но, поскольку многие расшифрованные японские депеши не содержали в себе достаточно ценной информации, которую стоило бы докладывать Хэллу, то морской офицер, возглавлявший группу дешифровальщиков, сам принимал решение, что докладывать Хэллу, а что — нет. Кроме того, расшифровкой и переводом японских депеш занимались люди, далеко не в совершенстве знавшие японский язык и стилистику. Их невольные ошибки порой вводили госсекретаря в заблуждение. (Примерно за две недели до описываемых событий японский посол в Германии Хироши Осима сообщил из Берлина, что доктор Генрих Штамер, отвечающий в германском МИДе за японско-германские отношения, ссылаясь за сведения немецкой разведки, информировал его о том, что американцы «читают» сообщения, отправляемые послу Номура. «Имеются, по меньшей мере, два доказательства, подтверждающих эту информацию, — сообщал Осима. — Во-первых, немцы сами также читают наши шифровки, а во-вторых, американцы еще в 1922 году, во время Вашингтонской конференции, уже раскрыли наши дипломатические коды»).

Однако, Кацуджи Камейяма, начальник служ-

бы связи японского министерства иностранных дел, заверил Мацуока, что «не в человеческих силах расколоть наш дипломатический код», и уверенно предположил, что американцы получают секретную информацию от своих шпионов).

Что касается самого Хэлла, то его постоянно злили «приклеенные» японские улыбки, их «идиотские» поклоны и привычка с шипением всасывать в себя воздух. В результате главному советнику Хэлла по дальневосточным вопросам доктору Хорнбеку было легко убедить своего шефа в том, что японцам нельзя доверять, а любое соглашение с ними станет предательством принципов американской демократии.

В течение этих дней Хэлл и Номура в усилиях разрешить существующие противоречия часто встречались в апартаментах Хэлла в отеле Уордман Парк. Но достичь какого-либо прогресса практически не удавалось.

Дополнительные трудности возникали из-за позиции Мацуока, который в частном порядке и публично делал одно провокационное заявление за другим. 14 мая он с раздражением сказал американскому послу Грю, что Гитлер демонстрирует «величайшее терпение и великодушие», не объявив до сих пор войны Соединенным Штатам; что нападения американских кораблей на немецкие подводные лодки в Атлантике, без сомнения, приведут к войне между Японией и Америкой. Со стороны Соединенных Штатов более «честным и понятным» было бы объявить войну Германии, а не вести эту войну под прикрытием нейтралитета.

Даже морской министр адмирал Ойкава как-то спросил своих коллег по кабинету: «Наш министр иностранных дел случайно не рехнулся?»

А президент Рузвельт, читая переводы расшифрованных депеш, которые Мацуока посылал адмиралу Номура, заметил, что они являются «продуктом очень поврежденного мозга, не способного к спокойному и логическому мышлению».

Подобное поведение Мацуока, когда не министр, а Номура и Ивакура говорили о мире с Хэллом, привели американского госсекретаря к выводу, что его сознательно дурачат, выигрывая время для каких-то акций.

21 июня 1941 года Хэлл наконец ответил на японские предложения: Япония должна выйти из Тройственного пакта и отказаться от своего плана держать войска в некоторых районах Северного Китая для содействия борьбе китайцев с коммунистами.

Принц Коноэ и члены его кабинета были ошеломлены. Ничего подобного не было в проекте «Взаимопонимания». Почему американцы так внезапно отказались от своих «первоначальных» предложений? — вопрошал Коноэ, не знавший о том, что Хэлл никогда не рассматривал проект «Взаимопонимания» в качестве основы для переговоров.

Мацуока расценил ответ Хэлла как личное оскорбление и повод для прекращения переговоров с американцами. Обстановка срывалась в сторону полного хаоса, который еще более усилился на следующий день, в воскресенье 22 июня, когда пришло сообщение о вторжении Гитлера в Россию. Это со-

общение почему-то застало японцев полностью врасплох, хотя еще за 16 дней до этого японский посол Осима сообщал в Токио, что после бесед с Гитлером и Риббентропом он пришел к выводу о неизбежности войны между Германией и Россией.

Едва получив известие о начале войны между Сталиным и Гитлером, Мацуока позвонил Лорду Хранителю Печати маркизу Коичи Кидо и попросил аудиенции у Императора.

Маркиз Кидо, длинноусый, 52-летний крепыш, являлся, как и Коноэ, протеже принца Саендзи. Он исповедовал либеральную политическую философию и здравый смысл, последовательно выступая против захвата Маньчжурии, вторжения в Китай и присоединения к пакту трех держав. Он часто любил повторять предупреждение принца Саендзи, что японская политика должна базироваться на кооперации с Британией и Америкой. В качестве Лорда Хранителя Печати Кидо являлся постоянным конфиденциальным советником Императора по всем вопросам. «Я был для Императора тем же, что и Гопкинс для президента Рузвельта,» — любил прихвастнуть маркиз в старости. (Он умер в девяносто один год). Можно сказать, что Император Хирохито вырос на советах маркиза Кидо. Принц Коноэ и маркиз Кидо являлись наиболее влиятельными гражданскими лицами в Японии.

Получив соизволение на аудиенцию для Мацуока в 17:30, Кидо информировал Императора, что взгляды министра иностранных дел, вероятно, отличаются от взглядов премьер-министра Коноэ. «Мне бы хотелось, — сказал Кидо, — чтобы Ваше

Величество спросили его, проконсультировался ли он с премьер-министром по данному вопросу, напомнив ему, что этот вопрос крайне важен. Он должен знать, что Император более поддерживает мнение премьер-министра. Прошу простить мою дерзость, что я осмелился дать совет Вашему Величеству».

Когда через час Мацуока разговаривал с Императором, было совершенно очевидно, что министр с Коноэ перед аудиенцией не беседовал. Мацуока был уверен, что Германия быстро разгромит Россию, и рекомендовал немедленное вторжение в советскую Сибирь, отложив наступление в южном направлении. Весьма ошеломленный, поскольку подобная политика означала экспансию по двум расходящимся направлениям, Император спросил Мацуока, проконсультировался ли тот предварительно с принцем Коноэ и дал понять, что аудиенция окончена.

Мацуока отправился к Коноэ и снова, не слушая никаких советов, продолжал призывать к нападению на Россию. Причем, делал он это и в частных беседах, и на официальных совещаниях кабинета министров.

Через три дня после аудиенции у Императора Мацуока столкнулся с прямым сопротивлением со стороны военных, которые совсем не горели желанием одновременно воевать с Советским Союзом и Америкой.

Вести морские операции против этих двух стран, заявил морской министр Ойкава, — будет очень трудно. Мы не можем напасть на СССР и в

то же самое время наступать на юг. Флот считает, что не следует провоцировать СССР.

— Когда Германия уничтожит Советский Союз, — возразил Мацуока, — нам ничего не достанется, если мы будем находиться в стороне от событий и не вмешаемся в эту войну, — Затем он сказал фразу, которая выглядела довольно странно в устах министра иностранных дел, — Мы должны либо пролить кровь, либо положиться исключительно на дипломатию. Считаю, что лучше пролить кровь.

На следующий день Мацуока продолжал настаивать на своем, задавая каждому вопрос: какое направление экспансии является более важным — северное или южное?

— Они важны в равной степени, — ответил начальник армейского генштаба генерал Сугийяма. — Но мы должны подождать дальнейшего развития событий.

Он дал понять, что если Москва падет до конца августа, армия вторгнется в советское приморье и Сибирь.

Возник и другой вопрос: «Если мы объявим войну русским, какой будет позиция Соединенных Штатов? Не поддержат ли они СССР? Не объявят ли нам войну?»

Общее мнение было, что это невозможно: СССР и Америка имеют совершенно разные политические системы. Таких союзников не бывает.

Но Мацуока не сдавался. Он доказывал, что согласно докладом генерала Осима из Берлина, война в России скоро закончится, а в конце года

капитулирует и Англия.

— Если мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы разобьют русских, то не получим ничего. Если мы немедленно нанесем удар по СССР, американцы и не подумают вмешаться.

Мацуока уверил присутствующих, что одними «дипломатическими мерами» он удержит Соединенные Штаты от любых «резких движений» в течение трех-четырёх месяцев.

— Но если мы будем ждать развития событий, как предлагают военные, — продолжал Мацуока, — то неизбежно попадем в окружение англичан, американцев и русских. Мы должны вначале нанести удар в северном направлении, а затем — в южном.

Видя, что его слова не производят эффекта на присутствующих, Мацуока крикнул:

— Я хочу, чтобы было принято решение о нападении на Советский Союз!

— Нет, — ответил генерал Сугийяма, говоря от имени всех военных.

* * *

Самые сильные союзники Мацуока находились в Берлине, но сам Гитлер с какими-либо просьбами о нападении Японии на Россию не обращался. Вместо него это сделал Риббентроп в телеграмме немецкому послу в Токио генералу Отту. Утром 30 июня посол Отт зачитал эту телеграмму Мацуока, пояснив, что тем самым Германия формально просит Японию вступить в войну.

На следующем совещании кабинета Мацуока разошелся так, что некоторым показалось, что из его рта вырывается пламя.

— Мои прогнозы всегда сбывались! — кричал министр иностранных дел. — Сейчас я предсказываю, что если мы двинемся на юг, нам придется воевать и с Англией, и с Америкой!

Его слова звучали так страстно, что некоторые военные уже стали колебаться. А не напасть ли в самом деле на СССР, отложив наступление на юг примерно на полгода?

Но в этот момент принц Коноэ, который до этого сидел молча, заявил, что полностью согласен с мнением военного руководства. Говорить было больше нечего, дебаты прекратились и было принято решение наступать в южном направлении.

Теперь нужно было получить формальное одобрение этого решения Императором. Одобрение должно быть получено автоматически в Императорском дворце на совещании в высочайшем присутствии. На подобных совещаниях Император традиционно не делал ничего, а лишь молча сидел, выслушивая доклады о политической обстановке. После этого он должен был показать свое одобрение, приложив к соответствующего документу Большую печать. На таких совещаниях присутствовали члены кабинета, один-два эксперта и Председатель Тайного Совета — гражданское лицо, которое от имени Трона должно было задавать присутствующим вопросы, если бы таковые возникли. Высочайшее совещание для одобрения наступления в южном направлении состоялось 2 июля. Члены

кабинета плотно сидели за двумя столами, покрытыми парчой. При появлении Императора они вскочили и замерли в низком поклоне. Лицо Императора, казалось, было выполнено из фарфора. Военная форма совершенно не делала его воинственным. Император взошел на тронный помост и сел перед золотой ширмой, повернутой, согласно древнему японскому придворному этикету, в южном направлении.

Члены кабинета снова уселись за столы, стоявшие под прямым углом к трону. Они сидели с потусторонними взглядами, положив руки на колени. Затем церемония началась.

Все уже давно отрепетировали то, о чем они хотели сказать. По сигналу Председателя Тайного Совета Йошимичи Хара совещание было открыто. Первым поднялся принц Коноэ, поклонился Императору и начал читать документ, озаглавленный: «Приоритеты национальной политики в свете современного развития международной обстановки». Это был план наступления в южном направлении, первым этапом которого должна была стать оккупация французского Индокитая. Считалось, что при этом можно будет обойтись без кровопролития — путем дипломатического давления на правительство в Виши. Но если это не получится, придется использовать военную силу, даже рискуя спровоцировать войну с Америкой и Британией. Начальник армейского генштаба Сигаёяма, поклонившись Императору, заявил, что согласен с наступлением Японии в южном направлении.

— Однако, — добавил он, — если германо-со-

ветская война будет развиваться в благоприятном для нашей Империи направлении, я считаю, что мы должны также использовать силу, чтобы укрепить безопасность наших северных границ.

Начальник главного морского штаба адмирал Осами Нагано также высказался за необходимость, несмотря на риск, наступления в южном направлении.

Когда Нагано закончил свое выступление, Председатель Тайного Совета Хара начал задавать вопросы, которые звучали несколько странно на таком формальном совещании в высочайшем присутствии.

— Каковы реальные шансы? — поинтересовался Хара, — захватить Индокитай с помощью одних дипломатических мер?

— Очень много шансов за то, что одними дипломатическими мерами обойтись не удастся, — ответил Мацуока, который все еще был против движения на юг и продолжал оспаривать мнение большинства.

Хара подчеркнул, что любая «военная акция» является очень серьезным делом, поскольку может ославить Японию на весь свет как агрессора.

— Я постараюсь, чтобы подобного не случилось, — заверил Мацуока.

Но Хара не был убежден.

— А почему бы нам не идти на север? — спросил он и начал говорить в пользу этого направления, используя при этом аргументы самого Мацуока, — Советский Союз является рассадником большевизма во всем мире, и нам рано или поздно

все равно придется сражаться с ним... Я хочу избежать войны с Соединенными Штатами. Я не думаю, что они вмешаются, если мы нападём на Советский Союз, но боюсь, что именно это и произойдет, если мы войдем в Индокитай.

Мацуока говорил точно такие же слова на вчерашнем совещании кабинета.

— Такая возможность существует, — согласился министр иностранных дел.

Однако, выступивший снова начальник генштаба Сигаёяма заявил, что «оккупация Индокитая абсолютно необходима, учитывая обстановку в мире и победное шествие Германии по России, очень сомнительно, что наше вступление в Индокитай спровоцирует Америку на войну против нас». Генерал предупредил, что пока нападать на СССР представляется ему преждевременным. Надо подождать, предложил он, еще «дней пятьдесят-шестьдесят», когда Германия окончательно победит. Выступление начальника генштаба закончило все дискуссии, а все попытки Мацуока возобновить дебаты оказались тщетными. Все единодушно проголосовали за наступление в южном направлении.

Хотя Император сидел молча, никак не выражая своего мнения, само его присутствие делало любое решение, принятое на совещании, законным и обязательным к выполнению. Документ был подписан принцем Коноэ, начальниками штабов армии и флота, затем преподнесен Императору и передан Хранителю Печати, который приложил к документу Большую Императорскую Печать. Был сделан еще один шаг к тотальной войне.

* * *

Между тем, склоки и грызня в японском кабинете продолжались. На совещании 16 июля генерал Тодзио с несвойственной ему эмоциональностью потребовал смены министра иностранных дел.

На следующий день Император попросил принца Коноэ сформировать новый кабинет. Принц выполнил указание Императора за двадцать четыре часа, поскольку в составе кабинета произошло очень мало изменений. Мацуока был заменен адмиралом Тейдэйро Тойода, который считал, что сумеет поладить с американцами. Одним из первых действий нового министра иностранных дел была телеграмма, посланная японскому послу в Виши, где говорилось о том, что японская армия войдет в Индокитай 24 июля независимо от того, какое решение будет принято французским правительством. Но за день до указанного срока французское правительство дало согласие на «мирный» ввод японских сил в южную часть Индокитая. Японский посол в Виши триумфально телеграфировал в Токио:

«Причина, по которой французы с готовностью приняли наши требования, заключается в том, что они видели нашу решительность и твердую волю в достижении поставленных задач. У них просто не было выбора».

Когда Хэлл прочел это сообщение, перехваченное и расшифрованное службой «Мэджик», он пришел в сильнейшее раздражение. Госсекретарь порекомендовал Рузвельту еще более ужесточить эмбарго на поставку стратегических материалов в Япо-

нию, хотя и знал, что Отдел военного планирования министерства ВМС США недавно предупредил, что подобные действия могут спровоцировать японцев на нападение на Малайю и Голландскую Восточную Индию. А это может привести к вовлечению Соединенных Штатов в войну.

Рузвельт, как известно, слышал в это время только тех, кто советовал ему проводить максимально жесткую политику в отношении любого агрессора. Вечером 26 июля Президент приказал заморозить все японские активы в США. Вскоре также поступили Британия и Голландия. Это фактически прекратило всю торговлю между Америкой и Японией, а учитывая тот факт, что США являлись основным поставщиком нефти в страну Восходящего солнца, Япония оказалась в очень тяжелой ситуации. Газета «Нью-Йорк Таймс» отмечала, что «Япония получила самый тяжелый удар, который можно было нанести, не прибегая к военным действиям».

Для японского руководства это было совершенно очевидно.

Япония приобрела базы на территории французского Индокитая путем переговоров с французским правительством, нисколько не нарушив при этом международного права. Подобная реакция Америки была расценена в качестве последнего шага по окружению Японии американцами, британцами, китайцами и голландцами, которые не только не признавали доминирующей роли Японии в Азии, но уже замахнулись на само ее существование.

Через пять дней после этого начальник Глав-

ного морского штаба Нагано на аудиенции, данной ему Императором, сказал, что он хочет избежать войны и что этого можно добиться только выходом Японии из Тройственного пакта, который всегда рассматривался адмиралом в качестве основного препятствия на пути к миру с Америкой.

Адмирал предупредил, что запасов нефти в Японии хватит в мирное время на два года, а в военное — на восемнадцать месяцев. «При таких обстоятельствах, — совершенно неожиданно предложил Нагано, — мы должны взять на себя инициативу в начале войны. Тогда мы победим».

Наступило молчание, поскольку было трудно уследить за ходом мысли начальника Главного Морского штаба, который сначала много говорил о мире, о необходимости избежать войны с Америкой любой ценой, а затем вдруг заговорил о «нефтяном голоде» и предложил начать войну первыми. Начать ее следует с безумного и ужасного нападения, которое единственно и сможет привести к победе.

— Будет ли эта победа столько блистательной, что и при Цусиме? — спросил Император.

— Боюсь, Ваше Величество, — ответил адмирал Нагано, — что это невозможно.

— Тогда, — мрачно произнес Император, — война действительно будет ужасной.

V

Выход теперь можно было найти только при личной встрече Императора Хирохито и президента Рузвельта. Утром 6 августа принц Коноэ посоветовал

Императору попытаться лично встретиться с американским Президентом. «Лучше вы встретитесь с ним, — ответил Император, — так будет быстрее». Император хорошо помнил слова адмирала Нагано о том, что запасы нефти в стране тают с пугающей быстротой.

Утром следующего дня была послана телеграмма Государственному Секретарю США, предлагающая организовать встречу Рузвельта и принца Коноэ в Гонолулу для «урегулирования разногласий между двумя странами».

Но госсекретарь Хэлл не был уверен в целесообразности такой встречи. Как бы не произошел второй Мюнхен, где обаяние Гитлера так подействовало на Чемберлена. Такого же мнения придерживался и военный министр США Генри Стимсон, записавший в своем дневнике: «Приглашение Президенту является слепой попыткой удержать нас от точных и ясных действий».

Через два дня Хэлл встретился с послом Номура, который ждал от него определенного ответа. Вместо этого, Хэлл сказал японскому послу, что теперь уже стало ясно, что сторонники мира в Японии «потеряли контроль за ситуацией». Японская пресса «постоянно стимулирует разговоры об «окружении» Японии Соединенными Штатами. Еще не было случая в мировой истории, чтобы мирное государство, живущее по гуманным законам, считало бы себя «окруженным».

Разочарованный Номура спросил у Хэлла, является ли это заявление его ответом на предложение о встрече премьер-министра Японии и прези-

дента США? На это Хэлл ответил, что «во власти японского правительства является отыскание средств для соответствующего изменения своей политики. После чего можно будет решить многие вопросы».

Подобный холодный душ из Вашингтона еще сильнее обострил антиамериканские настроения среди японского руководства. Действительно ли американцы хотят мира или они играют в какую-то дьявольскую игру?

Между тем, Япония ежедневно продолжала потреблять двенадцать тысяч тонн драгоценной нефти, и японцы хорошо понимали, что вскоре их вооруженные силы окажутся беспомощными, как выброшенный на берег кит.

* * *

Президент Рузвельт во всех этих дискуссиях участия не принимал.

Тяжелый крейсер «Огаста» вез Президента в бухту Арджентия на Ньюфаундленде на встречу с Уинстоном Черчиллем, который прибыл к берегам Северной Америки на борту британского линкора «Принс оф Уэлс».

В субботу 9 августа огромный английский линкор прибыл к месту свидания. Вместе с английскими официальными лицами на линкоре находился Гарри Гопкинс, специальный представитель Рузвельта, недавно вернувшийся из Москвы и Лондона. На борту английского линкора происходили бесконечные репетиции ожидавшихся церемоний и царило напряжение, напоминавшее канун сражения.

Видимость была плохая из-за белой туманной дымки, через которую едва пробивались лучи солнца. Внезапно из тумана появились американские эсминцы, а затем — сам тяжелый крейсер «Огаста», который шел малым ходом, полоща по ветру штандарт Президента.

С мостика «Огасты» президент Рузвельт с интересом рассматривал новейший английский линкор, которому совсем недавно пришлось участвовать в погоне и уничтожении германского линкора «Бисмарк».

Никто тогда, конечно, не догадывался, что и самому английскому линкору осталось жить всего четыре месяца...

Военно-морской адъютант Рузвельта капитан 1 ранга Джон Бердолл первым поднялся на борт «Принс оф Уэлс», чтобы сообщить о пожеланиях Президента в отношении организации официальных встреч, приемов и т. п.

В воскресенье 10 августа Рузвельт прослушал церковную службу на палубе английского линкора, стоя под сенью его огромных орудий.

Читалась первая глава из книги Иисуса Навина: «Никто не устоит перед тобой во все дни жизни твоей; и как я был с Моисеем, так буду и с тобой, не отступлю от тебя и не оставлю тебя. Будь тверд и мужествен...»

Были прочитаны молитвы — сначала за Президента Соединенных Штатов, затем за британского короля, его министров, адмиралов, генералов и маршалов авиации, затем за страны, подвергшиеся вторжению, за больных и раненых, за пленных, за

изгнанников и бездомных, а также, об избавлении от ненависти, злобы и всякого духа мести.

После Богослужения Рузвельту был представлен экипаж «Принс оф Уэлс», и он осмотрел корабль, насколько это было возможно с его инвалидного кресла. Он и Черчилль просто светились от удовольствия. Здесь, на палубе могучего линкора, оба находились в родной стихии. Пока Рузвельт наслаждался видом и духом морской мощи, заместитель госсекретаря Уэллес и его английский коллега Кадоран обсуждали документы, составленные английским правительством, — параллельных нот японскому правительству.

Одно из обращений к Токио должно было исходить из Вашингтона:

«Заявление правительства Соединенных Штатов о том, что:

1. Всякое дальнейшее продвижение Японии в юго-западной части Тихого океана создаст положение, при котором правительство Соединенных Штатов будет вынуждено принять контрмеры даже в том случае, если таковые могут привести к войне между Соединенными Штатами и Японией...»

Предлагаемая нота Токио из Лондона должна была гласить:

«Заявление правительства Его Величества о том, что:

1. Всякое дальнейшее продвижение Японии в юго-западной части Тихого океана создаст положение, при котором правительство Его Величества будет вынуждено принять контрмеры даже в том случае, если таковые могут привести к войне меж-

ду Великобританией и Японией.

2. Если какая-нибудь третья держава станет объектом агрессии Японии в результате таких контрмер или своей поддержки их, правительство Его Величества окажет всю возможную помощь такой державе».

Заместитель госсекретаря США Уэллес позднее писал в своем отчете:

«Когда я покидал корабль, сопровождая президента обратно на «Огасту», Черчилль сказал мне... что какая-то декларация, вроде составленной им в отношении Японии, по его мнению, в высшей степени необходима и что, как он думает, если Соединенные Штаты не сделают такого ясного заявления, останется очень мало надежды помешать дальнейшей экспансии Японии на юг. В таком случае предотвращение войны между Великобританией и Японией представляется безнадежным. Он сказал самым категорическим тоном, что если между Великобританией и Японией возникнет война, Япония смогла бы немедленно при помощи своих многочисленных крейсеров захватить или уничтожить все английские торговые суда в Индийском и Тихом океанах и перерезать коммуникации между английскими доминионами и Британскими островами, если Соединенные Штаты не вступят в войну... Если этой декларации не будет, английское правительство может оказаться почти в критическом положении».

На следующей день Черчилль и Рузвельт вели переговоры на борту «Огасты». Вначале Черчилль говорил об опасности немецкого вторжения в Ис-

панию и Португалию, в результате которого может быть захвачен Гибралтар. После этой дискуссии Черчилль поднял вопрос о «параллельных нотах» Токно. Рузвельт показал ему копии заявлений, переданных государственному секретарю Хэллиу послом Номура пятью днями раньше.

Эти заявления изображали японскую оккупацию Индокитая как совершившийся факт, имеющий «совершенно мирный характер и преследующий цель самообороны». Выдвигались также предложения «быстрого урегулирования китайского инцидента». Черчилль и Рузвельт пришли к единому мнению о том, что японские предложения могли оказаться приемлемыми «только в случае, если Соединенные Штаты готовы были предать интересы Китая».

Тем не менее, сказал Рузвельт, «необходимо приложить все усилия, чтобы избежать возникновения войны с Японией». Однако вставал вечный вопрос: что лучше послужит этой цели — жесткая, средняя или мягкая политика? Рузвельт прекрасно сознавал значение престижа для японцев. Поэтому принять политику, которая не давала бы японцам возможности «спасти лицо», фактически означало бы неизбежность войны. С другой стороны, единственное умиротворение, которое японцы сочли бы удовлетворительным, подписало бы смертный приговор Китаю, было бы унижительным и оскорбительным для американского народа и могло бы повергнуть у уныние всех, кто вел военные действия против держав Оси. Рузвельт считал, что предупреждение Японии не должно касаться только

юго-западной части Тихого океана, а должно быть достаточно широким, чтобы охватывать возможность новой японской агрессии против любой дружеской державы в Азии, в частности, против Советского Союза. Однако твердо пообещал Рузвельт только одно: по возвращении в Вашингтон он поведается с японским послом Номура, предложив по радио Холлу организовать эту встречу.

Черчилль, разумеется, рассчитывал на большее, но Президент решил пока избрать более скромный курс.

17 августа, несмотря на то, что это было воскресенье, Рузвельт пригласил к себе японского посла. Президент был в очень хорошем настроении и заявил, что если Япония остановит свою экспансию и решит «проводить программу мира на Тихом океане», Соединенные Штаты с готовностью «возобновят неофициальные переговоры, прерванные в июле, и приложат все усилия, чтобы выбрать время и место для обмена мнениями». Рузвельту нравилась идея «тайной встречи», и он даже предложил место для подобных переговоров — город Джушье на Аляске, «где-нибудь в октябре». Номура немедленно телеграфировал в Токио: «Ответ должен последовать прежде, чем и эта возможность будет потеряна».

* * *

На следующий день, 18 августа, американский посол Джозеф Грю был вызван министром иностранных дел Японии Тейдзиро Тойода.

Адмирал («очень симпатичный человек», по

воспоминаниям Грю) сразу заявил послу, что хочет говорить откровенно как морской офицер, а не как дипломат.

Японцы вошли в Индокитай, чтобы решить китайскую проблему, а не из-за нажима со стороны Германии. Замораживание активов за это стало «большим черным пятном в долгой истории мирных отношений» между Америкой и Японией. Будущие историки так и не поймут, в чем тут дело.

Решение должно быть найдено на встрече лидеров двух наших стран, на которой все проблемы должны быть сняты «в спокойной и дружеской атмосфере на основе равноправия».

Грю, который не был информирован Государственным департаментом о предполагаемой встрече Коноэ и Рузвельта, начал импровизировать на ходу. Он понял, что если такая встреча произойдет, это будет венцом его собственной карьеры.

Стояла страшная жара. Адмирал приказал подать ледяные напитки и холодные мокрые полотенца, предложив раздеться. Когда они обмотались полотенцами, Грю сказал: «Адмирал, вам часто приходилось стоять на мостике боевого корабля и наблюдать бури, продолжавшиеся иногда несколько дней. Но после того, как вы поднялись на мостик министерства иностранных дел, вы наблюдаете непрекращающийся шторм, который свирепствует без всякого перерыва. Мы с вами должны вылить масло на эти бушующие волны».

Встреча японского министра и американского посла продолжалась полтора часа. Вернувшись в посольство, Грю немедленно телеграфировал Хэлли:

«...во имя предотвращения неумолимо надвигающейся войны между Японией и Соединенными Штатами крайне необходимо, чтобы беспрецедентное в японской истории предложение о встрече лидеров наших стран не было проигнорировано. Это предложение наверняка одобрено Императором и первыми лицами японского государства. Пользу от встречи принца Коноэ и президента Рузвельта невозможно переоценить...»

* * *

За несколько недель до этого полковник Ивакура и банкир Икава, вложившие столько труда в составление проекта «Взаимопонимания», поняли, что их попытка проводить «независимую» дипломатию провалилась.

31 июля они покинули Вашингтон и через две недели прибыли домой. Ивакура был потрясен той воинственностью, которая царила на всех уровнях в Токио. Все буквально полыхало ненавистью к Америке и Британии, которые, по общему мнению, «окружили Японию и душат ее». В Америке, хотя общественное мнение было настроено против стран Оси, доминировало желание сохранить мир. Антивоенные группы пикетировали Белый дом, а «изоляционисты» шумно протестовали против помощи Рузвельта Британии и Китаю. Закон о частичной воинской повинности прошел в Конгрессе США с перевесом в один голос.

Ивакура прочел несколько докладов военным, политикам и промышленникам, призывая их решить все проблемы с Соединенными Штатами пу-

тем переговоров. Потенциал Америки, подчеркивал полковник, гораздо выше японского, и любой вооруженный конфликт закончится для Японии катастрофой. Но все слушатели более интересовались наступлением на юг, а в Морском штабе один из офицеров сказал полковнику: «Они душат нашу страну, оставив нам единственный выход — сражаться».

Но Ивакура не сдавался, продолжая отстаивать свой довод, хотя и ему самому стало казаться, что он «забивает гвозди в помой».

В конце августа, выступая на очередном совещании военно-политического руководства, Ивакура снова подчеркнул угрожающую разницу между потенциалами Америки и Японии. По производству стали, сказал полковник, соотношение было двадцать к одному, по производству нефти и нефтепродуктов — сто к одному, угля — десять к одному, по выпуску самолетов — пять к одному, кораблей и судов — два к одному, по ресурсу квалифицированной рабочей силы — пять к одному. Средний потенциал бы десять к одному. В таких условиях японцы никогда не смогут победить в будущей войне, несмотря на «Ямато дамаши» — боевой дух Японии.

Впервые это произвело впечатление на слушателей, и генерал Тодзио приказал полковнику представить ему все сказанное в письменном виде. На следующий день, когда Ивакура прибыл на свое рабочее место в Военном министерстве, то узнал, что его переводят в одну из воинских частей, находившихся в Камбодже. «Вы можете не писать доклад, о

котором я просил вас вчера,» — сказал полковнику на прощание генерал Тодзио. Когда Ивакура садился на поезд, чтобы начать первый этап своей долгой поездки на юг, он сказал провожающим его друзьям: «Смотрите, как много вас собралось, чтобы попрощаться со мной. Когда я вернусь в Токио, если останусь жив, конечно, то боюсь, что буду стоять совсем один на руинах токийского вокзала».

* * *

«Миссионерская» деятельность полковника Ивакура хотя и закончилась его изгнанием, тем не менее, не пропала даром. До многих представителей военного руководства дошло сказанное полковником, и генералы после продолжительных споров, согласились, что следует избежать войны с Соединенными Штатами, даже если для этого придется пойти на крупные уступки. В тот день, когда Ивакура покинул Токио — 28 августа — президенту Рузвельту были направлены два сообщения. Одним из них было письмо от принца Коноэ, снова просившего о встрече, а второе — содержало официальное предложение японского правительства о готовности вывести войска из Индокитая после разрешения «китайской проблемы и установления справедливого мира в Азии». Япония также обещала не предпринимать более никаких военных мер против соседних стран, включая и Советский Союз, если тот останется «верным Советско-японскому договору о нейтралитете и не будет представлять угрозы японским интересам в Маньчжурии». И, что наиболее важно, Япония соглашалась принять

четыре предварительных условия Хэлла, которые уже стали официальными условиями правительства США.

Получив эти послания, Рузвельт преисполнился оптимизма и стал планировать «провести три дня или около этого» с принцем Коноэ.

Но доктор Стенли Хорнбек не поверил в искренность этих японских предложений, а когда Хэлл по линии «Мэджик» получил данные о наращивании японского военного присутствия в Юго-восточной Азии, то и он тоже наполнился подозрениями. Поэтому неудивительно, что Рузвельт, который еще «планировал встречу с Коноэ», был легко убежден не делать этого без заключения какого-нибудь «предварительного соглашения, удовлетворяющего Соединенные Штаты».

В Токио американский посол Грю и его сотрудники, напротив, искренне верили в японские предложения и были убеждены, что Коноэ согласится «на постепенный вывод войск не только из Индокитая, но и с территории всего Китая, если ему дадут возможность «сохранить лицо», разрешив временно оставить часть японских сил в северном Китае и Внутренней Монголии». Поэтому Грю продолжал настаивать на том, чтобы встреча президента Рузвельта и принца Коноэ состоялась, «пока на это еще есть время». Грю предупреждал Вашингтон, что японские вооруженные силы «способны предпринять внезапные и отчаянные действия, не считаясь ни с каким риском. Такие действия традиционно заложены в японской национальной психологии».

Эти способности «японской национальной психологии» тенью висели над участниками очередного совещания кабинета и военного руководства, которое состоялось 5 сентября. Поскольку никакого официального ответа на японские предложения от Рузвельта не пришло, все участники совещания были преисполнены самых мрачных предчувствий и подозрений.

Не было ли ошибкой направлять американцам столь миролюбивые предложения? Может быть, в Вашингтоне просто решили выиграть время?

— С каждым днем мы становимся все слабее и слабее, а вскоре вообще не сможем держаться на ногах, — заявил Начальник Главного морского штаба адмирал Нагано. — Хотя я и уверен, что в настоящее время мы имеем шансы выиграть войну, со временем эти шансы улетучатся. Поскольку у нас нет способа «поставить мат королю противника» — его промышленному потенциалу, важнейшее значение имеет первый решительный, сокрушительный удар. В этом наше единственное спасение!

Эти слова адмирала повергли всех военных на совещании в состояние близкое к панике. Начальник Генерального штаба Сигаияма предложил установить крайний срок начала войны. «Мы должны попытаться, — сказал он, — достичь наших дипломатических целей до 10 октября. Если этого не получится, то тогда вперед. Далее медлить будет уже нельзя».

Хотя генерал ничего не сказал о войне, всем присутствующим было ясно, что он имел в виду. Однако те, кто больше хотел мира — принц Коноэ

и министр иностранных дел Тойода — не высказали никаких возражений.

После семичасового совещания все в итоге приняли к следующему заключению: «Ради обороны и самого существования нашей Империи мы обязаны быть полностью готовыми к войне против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии. Датой начала войны определяется 10 октября, если переговоры не достигнут желанных результатов».

Оперативные планы ведения войны были уже подготовлены. Вооруженные силы Японии должны были нанести одновременный удар по Перл-Харбору, Гонконгу, Малайе и Филиппинам. Представители армейского генштаба узнали о планируемом нападении на Перл-Харбор всего за несколько дней до этого совещания. Некоторые генералы из Военного министерства знали об этом и раньше, но, как ни удивительно, сам Тодзио не знал ничего. Зыбкая надежда на то, что установленное время открытия военных действий будет перенесено до его одобрения троном, улетучилась, поскольку через несколько часов пришел долгожданный ответ от президента Рузвельта на японские предложения. Ответ состоял из двух частей: в первой — содержался вежливый отказ от неоднократных предложений встретиться с принцем Коноэ до «урегулирования фундаментальных вопросов первостепенной важности», во второй, составленной более туманно, выражалось удовлетворение по поводу готовности Японии принять четыре предварительных условия Хэйла, но между строк сквозило явное недоверие

по поводу искреннего желания Японии именно так поступить.

Поскольку отказ был очевидным и признан «резким» (хотя он таким не был), кабинет утвердил дату начала войны без всяких прений.

В тот же день, 5 сентября, Коноэ направил во Дворец просьбу о созыве совещания в присутствии Императора, чтобы придать выработанной политике статус официальной. Первая заминка произошла в канцелярии Хранителя Печати.

— Как вы можете так неожиданно представлять подобные предложения Императору! — воскликнул маркиз Кидо. — Это же равносильно объявлению войны, а Его Величество даже немышляет об этом!

Смущенный принц пробормотал свои извинения.

— Это решение кабинета, — пояснил он. — Я обязан доложить об этом Его Величеству.

В 16:30 дежурный камергер объявил, что Император готов принять премьер-министра.

Прослушав решение кабинета, Император спросил принца Коноэ:

— Почему здесь сначала говорится о войне, а уже потом о дипломатии?

Премьер был явно смущен.

— Я считал, — доложил он в неуверенном тоне, — что очередность в данном случае не имеет большого значения.

— Я хочу выслушать мнение начальников штабов, — сказал Император. — Завтра я приму их.

Коноэ убедил Императора, что подобные

вопросы лучше не откладывать, и через час вернулся во дворец с адмиралом Нагано и генералом Сугийяма. Император спросил, будут ли операции на юге проведены столь же успешно, как это планируется, и получил подробнейший отчет об оперативных планах по захвату Малайи и Филиппинских островов.

— Вы уверены, что все пройдет, как запланировано, — не скрывая своей озабоченности, поинтересовался Его Величество. — Вы действительно управитесь в пять месяцев? А если нет?

Мы тщательно изучили все вопросы, — доложил генерал Сугийяма. — И я считаю, что операция будет выполнена так, как она планировалась.

Вы полагаете, что десантные операции пройдут легко и без срывов? — продолжал задавать свои вопросы Император.

— Я не считаю, что десантные операции будут легкими, — ответил генерал. — Но, поскольку мы совместно с флотом неоднократно отрабатывали их на учениях, я уверен, что они пройдут успешно.

— В ходе учебных высадок на побережье острова Кюсю значительное число транспортных судов и боевых кораблей были «потоплены», — продолжал Император. — Что вы намерены делать, если то же самое произойдет в действительности?

— Это произошло из-за одной «вводной», — несколько смущенно пояснил начальник генерального штаба. — Тогда конвой начал движения до полного уничтожения авиации противника. В действительности такого не произойдет.

— Когда вы были военным министром,

напомнил император, — вы обещали быстро расправиться с Чан-Кай-ши, но оказались неспособны это сделать.

— У Китая слишком большая территория, обиженно ответил генерал.

Император уже не скрывал своего раздражения.

Насколько мне известно, — сказал он, — территория Южных морей гораздо больше территории Китая. Как же вы можете утверждать, что закончите войну за пять месяцев?

Сугийяма попытался ответить, заявив, что силы Японии постепенно тают и надо спасать страну, увеличив ее национальное достояние и влив в нее новые силы.

Это не было ответом на заданный Императором вопрос. Его Величество прервал начальника генерального штаба новым вопросом:

Сможем ли мы одержать полную, абсолютную победу?

Я не осмелился бы говорить об абсолютной победе, — честно признался Сугийяма, — я лишь утверждаю, что у нас большая вероятность победить, а затем добиться прочного мира на двадцать или даже на пятьдесят лет.

— Ах вот как! — воскликнул Император неестественно громким голосом. — Я все понял!

Начальник генштаба понял, что запутался.

— Лучшее, конечно, — заявил он, — нам вообще не воевать. Надо сделать все от нас зависящее, чтобы добиться всех целей путем дипломатических переговоров, и только когда всем станет ясно, что это невозможно, тогда идти в бой.

Адмирал Нагано немедленно пришел на помощь своему коллеге.

— Вся обстановка, — сказал начальник Главного морского штаба, — напоминает мне тяжело больного человека, ожидающего хирургической операции. Решение о хирургическом вмешательстве должно быть принято быстро, иначе больной умрет. Вмешательство хирурга — крайняя мера, но она может спасти больному жизнь. Высшее командование армии и флота надеется на успешное завершение переговоров, но если они провалятся, «хирургическая операция» станет жизненно необходима. — Конечно, — скороговоркой добавил адмирал, — наиболее важна сейчас дипломатия.

— Насколько я понял, — подвел итог Император, — Высшее командование все-таки прежде всего предпочитает дипломатию?

Оба начальника штабов ответили утвердительно, и Император, казалось, успокоился.

Но на следующее утро, 6 сентября, в 09:40 Император вызвал к себе маркиза Кидо и задал ему вопрос: способна ли Япония выиграть войну у Америки? Что сам Кидо думает о переговорах с Вашингтоном?

Кидо посоветовал Императору сидеть на предстоящем совещании молча, а задавать вопросы предоставить Председателю Тайного Совета Хара, о чем тот уже был предупрежден. Когда дискуссия завершится, Император должен, вопреки всем традициям, «сломать» всю церемонию и лично проинструктировать Начальников штабов, чтобы те тесно взаимодействовали с правительством в деле ус-

пенного завершения переговоров. Ужас от такого нарушения вековых традиций так должен подействовать на всех присутствующих, в первую очередь, на военных, что заставит их пересмотреть политику начала войны не позднее 10 октября.

К десяти часам утра члены кабинета и военные стали собираться в зале для совещаний в Высочайшем присутствии. Все понимали, что если на совещании не удастся прийти к какому-то определенному решению, кабинету придется уйти в отставку.

— Начинать войну или нет — это мы решим позднее, — заметил генерал Тодзио. — Сейчас нам нужно решение о приведении вооруженных сил в максимальную готовность, пока идут переговоры.

Ровно в 10 часов утра это роковое совещание было объявлено открытым. Принц Коноэ в двух словах напомнил о крайне напряженной международной обстановке. Выступивший за ним начальник Главного Морского штаба адмирал Нагано призвал решить все спорные вопросы путем переговоров.

Однако, добавил он, если минимальные требования Японии не будут удовлетворены, проблемы можно будет решить только с помощью «наступательной военной операции», невзирая на «непоколебимую позицию Америки, ее гигантскую индустриальную мощь и неисчерпаемые ресурсы».

Начальник армейского Генштаба также выразил надежду на успешное завершение переговоров, а генерал Судзуки, присутствовавший на совещании в качестве эксперта, указал на плачевное состояние государственных ресурсов. Даже при строжай-

шем военном контроле, подчеркнул он, запасы жидкого топлива будут исчерпаны за десять месяцев. «Если переговоры с Вашингтоном пройдут успешно, то все будет прекрасно. Если нет, то мы попадем в безвыходное положение». Он видит всего три альтернативы, заметил генерал, — немедленно начать подготовку к войне, продолжать переговоры или просто ждать у моря погоды и медленно умирать с голоду. А поскольку третья альтернатива немыслима, то нужно выбирать между двумя первыми.

Затем поднялся Председатель Тайного Совета Хара. Для обычной дипломатии, сказал он, время давно прошло. Он похвалил премьера Коноэ за его желание встретиться с Рузвельтом, а затем обрисовал свое виденье новой политики. Хара подчеркнул, что в первую очередь нужно думать о переговорах, а затем уже о войне, а не наоборот. О войне можно будет говорить только тогда, когда все другие средства будут исчерпаны. Морской министр Ойкава заявил, что полностью разделяет точку зрения Председателя Тайного Совета.

— Однако, — продолжал Хара, — проект, предложенный правительством, явно содержит в себе предпочтение военных методов, а не дипломатических. У меня большое сомнение, что вы все предпочитаете дипломатию.

Наступила гнетущая тишина. Император отглядел присутствующих, а затем произошло небывалое, неслыханное событие. Громким, звенящим от волнения голосом Его Величество спросил:

— Почему никто не отвечает?

Подобного не было никогда в истории.

Министры и военные были ошеломлены, услышав голос Императора, и прошло достаточно времени, прежде чем присутствующие на совещании опомнились и вскочили со своих мест.

Первым обрел дар речи Морской министр Ойкава.

Мы должны готовиться к войне, — сказал он, — но перед этим попытаться извлечь максимальные выгоды из переговоров.

Наступила новая пауза. Все ожидали выступления начальников штабов, но Нагано и Сугийяма были еще парализованы ужасом.

— Мне жаль, что представителям высшего командования нечего сказать, — заметил Император. Затем он вытащил из кармана лист бумаги и начали читать поэму, написанную его дедом Императором Мэйдзи:

«Все моря и океаны являются братьями. Почему же над миром свирепствуют бури и волны ярости идут друг на друга?»

Не проронив ни звука, присутствующие с благоговением слушали Императора.

— Я взял себе за правило, — пояснил Император, — время от времени читать эту поэму, чтобы вспомнить, как любил мир Император Мэйдзи. А вы что скажете на этот счет?

К адмиралу Нагано, наконец, вернулся дар речи.

— Как представитель высшего командования, — глухо сказал он, кланяясь Императору, — я глубоко сожалею, что осмелился задержать ответ Его

Величеству. Но я думаю точно то же самое, что и Председатель Хара. Поскольку Председатель Хара сказал, что понимает мою точку зрения, я не считал нужным снова ее высказывать.

Точно такими же словами затем оправдывался перед Императором начальник армейского Генштаба. Он уверил Императора, что все военные хотят мира и приложат все усилия, чтобы решить все спорные проблемы с американцами путем переговоров.

* * *

Решение начать немедленную подготовку к войне было гораздо более зловещим, чем могло показаться на первый взгляд. На деле оно означало, что война неизбежно начнется, если переговоры успешно не завершатся к 10 октября. Решение было принято и одобрено Императором с приложением Большой Печати, но явное недовольство Императора породило большие сомнения в правильности принятого решения даже среди военных. Император настаивал на дипломатическом решении, и принц Коноэ понимал, что ему дан последний шанс добиться мирного разрешения всех проблем с Америкой.

Проблема была уже не столько в мнении военных, сколько в общественном мнении страны. Японская пресса ежедневно внушала населению, что англо-саксы намерены низвести Японию до положения третьестепенного государства, призывая народ к сплочению и готовности взяться за оружие. По городам шумели зажигательные митинги

экстремистов. Дело дошло до того, что американский посол Грю стал носить при себе пистолет, чувствуя, что находится уже не в Японии, а на «диком западе в середине прошлого века».

Опасность была реальной: две тайных организации, узнавшие о планируемой встрече Коноэ с Рузвельтом, готовили покушение на премьер-министра. Одна из этих организаций планировала военный путч в Токио, в ходе которого должны были быть убиты по спискам все «позорящие страну».

Вторая считала, что можно решить все проблемы Японии, убив Чан-Кай-ши. Последний план был составлен подполковником Масанобу Тсудзи, который к этому времени стал идолом наиболее радикальных молодых офицеров. Однако, узнав о предстоящей встрече премьера Японии и президента США, заговорщики решили временно отложить покушение на маршала Чана, а в первую очередь убить принца Коноэ, поскольку подобные переговоры, по их твердому убеждению, станут «бесчестием для страны».

Для приведения приговора премьеру в исполнение был выбран человек, уже отсидевший два срока в тюрьме. Один из них он отбывал за направление на имя Императора петиции с требованием помочь безработным, второй — за то, что якобы подложил динамит в дом министра финансов. Лидер наиболее крайних японских националистов Ешио Кодама, полностью разделявший планы подполковника Тсудзи, одобрил его план, поскольку на встречу с президентом Рузвельтом премьер Коноэ должен был отправиться морем. Хорошей до-

роги к военно-морской базе Иокосука не было, а потому принц должен был отправиться туда поездом, и в момент поезда премьера через реку Рокуто мост предполагалось взорвать.

* * *

Через несколько часов после завершения «императорского совещания» принц Коноэ позвонил своей экономке, приказав ей срочно быть готовой к приему гостей. Экономка находилась в парикмахерской, и Коноэ послал за ней машину. Через несколько минут она приехала в дом принца на машине графа Бункичи Ито, сына принца Хиробуми Ито, одного из четырех великих деятелей Революции Мэйдзи.

Все остальные слуги были отосланы из дома.

Вскоре прибыли еще два автомобиля. В одном находился сам Коноэ со своим личным секретарем Томохико Ушиба. Во втором, имевшем дипломатический номер, прибыли американский посол Грю и советник посольства Юджин Думен. До этого еще ни один дипломат не приглашался в дом принца. Традиционно премьер-министры Японии не имели никаких официальных или частных контактов с иностранными посланниками.

Коноэ представил свою экономку как «дочь этого дома». Она одна будет обслуживать их обед, поэтому говорить можно откровенно и свободно. В течение последующих трех часов Коноэ и Грю беседовали «со всей возможной откровенностью». Ушиба и Думен служили переводчиками.

Принц уверил Грю, что генерал Тодзио и

адмирал Ойкава являются сторонниками мирного соглашения с Америкой.

— А что вы думаете о четырех условиях Хэлла? — спросил Грю.

Коноэ ответил ему, что они, в принципе, приемлемы.

— Однако, — добавил он, — когда придется их применять на практике, неизбежно возникнут различные проблемы, которые можно будет решить только во время моей встречи с президентом Рузвельтом. Коноэ признал, что его обвиняют в нынешнем «плачевном состоянии отношений» между Америкой и Японией, он несет ответственность и за «китайский инцидент», и за вступление Японии в Тройственный пакт. Поэтому он готов идти на любой персональный риск, чтобы разрешить все противоречия между двумя странами.

Он и Рузвельт, встретившись лицом к лицу, должны определенно прийти к соглашению. Только такая встреча, если она произойдет в ближайшем будущем, поможет решить все проблемы и снять все вопросы. Переговоры с использованием обычных дипломатических каналов могут занять целый год. Коноэ, разумеется, не признался, что у него в распоряжении до 10 октября осталось всего пять недель.

— И даже в течение года, — сказал он, — я не уверен, что удастся решить все проблемы без нашей личной встречи с Президентом. Но, если я встречу в Рузвельтом, то даю вам твердую гарантию, что мы придем к соглашению. Я ему сделаю такие предложения, что он не сможет отказаться.

Сказав это, принц Коноэ обратился к Думену, который родился в Осаке, в семье миссионеров, и уже двадцать три года жил в Японии.

— Вы знаете все условия, в которых живем мы, японцы. Я хочу вам кое-что сказать, что совсем не обязательно переводить мистеру Грю. Вы понимаете, что мы не можем вовлечь Императора в подобные переговоры. После Его Величества я являюсь высшим должностным лицом в Империи и имею полномочия принятия решений от имени Его Величества. После достижения соглашения с Рузвельтом я сам или через Императора немедленно отдам вооруженным силам приказ немедленно прекратить все враждебные действия против кого угодно.

Это был смелый план, не имевший прецедента в японской истории.

Коноэ повторил, что генералы Тодзио и Сигаияма не только не являются противниками мирного соглашения с Соединенными Штатами, но готовы даже сопровождать его, Коноэ, на встречу с президентом Рузвельтом. «Я появлюсь преде Президентом с двумя генералами и двумя адмиралами, стоящими за моей спиной», — улыбнулся принц. Конечно, признавал Коноэ, в армии есть определенные группы, выступающие против соглашения с Америкой, но, «имея полную поддержку со стороны начальников штабов армии и флота, я имею возможность подавить любую оппозицию. Возможно, меня за это позднее убьют, но если мне удастся добиться мирного решения наших споров, это уже не будет иметь большого значения. Я не очень дорожу своей жизнью».

Сказанное принцем Коноэ произвело большое впечатление на американского посла Грю. Особенно, его готовность принять четыре предварительных условия Хэлла. Грю обещал, что, вернувшись в посольство, он немедленно телеграфирует в Вашингтон «самое важное сообщение во всей моей дипломатической карьере».

* * *

Хотя генерал Тодзио одобрил планируемую встречу японского премьера с президентом Рузвельтом, он, откровенно говоря, ее не очень поддерживал. Понимая это, премьер Коноэ попросил принца Хигашикуни, дядю Императора, оказать влияние на военного министра. Утром 7 сентября Хигашикуни вызвал генерала Тодзио к себе.

— Я слышал, — сказал генералу принц, — что Император очень озабочен переговорами с Вашингтоном и возлагает большие надежды на встречу Коноэ-Рузвельт.

Будучи военным министром, подчеркнул Хигашикуни, генерал Тодзио должен с глубоким уважением относиться к чувствам Императора и придерживаться более позитивного взгляда на предстоящую встречу, а также, на мирное разрешение всех проблем с Америкой.

— Мне жаль, — ответил генерал, — что я действительно не смог достаточно убедительно объяснить свою точку зрения Трону. В будущем я обещаю сделать так, что Его Величество полностью поймет точку зрения армии. Я хорошо знаю мнение Императора по поводу переговоров с Америкой и

встречи Коноэ с американским президентом.

Тодзио пообещал, что как военный министр он сделает все от него зависящее, чтобы планирующаяся «встреча в верхах» состоялась, хотя, если говорить откровенно, он лично считает, что имеется менее 30% шансов, что эта встреча вообще состоится. А еще меньше шансов, что переговоры в Вашингтоне успешно завершатся. «Тем не менее, — пояснил генерал, — если существует хоть малейшая надежда на успех, переговоры нужно продолжать».

Генерал пришел в сильное волнение и поклялся, что если дипломатическое соглашение окажется проигранным для Японии, он будет протестовать перед лицом Императора, а затем подаст в отставку. «Это единственный для меня способ сохранить лояльность Его Величеству».

Хигашикуни слушал Тодзио, не перебивая. Затем задумчиво сказал:

— Когда я был во Франции, Петэн и Клемансо сказали мне, что Германия являлась для Соединенных Штатов «бельмом на глазу» в Европе во время Великой Войны. Штаты сделали все, чтобы устранить это «бельмо». В следующей войне американцы попытаются устранить другое «бельмо», которое им мешает на Востоке — Японию. Америка знает, как одними дипломатическими средствами, шаг за шагом, довести Японию до такого состояния, что она будет вынуждена сражаться. Но если вы потеряете терпение и начнете войну, то точно будете разбиты, поскольку Америка обладает гигантской мощью. Вы должны не поддаваться на американские уловки и не стать игрушкой в их

руках. Нынешняя ситуация в точности такая, как предсказывали Петэн и Клемансо. На этот раз мы должны сделать все возможное, чтобы избежать войны с Америкой. Вы, генерал, входите в кабинет Коноэ, а армия должна подчиняться приказам. Ныне Император и премьер-министр желают решить дело путем переговоров, а вы как министр должны проводить их линию или подать в отставку.

* * *

Отчаяние японцев стало уже совершенно очевидным для американцев, когда, несмотря на прохладную реакцию Хэлла на их предложение принять его четыре предварительных условия и уйти из Индокитая, на следующий день последовали еще два японских предложения. Одно из них, переданное Грю, содержало обещание воздержаться от любых военных акций в регионах к югу от Японии и вывести войска из Китая сразу после заключения мира. В свою очередь, Америка должна была отменить указ о «замораживании японских активов и также воздержаться от любых мероприятий военного характера на Дальнем Востоке и в юго-западной части Тихого океана. Это было официальное предложение. Второе же предложение было неофициальное. Не информируя Токио, Номура вручил Хэллу длинное заявление, составленное месяцем раньше, еще во времена полковника Ивакура. Очевидно, адмирал считал, что выработанная тогда формула должна найти положительный отклик у Хэлла. Но это заявление только сбило американского секретаря с толку. Держа в руках два докумен-

та, содержавших совершенно различные предложения, Хэлл пытался понять, что собственно Япония хочет?

Потребовалась примерно неделя, чтобы во всем разобраться и дать ответ на официальное японское предложение. Хэлл сказал послу Номура, что последнее предложение Японии значительно сужает дух и диапазон предполагаемого взаимодействия, и вручил ему полдюжины страниц своих возражений.

Проволочки и очевидное нежелание американцев быстро прийти к какому-нибудь соглашению убедили милитаристов в Токио, что Хэлл просто тратит время. Вся их ярость обрушилась, разумеется, на премьера Коноэ, достигнув пика 18 сентября, когда на принца было совершено покушение. Премьер ехал из своего загородного дома в Орикубо, примерно в сорока пяти минутах езды от центра Токио, когда четверо людей, вооруженных мечами и кинжалами, вскочили на подножку его автомобиля. Двери машины были заперты, а пока нападавшие разбивали стекла, они были схвачены агентами охраны.

Однако, сам Коноэ был менее озабочен этим покушением, чем неумолимо приближавшейся роковой датой — 10 октября. В его распоряжении оставалось меньше трех недель для достижения мирного соглашения, а Рузвельт все еще отказывался назвать точную дату их встречи.

Посол Грю, который, естественно, ничего не знал о 10 октября, тем не менее, почти физически ощущал, что время для принятия мирного решения

истекает. Через четыре дня после покушения на японского премьера американского посла вызвали в министерство иностранных дел, где адмирал Тойода сказал ему, что не понимает замечания Хэлла о том, что последнее японское предложение «сужает дух и диапазон соглашения», когда, по его мнению, оно наоборот их расширяет. Тойода готов был идти дальше: представить мирные условия Японии Китаю: слияние правительства Чан-Кай-ши и Ван-Чин-вея, никаких аннексий и контрибуций, экономическое взаимодействие и вывод всех японских войск с территории Китая, исключая несколько конкретных районов, где японские войска останутся, чтобы помочь китайцам бороться с большевиками.

Грю передал эти новые предложения Хэллу и, принимая во внимание переход ситуации в американо-японских отношениях в обстановку реального кризиса, решился на крайний шаг, написав письмо самому президенту Рузвельту. Грю был лично знаком с Рузвельтом. Когда-то, в годы обучения в Гарварде, они даже были друзьями.

«Я долго не беспокоил вас личными посланиями, — писал Грю Президенту, — по той простой причине, что письма сейчас идут очень медленно, поскольку почтовые пароходы, везущие нашу дипломатическую почту, отплывают в Штаты недостаточно часто, чтобы мои данные о развитии американо-японских отношений совершенно не устарели, когда они достигнут Вас. Но я пытался и продолжаю пытаться в своих телеграммах Государственному секретарю нарисовать точную картину динамики происходящего изо дня в день. Я надеюсь, что

Вы регулярно читаете мои доклады. Как Вам должно быть известно из моих телеграмм, я поддерживаю постоянный и близкий контакт с принцем Коноэ, который, несмотря на яростный антагонизм экстремистских и пронацистских элементов в стране, мужественно продолжает работать ради улучшения отношений Японии с Соединенными Штатами. Он считает себя ответственным, что наши отношения дошли до подобного состояния, и не сомневается в том, что уже «видел надпись, начертанную на стене», понимая, что Япония должна выйти из Тройственного пакта и сменить ориентацию в политике, если хочет избежать катастрофы... Я убежден, что принц готов зайти как можно дальше, даже рискуя вызвать всеобщее возмущение в Японии, чтобы добиться разумного взаимопонимания с нами. Я сильно сомневаюсь, чтобы какой-нибудь другой японский государственный деятель, кроме принца Коноэ, сможет столь успешно контролировать экстремистов в армии, проводя политику, которой они, благодаря своему невежеству в международных делах и экономических вопросах, отчаянно сопротивляются. Провал в достижении соглашения значительно увеличит вероятность войны — войны, которую мы в конце концов, разумеется, выиграем, но я задаю вопрос: в наших ли интересах низводить процветающую Японию до уровня третьегоразрядного государства?...»

* * *

Это письмо оказало столь же мало влияния на события, как и все предыдущие рекомендации

посла Грю. 25 сентября, на очередном заседании кабинета, принц Коноэ уже начал впадать в отчаяние, когда представители высшего командования потребовали установить новую, окончательную и не отменяемую ни при каких обстоятельствах дату открытия военных действий — 15 октября. Коноэ отказался от завтрака, который ему приготовили во дворце, а вместо этого пригласил всех министров кабинета в свою официальную резиденцию. Там он попытался оказать давление на генерала Тодзио: является ли крайняя дата 15 октября требованием или просто пожеланием части представителей высшего командования?

— Это было никакое не требование, а выражение мнения, — ответил военный министр. — Необходимо выполнять решение, принятое на Высочайшем совещании 6 сентября. Такие решения нельзя отменять или изменять.

Армия смыкала ряды, и принц Коноэ почувствовал себя совершенно беспомощным. Он признался маркизу Кидо, что армия хватает его за горло, и у него остается только один выход — подать в отставку. Маркиз Кидо стал отчитывать принца, как ребенка. Коноэ, чего с ним раньше никогда не случалось, стал довольно резко отвергать все претензии. Однако, Хранитель Печати напомнил премьеру, что поскольку он является ответственным за решение, принятое 6 сентября, было бы крайне безответственным поступком сейчас уходить в отставку, предоставив другим расхлебывать заваренную кашу.

— Будьте благоразумны и крайне осторожны,

— посоветовал, прощаясь с премьером, Кидо.

Коноэ ничего не ответил. Он уехал, сказав своему секретарю, что ему необходимо обдумать многие вещи в спокойной обстановке. 27 сентября премьер покинул столицу и направился на ближайший приморский курорт Камакура.

VI

Для сотрудников Государственного Департамента США японский премьер-министр был безусловным агрессором. Там не могли забыть, что именно в период «премьерства» принца Коноэ произошло вторжение в Китай и вступление Японии в Тройственный пакт. И хотя Коноэ, якобы, поддерживал четыре предварительных условия Хэлла, никто не видел в этом особенного толка. По всем этим причинам любые попытки организовать встречу японского премьера с президентом Рузвельтом до заключения предварительных соглашений были обречены на фиаско.

Опасения Хэлла охладили первоначальный энтузиазм Рузвельта по поводу встречи с японским премьером.

Однако в Токио американского посла Грю еще не покидала надежда организовать американо-японскую встречу на высшем уровне. Посол был искренне убежден, что в Вашингтоне не до конца понимают проблемы, с которыми сталкивается принц Коноэ.

29 сентября Грю телеграфировал Хэллу:

«Я хочу напомнить то, о чем говорил в своих предыдущих посланиях, что японский политичес-

кий маятник всегда качается между умеренными и экстремистами. Поэтому при существующих обстоятельствах любому японскому лидеру или группе политиков невозможно резко изменить политику экспансии и при этом уцелеть. Поэтому перманентная экспансия в Китае и в южном направлении может быть предотвращена, если на ее пути японцы увидят непреодолимые преграды...

...Я еще раз подчеркиваю важность понимания японской психологии, фундаментально отличающейся от западной. Никакие западные критерии не могут предсказать японскую реакцию на те или иные события, а также прогнозировать их действия...»

Грю предупреждал, что в результате американских проволок, правительство принца Коноэ может пасть, уступив место «оголтелым экстремистам», и тогда жестокая война на Тихом океане станет неизбежной.

На следующий день Грю записал в своем дневнике, что «он сделал все, что мог, чтобы представить нашему правительству точную картину ситуации в Японии». В ответ пришла телеграмма от Хорнбека, который рекомендовал Грю «быть тверже и не особенно доверять японцам».

В каком-то отношении Хорнбек был прав, предупреждая Грю, что тот слишком доверяет японцам. В Госдепартаменте знали, что отношение Грю к японцам складывается из трех главных составляющих: его чувствительной жены, относящейся ко всему японскому с редкой симпатией; советника Думена, родившегося в Японии и обладавшего ред-

ким пониманием всех достоинств и недостатков этой страны; и его, Грю, собственного преувеличенного чувства чести и долга...

* * *

Только 2 октября госсекретарь Хэлл дал, наконец, более-менее конкретные ответы, которых японцы так давно ждали. Он приветствовал планируемую встречу в верхах и готовность принца Конноэ принять четыре предварительных условия. Но сами японские предложения, подчеркнул Хэлл, были «неприемлемыми, особенно в отношении Китая — все японские войска должны быть выведенными оттуда без всяких проволочек. Поэтому встреча на высшем уровне должна быть отложена, пока не будет достигнуто соглашение по многим важным вопросам.

«Мы не имеем желания искусственно создавать поводы для каких-то проволочек», — пытался убедить Хэлл посла Номура, сознательно вводя того в заблуждение. Хэлл никогда не забывал неоднократно просьбы начальников штабов армии и флота США — генерала Джорджа Маршалла и адмирала Гарольда Старка — потянуть время на переговорах с японцами, чтобы дать возможность значительно усилить американские соединения на Тихом океане. Но подобная политика лишь ускорила начало войны.

* * *

5 октября 1941 года, в одиннадцать часов утра, начальники управлений военного министерства

Японии собрались в кабинете генерала Тодзио. Соповещение пришло к выводу, «что нет возможности решить наши проблемы с Америкой путем переговоров. Необходимо подать петицию Его Величеству, чтобы на следующем совещании в Высочайшем присутствии было принято решение о начале войны».

Принц Коноэ вернулся из отпуска еще более подавленным и удрученным, чем прежде. Его сотрудники также уже растеряли свой оптимизм по поводу мирного разрешения противоречий с Америкой. В мирный исход еще верил только маркиз Кидо. «Анализируя обстановку в стране и за рубежом, — сказал Кидо принцу, — трудно предсказать исход войны между Японией и Америкой. Поэтому мы должны еще раз проанализировать сложившуюся обстановку. Вместо того, чтобы принимать решение о немедленном объявлении войны Соединенным Штатам, правительство должно сначала принять меры к успешному разрешению китайского инцидента».

Коноэ был далеко не в восторге от этого совета маркиза, но решил ему последовать. Утром 13 октября Коноэ пригласил к себе на виллу в Огикубо военного и морского министров, а также министра иностранных дел и генерала Судзуки из управления планирования военного министерства. В этот прекрасный воскресный день принц отмечал свое пятидесятилетие. Вилла Коноэ была комфортабельна, но далека от той показной роскоши, которой отличались другие особняки в этом аристократическом пригороде Токио. Еще до прибытия

приглашенных начальник канцелярии кабинета Кандзи Томита передал принцу записку от начальника Управления Военно-морского министерства адмирала Такасуми Ока, где говорилось:

«Флот не хочет приостановки японо-американских переговоров и желает всеми возможностями избежать войны. Но на совещании мы не сможем открыто высказать нашу точку зрения».

Генерал Тодзио как-то разузнал об этой записке, и еще по пути в Огикубо решил начистоту поговорить с морским министром Ойкава, обвинив флот «в безответственной трусости». Садясь за стол, Тодзио едва сдерживался, чтобы не наговорить резкостей морскому министру. Зато первыми словами генерала были: «Нет уже никакого смысла продолжать переговоры в Вашингтоне». Представители флота, как и предупреждал адмирал Ока, не осмеливались откровенно высказать свое мнение. Адмирал Ойкава произнес что-то не совсем понятное, а затем предложил оставить окончательное решение этого вопроса «на усмотрение премьер-министра».

— Каким бы ни был выбор, — сказал принц Коноэ, — его нужно принять быстро. Если вы хотите знать мое мнение, то я стою за продолжение переговоров.

Генерал Тодзио повернулся к адмиралу Тойода:

— Господин министр иностранных дел, верите ли вы еще в успешное завершение переговоров? — в голосе военного министра звучал нескрываемый сарказм. Вместо министра иностранных дел на вопрос генерала ответил Коноэ:

— Взвесив все возможности, я все еще выбираю переговоры.

— Это всего лишь ваша субъективная точка зрения, — резко заметил Тодзио, — А мне был хотелось все-таки послушать министра иностранных дел.

— Все зависит от конкретных условий, — ответил Тойода. — Сегодня ключевым вопросом является присутствие наших войск в Китае. Если армия не желает разрешить этот вопрос, то, действительно, в дальнейших переговорах нет никакого смысла. Если же здесь возможен какой-то компромисс, я не вижу особых препятствий на пути продолжения переговоров с Америкой.

— Нахождение войск в Китае является для армии вопросом жизни и смерти! — взорвался Тодзио. — Никакие компромиссы тут невозможны!

— Япония уже в принципе согласилась вывести войска из Китая, — продолжал генерал. — Это само по себе было громадной уступкой Вашингтону. Но теперь уже ясно, что Америка требует вывода всех наших войск сразу. Это совершенно невозможно! В Китае сражается миллион японцев. Мы не можем вывести их, пока в Китае не будет восстановлен порядок. Обстановку внутри Китая накаляют коммунисты и другие преступно-бандитские группировки, и только присутствие японских войск гарантирует во многих китайских районах законность и порядок!

— Вам не кажется, — спросил принц Коноэ, — что настало время забыть о славе и начать пожирать плоды? Почему бы именно так и не сказать

американцам: мы согласны вывести войска, но по особому соглашению с Китаем оставляем некоторое их количество в особо нестабильных районах?

— Немыслимо, — ответил Тодзио. — Тут нас будут презирать даже китайцы. Вывод войск приведет к тому, что Япония потеряет лицо, а также к усилению коммунизма. Кроме того, будут потеряны и Корея, и Маньчжурия.

Хотя Тодзио пришлось спорить сразу с четырьмя присутствующими, он продолжал упрямо отстаивать свою точку зрения.

— Армия, — заявил Тодзио, — не намерена изменять решение, принятое 6 сентября на совещании в Высочайшем присутствии. Если существует надежда на успешное завершение переговоров до установленного нами срока, переговоры нужно продолжать. Морской министр сказал, что решение войны или мира остается за премьер-министром. Я категорически не согласен с этим. Решение о войне должно быть принято вместе с правительством и высшим командованием вооруженных сил. Я не верю, что на данном этапе какое-либо решение может быть достигнуто дипломатическими средствами.

— Я совсем не уверен, что мы в этой войне победим, — мрачно заметил Коноэ. — Я считаю, что преодолеть существующие проблемы можно только дипломатическими средствами. Другого пути я просто не вижу. Что же касается войны, то пусть окончательное решение о ней примет тот, кто абсолютно убежден в ее победном исходе. Я же не могу взять на себя такую ответственность.

— Разве мы не решили начать войну, если провалятся переговоры? — раздраженно спросил Тодзио. — Вы же присутствовали на совещании. Почему же сейчас вы уходите от ответственности?

— Решение было принято секретно, — напомнил Коноэ, — как говорится, среди своих. Хотя оно и было одобрено Императором, его всегда можно пересмотреть.

Тодзио заметил, что попытки придать решению «неофициальный характер» является оскорблением Императора и неумелой попыткой уклониться от ответственности.

— С какой стати я буду брать на себя ответственность за войну, — возразил принц, — если я искренне считаю, что всего можно добиться мирным путем. На войну надо решаться в самом крайнем случае, когда все другие средства будут окончательно исчерпаны.

Споры продолжались до вечера и кончились принятием компромиссного решения: переговоры будут продолжаться до 15 октября и даже позднее, если на то будет воля Его Величества. При этом, никаких уступок не будет допущено по вопросу нахождения войск в Китае, необходимых для борьбы с коммунистами.

Несмотря на яростные споры, это совещание дало неплохие результаты. Даже генерал Тодзио на обратном пути в Токио начал понимать, что решение, принятое 6 сентября, было слишком поспешным, поскольку флот явно не желает форсировать события. При подобных обстоятельствах война могла стать очень крупной ошибкой.

Вернувшись в Военное министерство, Тодзио вызвал к себе полковника Кенрю Сато, своего нового помощника по общим вопросам, и рассказал ему, какую нерешительную позицию занимает командование военно-морскими силами.

— Господин министр, — предложил полковник. — Я могу организовать вам встречу с морским министром и обоими начальниками штабов. Почему бы вам не встретиться за чашечкой саке в каком-нибудь ресторане с гейшами? Вы им скажете: «Считает ли флот войну необходимой, поскольку главная роль в этой войне будет принадлежать именно флоту. Если вы, моряки, не верите в победный исход войны, мы не будем воевать вовсе. В этом случае я обещаю, что никому никогда не расскажу, что мы отказались воевать, потому что у флота на это не хватило решимости. Я возьму за это всю ответственность на себя и официально заявлю: «Я, военный министр, против войны».

Тодзио побагровел и стал в буквальном смысле слова кипеть и брызгать слюной:

— Вы хотите мне сказать, полковник, что морской министр и начальник Главного Морского штаба скажут мне в ресторане то, чего они не осмелились сказать на совещании в Высочайшем присутствии?

Министр решительно отказался участвовать в таких постыдных играх.

* * *

Совещание на вилле Коноэ в Огикубо, где так и не удалось добиться какого-либо конкретного

решения, породило слухи о правительственном кризисе и скором начале войны. Принц Коноэ уже стал сожалеть о достигнутом компромиссе. Без дальнейших уступок по выводу войск из Китая будет невозможно заключить приемлемое соглашение с Америкой. Уже не зная, что предпринять, премьер решил поговорить неофициально с генералом Тодзио. Утром 14 октября принц позвонил военному министру и договорился встретиться с ним до очередного заседания кабинета, назначенного на 10 часов утра.

— Я по всем вопросам полностью согласен с вами, исключая только ваше мнение по поводу вывода наших войск из Китая, — сказал Коноэ и предложил «сделать вид», что Япония согласна вывести все войска сразу, а там можно будет потянуть время сколько угодно.

— Если мы так поступим, — ошетинился Тодзио, — то не волнуйтесь — Соединенные Штаты заставят нас выполнить все, что мы пообещаем. Это не выход. И через какое-то короткое время мы снова окажемся на грани войны. Я уважаю ваши взгляды, господин премьер, но относительно войны вы слишком пессимистичны. Конечно, у нас есть слабости, но и у них этих слабостей тоже сколько угодно.

— Это вопрос суждений, — ответил Коноэ и напомнил генералу, как в феврале 1904 года Император Мэйдзи вызвал к себе принца Ито, спросив его: способна ли Япония разгромить Россию? Ито ответил, что в худшем случае Японии удастся год продержаться на корейской границе. За это время

можно будет попросить Америку выступить посредником для заключения мира. Успокоившись, Император Мэйдзи санкционировал объявление войны России. В настоящее время нет никакой «третьей стороны», которая, в случае необходимости, могла бы взять на себя роль посредника. Поэтому Япония должна действовать с максимальной осторожностью, учитывая подавляющее превосходство Америки в материальном отношении.

— Нам нужно сейчас не осторожничать, — резко возразил Тодзио, — а, напротив, набраться мужества, чтобы совершать экстраординарные вещи, подобно прыжку с веранды храма Кийоми!

Коноэ заметил, что подобные поступки простительны для частных лиц, а не для людей, ответственных за судьбу государства.

Тодзио насмешливо взглянул на премьера, — Вот в этом главное различие между нами.

Генерал подумал, что принц Коноэ слишком слабый человек, чтобы занимать пост премьера.

Генерал Тодзио направился на совещание правительства в твердой решимости стоять на своем и добиться ухода Коноэ в отставку. Военный министр находился в состоянии сильнейшего возбуждения. Вытащив лист бумаги, он безапелляционно заявил: «Пусть переговоры пока продолжаются, но армия должна быть готовой к войне в любой момент. Я не потерплю ни дня проволочки!»

Генерал повернулся к министру иностранных дел, задав ему свой обычный вопрос: верит ли тот в успешное завершение переговоров с американцами?

— Главной проблемой, — в очередной раз от-

ветил Тойода, — является вывод наших войск из Китая. Соединенные Штаты не удовлетворены японским ответом по этому вопросу. Америка становится все более и более подозрительной и требует от нас конкретики. Они не могут понять, почему Япония, говоря о мире, готовится к войне?

— Я не пойду ни на какие уступки относительно вывода войск, — заорал Годзио. Казалось, военный министр совсем потерял терпение.

— Это будет означать полный разгром Японии Соединенными Штатами — несмываемое пятно позора на истории Японской Империи! В дипломатии нужно уметь не только уступать, но и сопротивляться. Если мы уступим, то потеряем Маньчжурию и Корею, — снова повторил генерал свои старые аргументы, но на этот раз с таким жаром, что это подействовало на слушателей.

Затем Годзио обратил свой гнев на флот, особенно на морского министра адмирала Ойкава, за то, что моряки не могут честно и открыто сказать: способны они или нет победить американцев?

Коноэ и его министры сидели молча, раздавленные жаром «бомбовой» речи военного министра. В итоге, Годзио добился того, чего хотел. Через несколько часов после совещания в его кабинет прибыл генерал Судзуки, заявив, что действует в качестве посланца принца Коноэ: принц не может больше занимать пост премьер-министра, поскольку военный министр публично выразил столь экстремистские взгляды.

Годзио пожал плечами и отказался сделать что-либо для предотвращения правительственного

кризиса, но многие в армии не на шутку встревожились, узнав о предстоящей отставке принца Коноэ. Генерал Муто признался генералу Судзуки, что хотя премьер-министр «был, конечно, трусоват», он один умел сохранять единство нации. «Если он уйдет в отставку, Япония не сможет вести войну».

К вечеру генерал Судзуки, обегав много влиятельных кабинетов и обсудив последние новости, вернулся в военное министерство. Японцы не любили в таких случаях пользоваться телефоном, который вполне мог прослушиваться. Судзуки спросил генерала Тодзио, кто, по его мнению, должен стать следующим главой правительства?

— Им не может быть никто, кроме принца Хигашикуни, — ответил Тодзио, — правительство должно возглавлять только член императорской фамилии.

Если бы было принято решение о мирном урегулировании всех американо-японских противоречий, то лишь дядя Императора мог добиться этого, не рискуя вызвать мятеж в армии. Он мог вызвать к себе обоих начальников штабов и прямо заявить им, что он, дядя Императора, против войны. Сам Император этого сделать не мог, поскольку такой поступок противоречил традициям и конституции. А желанию принца императорской крови обязаны были следовать все военные, независимо от собственных взглядов. На прощание Тодзио признался Судзуки, что не хочет больше встречаться с Коноэ, поскольку он исчерпал все свое терпение на беседе с ним.

От военного министра Судзуки направился

прямо на виллу принца Коноэ и рассказал ему, что Тодзио предложил в качестве следующего премьер-министра принца Хигашикуни. Коноэ согласился с этим предложением. «Принц — очень порядочный человек. Я его хорошо знаю. Он против войны. Завтра я скажу об этом Его Величеству».

На следующий день наступило 15 октября — крайняя дата для начала войны, определенная милитаристами. К счастью, пока ничего не произошло. Утром генерал Судзуки сообщил маркизу Кидо о рекомендации принца Хигашикуни на пост премьер-министра. Однако, у Хранителя Печати это не вызвало никакого энтузиазма. «Принц, — заметил маркиз, — безусловно, талантливый человек, но не имеет достаточного политического опыта». Более важно было то, что он, будучи членом императорской фамилии, не мог взять на себя ответственность за начало войны. Если бы она, конечно, разразилась.

К полудню генерал Судзуки узнал, что принц Коноэ уже был принят Императором. В отличие от маркиза Кидо, Его Величество считал, что Хигашикуни вполне подходит на пост премьер-министра. Коноэ попросил Судзуки выяснить по этому поводу мнение самого принца.

— В армии далеко не все желают войны, — сообщил Судзуки принцу Хигашикуни. — Я уверен, что вы сможете контролировать ситуацию.

Генерал добавил, что даже сам Тодзио считает, что только Хигашикуни, имея постоянный доступ к Императору, сможет контролировать армию и в случае войны, и в случае мира.

— Это очень серьезный вопрос, — ответил принц. — Мне нужно подумать. Кроме того, я должен предварительно побеседовать с военным и морским министрами.

Вечером Коноэ позвонил маркизу Кидо, прося у него совета: должен ли он в частном порядке поговорить с принцем Хигашикуни? Кидо ответил, что не возражает. Коноэ тайно встретился с Хигашикуни, сообщив ему, что переговоры с американцами никогда не кончатся успехом, если армия не согласится вывести все войска из Китая. Только новый кабинет, возглавляемый принцем, сможет решить все проблемы и привести к единому мнению как армию, так и флот.

— Это слишком неожиданный и слишком сложный вопрос, чтобы сразу его решить, — заметил Хигашикуни. — Я лично против, чтобы правительство возглавлял кто-либо из членов Императорской фамилии. Кроме того, организация нового кабинета вовсе не означает автоматического соглашения с армией. Если им что-либо не понравится, я, как и любой другой, буду рисковать своей жизнью.

Он посоветовал Коноэ не уходить в отставку, а просто добиться смены военного министра.

Сам Годзио тоже не сидел без дела. Роковая дата настала, а никто даже не почесался. Генерал решил снова поставить этот вопрос перед Императором и стал через маркиза Кидо добиваться приема во дворце.

— Пришло время выполнять решение, принятое 6 сентября, — заявил генерал маркизу Кидо.

Кидо ответил, что решение было принято слишком быстро и было недостаточно обдуманым. «Оно должно быть пересмотрено».

— Хорошо, — буркнул генерал. — А что вы скажете на то, что новый кабинет должен сформировать член императорской фамилии?

Кидо признался, что еще не разговаривал с Хигашикуни, но считает, что член императорской фамилии может возглавлять правительство только в мирное время.

Это было совсем не то, что Тодзио хотел услышать. Не найдя, что ответить, генерал снова вернулся к «решению 6 сентября». «Оно должно быть выполнено», — упрямо настаивал он.

— Если мы так поступим, — ответил Кидо, — то что случится с Японией?

— А вы как полагаете? — уклонился от ответа генерал.

— Я полагаю, — сказал Кидо, — что Япония превратится в третьестепенную страну...

Этот разговор показал маркизу Кидо, что генерала Тодзио тоже одолевают сомнения, и будь Коноэ подтверже, многих нынешних проблем удалось бы избежать.

Но сразу после Тодзио Хранителю Печати позвонил сам Коноэ.

— Я твердо решил подать в отставку! — резко заявил он.

То, чего Кидо очень опасался, произошло с пугающей внезапностью, и теперь он понял, что наступают очень «мрачные времена».

Куда поведет новый кабинет министров Стра-

ну Восходящего солнца — к миру или к войне?

Вечером, когда уже начало темнеть, в кабинете Кидо появился принц Коноэ. На его лице ясно читались те переживания, которые мучили премьера всю неделю.

— Решение от 6 сентября нужно отменить, поскольку оно стало настоящим бедствием, — сказал маркиз Кидо. — Или, по меньшей мере, его необходимо пересмотреть. Новый премьер ни в коем случае не должен быть новичком. Это должен быть человек, варившийся во всех проблемах, вставших перед страной в течение последних нескольких месяцев. Он должен хорошо знать и понимать все аргументы «за и против» по любому сложному вопросу. Подобное условие ограничивает выбор до двух человек. Новым премьером должен стать или генерал Тодзио, или адмирал Ойкава. Поскольку Тодзио является виновником существующего кризиса, должен быть выбран Ойкава. Тем более, что адмирал не очень убежден в победоносном завершении войны. Однако Ойкава не пользуется большим авторитетом среди молодых офицеров, которые фактически управляют армией. Назначение адмирала может вызвать среди них брожение, а возможно, и мятеж. Конечно, спокойный, интеллигентного вида адмирал Ойкава будет лучше воспринят на международной арене. Но армия все равно выберет Тодзио. Значит, выбора нет — остается один Тодзио. Только он сможет контролировать экстремистов в армии, если мы пойдем дорогой мира. Генерал — человек с характером и не имеет политических амбиций. За время руководства военным министерством

он продемонстрировал готовность выполнить любую волю Его Величества.

Как всегда случалось с принцем Коноэ, его первая реакция на предложение маркиза Кидо была положительной. К этому времени отношения между Коноэ и Тодзио обострились настолько, что они уже просто не могли видеть друг друга. Однако на Коноэ, слушавшего маркиза Кидо, действовали аргументы о том, что Тодзио фактически является единственным человеком, который сможет контролировать армию в любых условиях. Как человек, переживший бесчисленные военные путчи и мятежи, лихорадившие Японию в течение последних пятнадцати лет, Коноэ хорошо понимал своим рациональным умом, насколько это важно. Кроме того, в последнее время экстремизм самого Тодзио заметно поубавился (главным образом из-за позиции флота) и он уже стал более осторожно относиться к возможности развязывания войны.

Кидо уверил принца Коноэ, что Император наверняка попросит Тодзио пересмотреть решение от 6 сентября.

Коноэ уехал из дворца, вновь исполненный оптимизма.

Но по дороге домой принца охватили сомнения относительно генерала Тодзио, и премьер в присутствии своего зятя начал делать то, на что мало кто бы решился в Японии — вслух обвинять Императора в том, что тот главный виновник разразившегося в стране кризиса. Принц вспомнил, как Его Величество недавно в сердцах заметил: «Насколько тупы и упрямы наши генералы!» Если

он это понимал, то почему не высказал свои мысли более прямо, твердо и конкретно? Обычно, как повелевали традиции, Император молча сидел на совещаниях, где присутствовал сам. Но когда ставкой были вопросы войны или мира, он просто был обязан без колебаний заявить свою точку зрения!

* * *

Юджин Думен, советник и переводчик американского посла Грю, едва успел встать с постели, как раздался телефонный звонок. Звонил Ушиба, секретарь принца Коноэ. Он просил принять его немедленно.

Ушиба прибыл «нервным и возбужденным», признавшись завтракавшему Думену, что не спал всю ночь, помогая принцу готовить сдачу дел новому премьеру.

Ушиба доставил письмо Коноэ для посла Грю, где принц выражал «сожаление и разочарование» по поводу своей отставки, призывая американского посла убедить свое правительство не делать преждевременных выводов из этого факта.

* * *

Примерно в час дня в Западной зале Императорского дворца собрались семь бывших премьер-министров Японии, чтобы выбрать нового премьера. Среди них находился маркиз Кидо, готовый порекомендовать на этот пост генерала Тодзио. Коноэ отсутствовал, поскольку он был уходящим премьером.

Кто-то предложил выбрать в премьеры какого-

нибудь принца императорской фамилии. Кидо возразил против этого. Если разразится война, «на императорскую фамилию обрушится настоящая буря обвинений». Кидо предложил Тодзио, поскольку тот был «в полной мере знаком с развитием обстановки» и мог бы эффективно координировать действия армии и флота». Что касается решения от 6 сентября, то Тодзио хорошо осознает необходимость его пересмотра.

Один из бывших моряков, адмирал Окада, который, будучи премьер-министром, чудом уцелел во время путча в феврале 1926 года, начал возражать против кандидатуры Тодзио, поскольку генерал принадлежит именно к той военной верхушке, что известна экстремизмом взглядов и тупостью. «В прошлом армия стреляла нам в спину из винтовок. Я надеюсь, что теперь они не собираются стрелять из пушек?»

Кидо согласился с тем, что в озабоченности старого адмирала есть доля смысла. Тем не менее, Тодзио имеет возможность контролировать в армии эмоции юных офицеров и экстремистов. Кто-нибудь из моряков может сделать то же самое?

Адмирал Окада согласился, что среди моряков он не видит никого, кто бы подошел на пост премьера, но порекомендовал на эту должность своего старого друга, генерала Угаки, либерала, ратовавшего за сокращения армии до уровня 20-х годов.

Дискуссия затянулась, Йошимичи Хара, присутствовавший на совещании в качестве Председателя Тайного Совета, был согласен с кандидатурой Тодзио, уверяя присутствующих, что генерал будет

следовать политике, указанной Императором, а решение от 6 сентября будет пересмотрено.

Коки Хирота — бывший гражданский премьер, также едва переживший очередной военный путч, поинтересовался: сохранит ли Тодзио за собой и пост военного министра?

— Да, — ответил Кидо.

— Тогда — прекрасно, — заметил бывший премьер. — В этом случае он сможет контролировать радикалов в армии.

— Я не считаю, — подвел итог Хара, — что выбор Хранителя Печати является идеальным, но поскольку я больше никого не вижу, кто мог бы занять этот пост, давайте попытаемся.

* * *

Сам же Тодзио находился в большом волнении. Он вполне предвидел нагоняй от Императора за свой вклад в падение кабинета Коноэ. Кроме того, генерал понятия не имел, на какую должность он будет назначен при формировании нового кабинета.

Примерно в половине четвертого ему позволил главный камергер и попросил генерала немедленно прибыть во дворец. Торопливо сунув в портфель несколько документов, чтобы иметь возможность оправдаться в случае необходимости, Тодзио выехал во дворец.

Прибыв во дворец, Тодзио ожидал разноса и был крайне удивлен и смущен, услышав слова Императора: «Мы повелеваем вам сформировать кабинет в соответствии с Конституцией. Мы считаем,

что нация столкнулась с очень опасной ситуацией. Армия и флот должны теснее взаимодействовать. Позднее мы вызовем Морского министра и скажем ему то же самое».

Тодзио попросил время поразмыслить и вышел в приемную, где столкнулся с адмиралом Ойкава, которому Император повелел «теснее взаимодействовать с армией». К ним подошел маркиз Кидо и пояснил: «Я посоветовал Императору говорить с вами только о взаимодействии армии и флота. Император желает, чтобы вы провели тщательное исследование международной обстановки и внутреннего положения в стране без оглядок на решение от 6 сентября. Рассматривайте все это как приказ Императора».

Это событие было беспрецедентным в японской истории. Еще никогда до этого Император не приказывал отменить решение, принятое на совещании в Его присутствии. Тодзио было приказано начать с «чистого листа бумаги», то есть, продолжать переговоры с американцами о мирном урегулировании всех проблем.

Генерал Тодзио еще не мог полностью осмыслить все произошедшее, но сказал маркизу Кидо, что принимает на себя ответственность, возложенную на него Императором. Затем генерал направился в храм Исокуни, где сотворил молитву «совместно с душами погибших за Японию воинов». Тодзио понимал, что для него начинается принципиально новая жизнь. Теперь ему нужно научиться мыслить не как солдату, а как гражданскому политику, скрупулезно выполняющего волю Императо-

ра. Генерал даже придумал себе новый девиз: «Император должен стать зеркалом моих мыслей»...

Когда Тодзио вернулся в Военное министерство, его ведомство гудело, как потревоженный улей. Два возбужденных генерала перехватили его в холле, предлагая свои кандидатуры в новый кабинет. Тодзио не стал их слушать и, буркнув что-то о «неуместной прыткости генералов», скрылся у себя в кабинете.

Немного отдышавшись, генерал вызвал к себе Наоко Хошино, который когда-то был ближайшим сотрудником Тодзио в Маньчжурии. Когда тот прибыл, то застал генерала сидящим на полу, заваленном кипами бумаг. «Работаю собственным секретарем», — пошутил Тодзио.

Вместе они начали обсуждать кандидатуры для нового кабинета.

— Армия не должна принимать участия в этом процессе, — объявил Тодзио и тут же предложил кандидатуру Хидехико Ишигуро, любимца военных, на пост министра образования. Хошино заметил, что это может вызвать кривотолки. Почему бы не сохранить на должности нынешнего министра, профессора?

— Хорошо, — согласился Тодзио, вычеркивая фамилию Ишигуро из списка, — А кто, как вы думаете, будет лучшим министром финансов — Аоки или Кайя?

— Они оба прекрасные специалисты с одинаковым опытом, — ответил Хошино. Но поскольку Аоки находился в Нанкине, а Кайя — в Токио, то прошла кандидатура последнего.

— А что вы скажете о Того как о будущем министре иностранных дел?

Хошино сказал, что знает Того очень хорошо еще со времен, когда они вместе покупали у русских Восточно-Китайскую железную дорогу. Он не имел никаких возражения против этой кандидатуры. Когда проект состава нового кабинета был составлен, Хошино стал звонить кандидатам, прося их быстро принять решение. Семеро согласились сразу, но четверо, включая Кайя и Того, колебались, желая сначала поговорить с Тодзио.

Первым приехал Кайя, кандидат в министры финансов.

— Ходит много слухов о войне между нами и Америкой, — сказал он. — Я слышал, что армия именно этого и хочет. Вы за войну или нет?

— Я не хочу войны, — ответил Тодзио, — и, по возможности, буду стремиться к мирному решению.

— Это прекрасно, что вы не хотите войны, — улыбнулся Кайя. — Но к сожалению, Высшее командование очень независимо. Оно поставит вас перед свершившимся фактом. Вспомните Маньчжурию и Китай.

— Я никогда не позволю армии начать войну вопреки мнению кабинета! — резко отчеканил Тодзио.

Решимость генерала подействовала на будущего министра финансов, но, прежде чем принять окончательное решение, он попросил разрешения проконсультировать с принцем Коноэ и позвонил тому, несмотря на поздний час. Коноэ посоветовал

ему принять пост и пожелал плодотворной работы на дело мира.

Вскоре после Кайя прибыл Сигенори Того. Он происходил из знатной самурайской семьи, но не был родственником легендарного адмирала. Это был тучный, задумчивый человек, говоривший со страшным акцентом, свойственным всем уроженцам острова Кюсю, который резал слух всем токийцам. Будучи профессиональным дипломатом, Того хорошо разбирался в международных делах. Правда, он оскандалил всю свою семью, женившись на немке. Того часто говорил то, что думал (привычка, странная для дипломата) и из-за этого прослыл грубияном. Он был уверен, что сможет повести переговоры с американцами до успешного завершения, и удивлялся, почему это не удалось сделать принцу Коноэ?

Тодзио был с ним вполне откровенен. Коноэ был вынужден уйти потому, что армия настаивала на сохранении наших войск на территории Китая. Многие другие проблемы также не удавалось разрешить на «разумной основе». Тодзио попросил Того быстро дать ответ, поскольку он должен представить Императору список нового кабинета к завтрашнему утру. Того согласился занять пост министра иностранных дел.

На следующий день 57-летний Тодзио был произведен в полные генералы, чтобы его чин соответствовал новой должности. После представления кабинета Тодзио поездом поехал в храм Изе — наиболее священный из всех синтоистских храмов, где совершил молитву Богине Солнца Аматерасу.

Общественность горячо приветствовала назначение Тодзио премьером. Газета «Иомиури» заявила, что само это назначение «должно привести в шок все государства, которые борются против стран Оси».

Но некоторые, включая принца Хигашикуни, были озабочены и встревожены. Принц не мог понять, как маркиз Кидо мог рекомендовать Тодзио, а Император — принять кандидатуру генерала, если оба хорошо знали, что Тодзио мыслит исключительно категориями войны.

Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в Токио, побеседовав с советником посольства Думеном, передал в свою газету: «Было бы преждевременно полагать, что в новом японском правительстве, по определению, будут доминировать экстремисты, добившиеся падения кабинета Коноэ. Против этого гарантией является сам Тодзио... В некотором отношении, смена правительства может даже ускорить переговоры... Теперь Соединенные Штаты узнают, как вести дела непосредственно с армией».

Сам госсекретарь США Кордэлл Хэлл охарактеризовал нового японского премьер-министра как «типичного японского офицера, маленького, закомплексованного и с одной извилиной в голове, скорее глупого, чем упрямого». Хэлл не ждал ничего хорошего от Коноэ, а от Тодзио — «и того меньше».

VII

Хотя русские ничего не знали о результатах Императорского совещания от 2 июля, один из советских шпионов, Хоцуми Одзаки, услышал слух, что принятое решение предусматривает экспансию

в южном направлении, а не вторжение в советское Приморье и Сибирь. Для подтверждения этого слуха Одзаки был послан советским резидентом Рихардом Зорге в Маньчжурию, где обнаружил, что три тысячи железнодорожных рабочих, которые должны были обеспечить наступление Квантунской армии на север, необъяснимым образом исчезли неизвестно куда.

4 октября Зорге радировал эту информацию в Москву, добавив данные об общем развитии обстановки: «Соответственно информации, полученной из различных японских официальных источников, Япония установила 15-е или 16-е числа этого месяца крайним сроком для получения от американцев удовлетворительного ответа на их предложения. В противном случае все японское правительство может уйти в отставку либо подвергнуться коренной реорганизации... или в этом, или в следующем месяце может начаться война с Соединенными Штатами. Единственной надеждой японских властей является ожидание каких-нибудь последних предложений от американского посла Грю, благодаря которым можно снова будет открыть переговоры. Что касается Советского Союза, то официальные власти Японии считают, что в случае германской победы, они и так добьются всех своих целей на Дальнем Востоке, а потому сейчас нет никакой необходимости воевать с Советским Союзом. В любом случае, вопросы японо-американских отношений и подготовка к наступлению на юг являются для них в настоящее время гораздо более важными, чем северная проблема».

Исключительно точная информация, которая позволила русским перебросить с Дальнего Востока большую часть войск на Западный фронт, была последней, отправленной Зорге. Через неделю один из его сообщников, Йотоку Мияги, 38-летний художник, болеющий туберкулезом, был случайно арестован. Причиной ареста послужили показания одной женщины, задержанной тайной полицией в ходе обычных антикоммунистических чисток. Женщина призналась, что познакомилась с Мияги в Америке, где они оба были членами коммунистической партии. Мияги стал коммунистом из-за ненависти «к бесчеловечной дискриминации, практикуемой против азиатских народов в США». При обыске у Мияги обнаружили данные о запасах топлива у японской армии в Маньчжурии и другие совершенно секретные материалы, но он в течение первого дня после ареста решительно отказывался отвечать на какие-либо вопросы.

В тот же день Мияги предпринял уникальную для японца попытку самоубийства, внезапно выбросившись в окно с третьего этажа. Крона растущего под окном дерева смягчила падение, и Мияги отделался переломом ноги. После этого он рассказал все, что ему было известно о группе Зорге.

В результате через три дня был арестован и Одзак. Он и Мияги предполагали в тот вечер встретиться со своим шефом, но поскольку оба не появились, Зорге стал подозревать, что они схвачены. Нутром профессионального разведчика Зорге уже чувствовал, что его деятельности в Японии приходит конец, и уже просил Москву «перевести

его куда-нибудь в Россию или Германию, чтобы он снова мог «активно работать».

Однако, какое-то время самого Зорге не решались арестовать. Министр внутренних дел опасался публично разоблачения того факта, что Одзаки был «близким другом» принца Коноэ. (В действительности же они были просто знакомыми по знаменитому дискуссионному клубу принца — «Клубу завтракающих», — куда Одзаки попал по протекции секретаря Коноэ Ушиба, с которым вместе учился в школе). Министр боялся, что подобный факт может привести к падению правительства. Но поскольку на следующий день принц Коноэ сам подал в отставку, то было дано разрешение схватить и Зорге.

На рассвете следующего дня, когда Тодзио формально стал премьером, Зорге был арестован прямо в постели и отправлен в пижаме и шлепанцах в полицейское отделение Торизака. Немецкий посол Отт направил протест в министерство иностранных дел и потребовал свидания с Зорге. Когда они встретились, Зорге был явно смущен. Некоторое время друзья говорили друг другу тривиальные вещи, а затем Отт спросил, не хочет ли Зорге ему что-либо сказать? После некоторой паузы тот ответил: «Господин посол, это наша последняя встреча. Передайте мои наилучшие пожелания вашей жене и остальному семейству».

Тогда, наконец, Отт понял, что был предан и обманут своим другом. Они молча поглядели друг на друга, а когда Зорге увели, шокированный Отт попросил следователя: «Расследуйте это дело са-

мым тщательным образом. Доберитесь до самого дна. Во имя хороших отношений между нашими странами».

* * *

На совещании нового кабинета 23 октября начальник Главного Морского штаба адмирал Нагано мрачно заметил:

— Мы предполагали принять окончательное решение в октябре, а к чему же мы в итоге пришли?

Японский флот потреблял четыреста тонн горючего в час. «Обстановка критическая. Мы должны твердо остановиться на каком-то решении».

Генерал Сигаияма был согласен со своим флотским коллегой:

— Мы просрочили уже почти месяц и не можем больше тратить время на дальнейшее изучение вопроса. Решение нужно принимать немедленно.

Ответ генерала Тодзио был таким, как будто в него вселилась душа принца Коноэ:

— Я могу понять нетерпение военных, но правительство предпочитает тщательно и ответственно изучить этот вопрос, чтобы ввести в курс дела новых министров (Морского, финансов и иностранных дел). Нам необходимо решить, принимать ли решение от 6 сентября или взглянуть на него с другой точки зрения. Имеются ли возражения у военных?

— Нет, — ответили Нагано и Сигаияма.

Власть генерала Тодзио прошла первое испытание. Инстинкт маркиза Кидо оказался правильным: Новый премьер Тодзио доказал, что может

контролировать недовольных военных.

Последующие заседания кабинета, проходившие в течение последующих десяти дней, были посвящены переговорам в Вашингтоне и шансам на успех в случае войны. Все министры единодушно решили соблюдать положение Тройственного пакта и, чтобы соблюсти честь принца Коноэ, обещали поддержать четыре условия Хэлла. Камнем преткновения оставался вывод войск из Китая. Тодзио, столь непреклонный в этом вопросе в спорах с принцем Коноэ, предложил сделать «дипломатический жест» и пообещать, что войска будут выведены в течение примерно двадцати пяти лет. Но теперь предложение Тодзио натолкнулось на столь же непреклонную, как некогда у него самого, позицию начальника генерального штаба генерала Сигайяма. Он решительно отказывался от каких-либо уступок в вопросе вывода войск. Неожиданно новый министр иностранных дел Того предложил «решить все проблемы с американцами», согласившись вывести все войска из Китая сразу и без всяких проволочек. Как требовали в Вашингтоне.

Это предложение было настолько ошеломляющим, что некоторые подумали, что Того рехнулся, и, от греха подальше, решили прервать совещание до завтра, чтобы «министр иностранных дел смог привести свои мысли в порядок».

Но Тодзио настоял, чтобы совещание продолжалось. Каждая минута уже была на счету, и необходимо было принять конкретное решение, даже если придется заседать до утра.

Тодзио предложил изучить три возможных

пути: избежать войны любой ценой или, по язвительному выражению маркиза Кидо, «мирно спать, посасывая соску; сразу начинать войну; продолжать переговоры, но быть в готовности начать войну в случае необходимости. Лично он, добавил новый премьер, верит в то, что дипломатия в конце концов приведет к прочному миру.

Сигайяма и Тсукада ушли с совещания злые и раздраженные от тех перемен, которые они заметили в настроении генерала Тодзио. Тот говорил не как генерал, а как какой-то интеллигентный шпак.

Тодзио вернулся в свой кабинет и обсудил три предложенные им альтернативы со своим помощником Кенрю Сато, ставшим к этому времени уже генерал-майором. Немедленное объявление войны, считал Сато, было бы беспросветной глупостью. «Мирный сон с соской» также не решит никаких проблем ни с Китаем, ни с Соединенными Штатами. «Если бы я был уверен в победе, — сказал Сато, — то, не задумываясь, выбрал бы немедленную войну. Но если у нас нет уверенности в победе, то разве не абсурдно вообще начинать войну?»

Тодзио признался своему помощнику, что он в частном порядке пытался убедить начальника генерального штаба не настаивать на завтрашнем совещании на немедленном начале войны. На что генерал Сигайяма не без сарказма ответил:

— Передайте военному министру, что единственным выходом из создавшегося положения является война.

Завтрашнее совещание было назначено на 9 часов утра, но Тодзио попросил генерала Сигайя-

му увидаться с ним пораньше. Премьер надеялся, что личная встреча приведет к какому-нибудь компромиссу.

В 07:30 Сигаияма и его заместитель Тсукада прибыли в официальную резиденцию премьер-министра.

— Его Величество Император, — начал Тодзио, — категорически против начала войны и пренебрежения дипломатическими средствами.

Правда, Тодзио сильно сомневался, что взгляды начальника генерального штаба претерпят какие-то изменения при напоминания ему мнения Императора.

— Если вы уверены в своей правоте, — продолжал премьер. — можете сами высказать свои взгляды Его Величеству. Я не возражаю.

— Генеральный штаб считает, — ответил Сигаияма, — что переговоры с американцами зашли в тупик. И пока Соединенные Штаты занимают свою упрямую, неконструктивную позицию, нет ни смысла, ни возможности продолжать переговоры. Есть одно только решение — война!

Затем он начал выговаривать Тодзио, что тот, военный человек, выслушивает советы каких-то штатских. Тодзио напомнил начальнику генерального штаба, что он прежде всего премьер-министр, а затем уже — военный министр.

Совещание кабинета началось 1 ноября в Императорском дворце в атмосфере сильнейшей озабоченности и тревоги. На ставке была судьба нации. Премьер снова конфронтовал с армией, которая смыкала ряды, и опять собирался обсудить

с кабинетом три предложенных накануне альтернативы правительственного курса.

— Что нам делать, — поинтересовался министр финансов Кайя, — если американский флот сам нападет на нас? Наш флот сможет победить после этого американцев или нет?

— Трудно сказать, — вздохнул адмирал Нагано.

— А все-таки? — продолжал настаивать Кайя.

— Я думаю, что тут шансы пятьдесят на пятьдесят, — ответил адмирал, — Лучше, не теряя времени, начать войну немедленно, пока мы имеем хоть какое-то превосходство над американцами. Время идет, а Америка становится с каждым днем все сильнее, в то время, как мы слабеем...»

— Война должна начаться самое позднее в начале декабря, — сказал начальник генерального штаба Сигаияма, — но переговоры с американцами нужно продолжить, чтобы мы могли добиться внезапности при открытии военных действий.

У министра финансов Кайя подобная постановка вопроса вызвала негодование:

— Неужели мы ничему не научились в нашей почти трехтысячелетней истории? Это просто отвратительно — прибегать к подобным трюкам под прикрытием дипломатии.

— Таких вещей делать нельзя, — поддержал своего коллегу министр иностранных дел Того.

Однако военные игнорировали вспышку возмущения со стороны гражданских министров.

— Вы можете продолжать переговоры до 20 ноября, — сказал адмирал Нагано.

Армия не хотела ждать так долго. У них край-

ним сроком было 13 ноября. Министр иностранных дел Того продолжал негодовать.

— Как министр иностранных дел, — заявил он, — я не могу осуществлять дипломатические шаги, если у них нет никаких шансов на успех. Я просто не смогу работать в подобных условиях.

Премьер-министр Тодзио оставался спокойным, молча слушая, как военные развернули массивную атаку на Того. «Если министр иностранных дел против войны, его надо заменить!»

После обеда, который был подан прямо на столе для совещаний, дискуссия продолжилась. Военные продолжали настаивать на скорейшем начале войны, уверяя, что дальнейшие проволочки значительно понизят боевую готовность их оперативных соединений. Разговоров о мире уже не было, дискуссировалась только окончательная дата начала войны. Армия настаивала на 13 ноября. Новый морской министр, адмирал Сигетаро Симанда, заявил, что ничего страшного не случится, если перенести дату начала войны на 29 ноября. Генерал Тсукада обратился к Того: «А вас какая дата устраивает?»

Дискуссия постепенно превращалась в перепалку, и Тодзио был вынужден объявить перерыв.

Во время двадцатиминутного перерыва военные посоветовались между собой и пришли к компромиссному решению: если необходимо, переговоры с американцами могут продолжиться вплоть до 30 ноября. Когда совещание возобновилось, премьер Тодзио попытался добиться у военных новых уступок, предложив перенести дату начала войны

на 1 декабря. Психологически это могло дать дипломатам почувствовать, что у них еще много времени.

— Категорически нет! — заявил генерал Тсукада, — мы абсолютно не в состоянии ждать дольше 30 ноября.

— Тсукада-сан, — спросил адмирал Симада, — до какого именно времени 30 ноября вы можете подождать? До полуночи? Если так, то это как раз то, о чем просит генерал Тодзио: подождать до 1 декабря.

— Хорошо, — согласился Тсукада, — до полуночи.

Согласовав дату начала войны, дипломатические переговоры с американцами решили оставить министру иностранных дел. Того заявил, что составил проект двух предложений, которые намерен представить американцам. В первом предложении говорится, что Япония согласна вывести все войска из Китая, в том числе, и те, что необходимы для борьбы с коммунистами, к 1966 году. Второе предложение должно быть зарезервировано на случай отклонения американским госсекретарем первого. В нем предлагается временное соглашение до заключения постоянного. Оно предназначается для уменьшения подозрительности Хэлла, считающего, что Япония намерена захватить весь французский Индокитай, и содержит обещание аннулирования всех планов по поводу захвата каких-либо территорий в юго-восточной Азии. За это Америка, в свою очередь, продает Японии миллион тонн авиационного бензина.

Генерал Сигайяма заявил, что второе предложение является абсолютно неприемлемым: «Нахождение наших войск во французском Индокитае держит под контролем Китай и обеспечивает нас стратегическим сырьем. Кроме того, в случае войны с Америкой, Индокитай превращается к прекрасную стратегическую позицию. Поэтому мы категорически против этого предложения».

Столь упорное сопротивление военных вынудило министра иностранных дел Того открыто заявить, что он не верит в то, что первое предложение будет американцами принято, тем более, за такое короткое время, которое осталось для переговоров. «Вы ставите меня в дурацкое положение, предлагая сделать то, что сделать невозможно».

Министр финансов Кайя и генеральный секретарь кабинета Хошино при поддержке еще нескольких министров встали на сторону Того, но военные оставались непреклонными.

Дебаты продолжались еще несколько часов, но военные отказывались даже слушать аргументы по поводу возможности вывода войск из Индокитая, настаивая при этом, чтобы Америка разморозила японские активы и прекратила саботаж мирного урегулирования «Китайского инцидента», поставляя китайцам оружие и военных инструкторов. Все это было крайне несерьезно, и Тодзио отлично понимал, что никакие переговоры на подобных условиях невозможны. «Я понял, — раздраженно заметил премьер, — что на дипломатию надежды нет. Но это еще не значит, что нужно начинать войну».

Еще не сдавался, несмотря на объединенную

оппозицию армии и флота, министр иностранных дел Того, продолжая настаивать на выводе войск из Индокитая. Он не сможет вести переговоры, не имея на руках хоть каких-нибудь козырей. Дебаты уже перешли на крик, и один из секретарей (генерал Муто), чтобы разрядить обстановку, предложил сделать десятиминутный перерыв. Тодзио увел военных в комнату отдыха, где напомнил им, что Император повелел начать все с «чистого листа», и они обязаны выполнить его волю. При упоминании имени Императора, генерал Сигаияма вздохнул, поклонился, но промолчал.

Время уже приближалось к полуночи, и нужно было заканчивать.

Когда министр финансов Кайя ехал домой по пустынному городу, он продолжал дискутировать сам с собой. Что может произойти, если он будет продолжать упорствовать против развязывания войны? Это может вынудить Тодзио распустить весь Кабинет, а новый кабинет, без сомнения, будет наполнен одними милитаристами. Но с другой стороны, еще существовала надежда на то, что переговоры в Вашингтоне могут успешно завершиться. Поэтому не будет ли мудрее все-таки представить американцам выработанные кабинетом предложения? Кроме того, если война все-таки разразится, то только опытный министр финансов сможет обуздать инфляцию. Рассуждения Кайя были логичными, но война с Соединенными Штатами представлялась ему настолько невыносимой, что он не мог заставить себя позвонить Тодзио и заявить о своем согласии с мнением военных.

По пути домой такие же дебаты с самим собой вел и министр иностранных дел Того. Ему удалось настоять на многих пунктах своих предложений, но он был далеко не уверен, что они удовлетворят Америку.

Возможно, если пригрозить отставкой, то армия пойдет на дальнейшие уступки? Прибыв домой, Того позвонил своему другу, бывшему премьер-министру Коки Хирота, и попросил у него совета. Тот посоветовал Того оставаться на своем посту и «продолжать работать во имя успеха переговоров». Новый министр иностранных дел может оказаться оголтелым милитаристом.

Единственным шансом на успех в Вашингтоне, решил Того, была отправка в помощь послу Номура опытного дипломатического советника. Еще несколько месяцев назад сам адмирал просил прислать ему в помощь Сабуро Курусу, способнейшего дипломата с большим опытом, подписавшего не так давно от имени Японии Тройственный пакт и имевшего тесные связи со многими влиятельными людьми с Соединенных Штатах. Кроме того, Курусу был женат на американке Алисе Джей, родившейся в Нью-Йорке.

Курусу не очень обрадовался своему новому назначению. Трудность заключалась в необходимости отправить его в Вашингтон как можно быстрее с соблюдением особой секретности. Существовала большая вероятность, что ультранационалисты и прочие воинствующие экстремисты убьют Курусу, узнай они о его поездке. Огромный гидросамолет «Клиппер» должен был по расписанию вылететь из

Гонконга через сорок восемь часов, но необходимы были еще несколько дней, чтобы организовать перелет Курусу туда на одном из самолетов морской авиации. Проблему решил американский посол Грю, позвонивший начальнику Дальневосточного отдела в госдепе Максвеллу Гамильтону. Тот убедил руководство компании «Пан Америкен» отложить вылет «Клиппера» на двое суток.

4 ноября Курусу попрощался с Тодзио, который обнадежил его словами о том, что «американский народ не хочет войны, что у американцев тают запасы каучука и цинка», добавив, что, по его мнению, шансы Курусу на успех составляют 30%. За два дня премьер, оценивший шансы как «пятьдесят на пятьдесят», уменьшил их на 20%. «Пожалуйста, сделайте все, что в ваших силах, чтобы достичь соглашения», — закончил Тодзио. В ту же ночь Курусу попрощался со своей женой, говоря, что «может уже никогда не вернуться».

* * *

На следующее утро, в 10:30, тринадцать министров кабинета Тодзио собрались в зале, где проходили совещания в Высочайшем присутствии.

Когда появился сам Император, церемония началась согласно вековым традициям. В зале явно ощущалась сильная напряженность, когда генерал Тодзио объявил Императору, что решение от 6 сентября было пересмотрено. «В результате, — заявил премьер, — мы пришли к заключению, что должны быть готовыми начать войну 1 декабря, но в то же самое время сделать все возможное, чтобы решить

проблему дипломатическим путем».

Министр иностранных дел Того описал дипломатические перспективы, признав, что осталось «очень мало пространства для дипломатических маневров» и что шансов на успех, как это ни прискорбно, почти нет.

Генерал Судзуки напомнил о критическом состоянии запасов стратегического сырья в Японии. «Нам предстоит нелегкая задача сражаться сразу против США, Великобритании и Голландии, не говоря уже о Китае». Однако, шансы на победу в первые месяцы войны столь очевидны, что он считает — лучше начать войну, чем ожидать, пока противник задавит нас экономически.

Адмирал Нагано призвал к соблюдению абсолютной секретности оперативных боевых планов, поскольку судьба Японии зависит от решительных побед в первые же дни войны. Генерал Сигаёяма напомнил, что каждый день проволокки с началом войны увеличивает преимущество Соединенных Штатов во всех видах вооружений. Он предполагает, что война может продлиться долго, но Япония в этом случае займет настолько «стратегически неприступные позиции», что выиграть у нее войну будет невозможно.

Несмотря на все эти бравые, воинственные речи, атмосфера какого-то отчаяния и обреченности висела над залом совещания. Из страшной преисподней, откуда вырываются войны, уже повеяло могильным холодом...

Председатель Тайного Совета Хара спросил у Тодзио, как он оценивает шансы на успешное за-

вершение переговоров с американцами.

«В 40%», — ответил премьер, добавивший за ночь 10% к своей предыдущей оценке.

Хара опасался, что война становится неизбежной, и предупредил, что Америка, Британия и Германия — все относятся к белой расе, и им гораздо легче договориться между собой, чем с Японией, поскольку они все расисты.

В итоге Япония рискует остаться одна перед лицом большой расистской коалиции. «Мы должны считаться с общей ненавистью к нашей желтой расе со стороны «белых», которые вполне могут объединиться против нас, забыв собственные распри», — предупредил Хара.

Император за время совещания не произнес ни одного слова.

* * *

Американский посол Грю понимал, в каком состоянии нервного разочарования находятся японские лидеры и к чему подобное состояние может привести. За несколько дней до «Императорской конференции», 5 ноября, Грю написал в своем дневнике: «Очевидно, что Япония готовится к войне, и начнет ее, если альтернативная программа мира провалится. Начало войны может произойти с драматической и ужасной внезапностью».

Охваченный подобными мыслями посол направил Хэлли тревожную телеграмму, еще раз рекомендуя найти способ примирения с японцами: «...Посол полагает, что если эти попытки не увенчаются успехом, то Япония, по-видимому, возвра-

тится к своей прежней, а может быть, и к более жесткой позиции. По его мнению, это может привести к тому, что Япония скорее пойдет на огромный риск национального харакири и вступит в решительную борьбу против экономической блокады, чем уступит давлению на нее извне. Обозреватели, которые ежедневно наблюдают японский национальный характер и психологию, считают, что такое течение событий не только возможно, но и вероятно...»

«...Посол подчеркивает, что выражает вышеизложенные взгляды на этот очень важный вопрос, не будучи информирован о намерениях и расчетах правительства... Он не является также в какой-либо мере сторонником «умиротворения» Японии или хотя бы малейшего отступления правительства Соединенных Штатов от основных принципов... Во всем, что касается принципов, недопустимы никакие компромиссы, хотя методы могут быть гибкими. Цель посла заключается в том, чтобы исключить возможность вступлению в войну в результате неправильного представления о способности Японии безрассудно броситься в самоубийственную войну. Здравый смысл противоречит таким действиям, однако к здравомыслию японцев нельзя подходить с американскими мерками логики... Япония способна действовать с опасной и безумной внезапностью, что может привести к вооруженному конфликту с Соединенными Штатами».

Грю молился, чтобы его поняли в Вашингтоне. «Главная беда для вас, англо-саксов, — как-то сказал послу один из его японских друзей, — заключа-

ется в том, что вы относитесь к японцам как к взрослым людям, в то время, как они дети и требуют соответственного обращения».

Однако, и это послание Грю было, как обычно, проигнорировано Государственным Департаментом. Стенли Хорнбек считал Грю честным, старомодным и легковерным человеком. Он находился под большим влиянием Думена, который слишком долго жил на Востоке, чтобы объективно относиться к японцам. Его прояпонские симпатии чувствовались в каждом послании.

Радиоперехваты, осуществляемые службой «Мэджик», убедили Хорнбека в двуличности японцев. Как можно доверять нации, которая столь явно ведет двойную игру, говоря о мире и откровенно готовясь к войне. Но странное дело, Хорнбек был при этом уверен, что японцы блефуют и никогда не осмелятся бросить военный вызов Америке, а потому убеждал Хэлла не обращать внимания на все предупреждения Грю.

В отличие от него, начальники штабов армии и флота США, генерал Маршалл и адмирал Старк, обратились к президенту Рузвельту с совместным призывом не делать ничего, что могло бы усилить кризис в отношениях с Японией. Главной стратегической целью, указывали начальники штабов, является Германия. «Если Япония будет разбита, а Германия нет, наши стратегические цели не будут достигнуты», подчеркнув, что война с Японией подорвет силы союзников в борьбе с «наиболее опасным противником» — Германией. Они просили Президента не предъявлять Японии никаких ультимату-

мов в течение трех или четырех месяцев, пока позиции союзников на Филиппинах и в Сингапуре не будут усилены.

Однако, получаемая информация уже точно подсказывала Рузвельту, что кризиса в отношениях с японцами избежать не удастся. Как раз в это время была перехвачена длинная телеграмма от японского министра иностранных дел Того послу Номура, содержащая два последних японских предложения и секретные инструкции. Телеграмма была расшифрована, переведена и немедленно передана Хэллу. Содержание инструкций недвусмысленно говорило о том, что японцы больше не верят в успех переговоров.

«Итак, отношения между Японией и Соединенными Штатами достигли крайней напряженности. Мы теряем уверенность в возможности их мирного урегулирования».

«Приложите все усилия и работайте круглосуточно, чтобы урегулировать японо-американские отношения, которые на грани разрыва», — говорилось в оригинале документа.

Налицо была явная неточность перевода.

Между тем, перевод второго параграфа был еще более неточен:

«Условия внутри и за пределами нашей Империи являются столь напряженными, что любое промедление более невозможно. Однако, в нашем искреннем желании установить мир в отношениях между Японской Империей и Соединенными Штатами Америки мы решили в результате тщательных обсуждений попытаться еще раз продолжить пере-

говору. Но это наше последнее усилие...»

В оригинале тон послания был более ответственным:

«Обстановка внутри и за пределами страны крайне напряжена, и мы не можем позволить себе любое промедление. Исходя из нашего искреннего желания установить мирные отношения с Соединенными Штатами, Императорское правительство после тщательных обсуждений решило продолжить переговоры. Настоящие переговоры являются нашим финальным усилием...»

В переводе говорилось, что если эти японские предложения не приведут к соглашению, отношения между двумя странами будут разорваны.

«...На ставке судьба нашей страны, ее жизнь и смерть».

Действительными словами Того были: «...и безопасность Империи зависит от этого».

Госсекретарь Хэлл прочел: «...настало время продемонстрировать пределы наших дружеских отношений: время для последней возможной сделки, и я надеюсь, что мы сможем, таким образом, разрешить все наши проблемы с Соединенными Штатами мирным путем».

Между тем, Того писал: «...Ныне мы идем на крайние уступки ради мирного решения в духе полной и искренней дружбы. Мы надеемся, что Соединенные Штаты на этой, финальной стадии переговоров пересмотрят вопросы и подходы к решению настоящего кризиса в духе сохранения мирного характера японо-американских отношений».

Ошибки, допущенные при переводе перехва-

ченных японских радиোগрам, меняющие порой дух, букву и тон японских предложений, не давали возможности госсекретарю Хэллу, даже если он этого хотел, правильно понять истинный смысл японских предложений. Многие японцы искренне убеждены, что искажения в переводы вносились умышленно, чтобы сорвать возможность заключения американо-японского соглашения. В Америке же считают, что это не так. Скорее всего, это происходило из-за незнания переводчиками японской дипломатической стилистики. Кроме того, возможно, что недостаточно обученные переводчики хотели сделать свои переводы более читаемыми и интересными, произвольно внося в них несуществующие слова и убирая существующие слова по собственному усмотрению.

* * *

Вечером 7 ноября Номура прибыл к Хэллу с «первым» японским предложением. Хэлл, который уже успел прочесть это предложение накануне, просмотрел врученный японским послом документ мельком и заявил, что новое предложение не содержит никаких реальных уступок. Настроение Хэлла было настолько очевидным, что Номура попросил встречи с президентом Рузвельтом. Адмирал был близок к отчаянию, поскольку драгоценное время стремительно истекало. Японские начальники штабов требовали от него как можно более быстрых действий. Хэлл же, напротив, никуда не спешил, поскольку американские начальники штабов просили его «потянуть время».

Через три дня Номура, наконец, был принят президентом Рузвельтом и указал тому «на значительные уступки», сделанные Японией, повторив, что сейчас нельзя терять времени. Президент также помнил о просьбах своих начальников штабов и ответил послу «что государства обязаны думать на сто лет вперед, особенно, в такое время, которое ныне переживает наш мир». Необходимо проявлять терпение и не спешить. Он, Рузвельт, не хочет временного соглашения. Он хочет заключить его на прочной и долгосрочной основе.

Номура телеграфировал Того, что «американцы не отвергли полностью первое японское предложение». Адмирал-идеалист был готов схватиться за любую соломинку надежды.

Не терял надежды и епископ Джеймс Уолш. Не успев вернуться из очередной поездки на Дальний Восток, он сделал еще одну попытку урегулировать американско-японские отношения, вручив 15 ноября Хэллу длинный меморандум собственного сочинения. Читая его, Хорнбек сделал очень много саркастических замечаний на полях. Именно эти замечания, а не сам меморандум, прочитал Хэлл.

В своем меморандуме Уолш разъяснял, что санкция Императора по любому политическому решению воспринимается всеми японцами как «окончательное и неизменяемое решение, которому должна следовать страна».

Хорнбек написал карандашом на полях: «Если политика, санкционированная Императором, является «неизменяемой», то и состоявшийся альянс с Осью «неизменяем».

В этот же самый день в Вашингтон прибыл после изнурительной поездки через всю территорию США специальный посланник Сабуро Курусу. Через два дня посол Номура представил его Хэллу. Одного взгляда на этого маленького человечка, поставившего свою подпись под вступлением Японии в Тройственный пакт, было достаточно Хэллу, чтобы понять, что японцу доверять нельзя. «Ни его внешний вид, ни его поведение не внушали доверия и уважения, — вспоминал в своих мемуарах Хэлл. — Я с первого взгляда понял, что это плут... Единственным его достоинством в моих глазах было то, что он превосходно говорил по-английски, обучившись языку у своей секретарши-американки, на которой женился».

Убежденный, что главной задачей Курусу было «замаскировать трюки своего правительства и отвлекать нас разговорами до того момента, когда Япония будет готова нанести удар», Хэлл, тем не менее, проводил обоих японских дипломатов пешком до Белого Дома, где их принял президент Рузвельт.

Президент встретил их очень приветливо. «Как говорил Бриан, в разговоре между друзьями никогда не будет сказано последнее слово», — воскликнул Президент.

Курусу ответил, что нужно найти способ избежать войны, ибо Тихий океан уже напоминает «бочку с порохом».

Рузвельт согласился, что необходимо достичь «широкого взаимопонимания».

Что касается «Тройственного пакта», сказал

Курусу, то он не понимает, почему Америка, которая «столь строго следит за выполнением международных обязанностей, требует от Японии нарушения одного из таких обязательств». Японские лидеры уже заверили американцев, что Тройственный пакт не ведет автоматически к войне. Более того, взаимопонимание, достигнутое между Японией и Америкой, будет таким «сияющим» достижением, на фоне которого Тройственный пакт, что вполне естественно, неизбежно померкнет. И всякое беспокорство Америки по поводу этого пакта обязательно рассеется.

Фактически это был шаг к отмене пакта, но Хэлл не поверил словам Курусу, считая, что «это была просто попытка отговориться».

Однако, президент Рузвельт оставался дружески настроенным. Он подтвердил, что не видит никаких «серьезных противоречий между двумя нашими странами», и даже предложил Америку в качестве посредника между Китаем и Японией.

* * *

В этот же самый день премьер-министр Тодзио выступил перед депутатами парламента. Выступление премьера транслировалось на всю страну. Говоря о переговорах в Вашингтоне, премьер указал, что их успех зависит от трех основных факторов: Америка не должна вмешиваться в решение Японией «Китайской проблемы», она должна «воздержаться от прямой военной угрозы нашей Империи» и снять экономическую блокаду, а также «приложить усилия, чтобы предотвратить распространение»

ние войны в Европе на Восточную Азию». Речь премьеры сопровождалась бурей аплодисментов. В американской дипломатической ложе, как все заметили, американский военно-морской атташе наклонился к своим коллегам и о чем-то с ними зашептался. Потом все обменялись рукопожатиями. Газета «Асахи Шимбурн» по этому поводу писала:

«...Четыре сотрудника американского посольства внезапно пришли в сильное возбуждение и начали о чем-то переговариваться друг с другом. Затем, с торжествующим видом, они начали жать друг другу руки, хотя никто не знает, что это все означает...»

Между тем, американский военно-морской атташе прошептал следующие слова: «Во всяком случае, он не объявил нам войны».

* * *

Среди японских лидеров с каждым днем таяли надежды получить до намеченного срока начала войны определенный ответ из Вашингтона на первое японское предложение (Предложение А). В качестве последнего усилия министр иностранных дел Того телеграфировал послу Номура второе японское предложение (Предложение В). 20 ноября адмирал зачитал его Хэллу. Хэлл воспринял его как ультиматум, «настолько нелепый, что никто из американских официальных лиц не мог и мечтать, чтобы принять что-либо подобное». Но, чтобы не сорвать переговоров, Хэлл обещал японскому послу, что это предложение будет «благожелательно изучено».

Ознакомившись с японским «Предложением

В», где совершенно неприемлемым для американцев являлось требование о прекращении любой помощи Китаю, Рузвельт написал Хэллу:

«На ближайшие шесть месяцев.

1. США восстановят экономические отношения, в первую очередь по нефти и рису, остальное — немного позже.

2. Япония не направит более войск в Индокитай или на Маньчжурскую границу, а также, в любое другое место в южном направлении (Голландские, Британские владения или Сиам).

3. Япония не последует условиям Тройственного пакта, даже если США вступят в Европейскую войну.

4. США готовы посредничать в переговорах Японии и Китая, в которых сами участвовать не будут».

На следующий день Курусу явился в Госдепартамент с проектом письма, где говорилось, что Япония никогда не брала на себя обязательств «кооперироваться» с какой-нибудь третьей страной для ведения совместных военных действий:

«...Мое правительство никогда не бросит японский народ в войну ради пользы любой иностранной державы; Япония может решиться на войну только при крайней и неизбежной необходимости для обеспечения своей безопасности... Я надеюсь, что вышеизложенное заявление поможет Вам преодолеть необоснованные подозрения, которые Ваше Превосходительство часто высказывает...»

Однако, подозрения Хэлла рассеять было очень трудно, поскольку из радиоперехвата амери-

канский госсекретарь знал, что крайним сроком, установленным в Токио послу Номура для продолжения переговоров является 29 ноября...

«...Этот срок, — говорилось в перехваченном радиোগрамме, — абсолютно не может быть изменен. После этого события начнут развиваться автоматически».

Вечером, в субботу 22 ноября, Номура и Курусу прибыли к Хэллу, чтобы получить от него ответ на «Предложение В». Японские послы, которые всегда были улыбочивы и вежливы, находились сегодня в каком-то особенно веселом настроении. Они все время посмеивались и переглядывались.

Хэллу пришлось сделать над собой усилие, чтобы остаться любезным, поскольку от службы «Мэджик» он знал о бесчестной двойной игре, которую вели японцы.

Мысли госсекретаря постоянно возвращались к тому, что «если мы не ответим положительно на японские требования, их правительство через несколько дней начнет какие-то новые агрессивные действия, что рано или поздно приведет к войне с Соединенными Штатами, в которой погибнут тысячи, а возможно, и миллионы людей».

Хэлл пытался намекнуть японцам, что неплохо бы совершить несколько «жестов доброй воли», чтобы им «разрядить создавшуюся обстановку». Однако, Номура продолжал настаивать на ответе «попунктно» на японские предложения, подчеркивая, что это нужно сделать очень быстро. Хэлл не мог понять причины, почему в Токио не могут подождать еще несколько дней, но обещал подготовить

ответ как можно быстрее.

Но самое раннее этот ответ будет готов лишь в понедельник, поскольку нужно проконсультроваться с правительствами «некоторых дружественных стран», также имеющих интересы на Дальнем Востоке.

В понедельник 24 ноября Хэлл пригласил к себе представителей Англии, Австралии, Голландии и Китая, показав им проект соглашения, основанный на замечаниях Рузвельта. Китайский посол доктор Ху-Ши был явно озабочен. Зачем нужно позволять пяти тысячам японцев оставаться в Индокитае? «Мое правительство, — объяснил Хэлл, — не признает права Японии держать тем даже одного солдата. Но мы должны достичь хотя бы какого-то временного соглашения, чтобы иметь время на подготовку к более масштабным мероприятиям в случае разрыва с Японией».

Голландский посол, доктор Александр Лоудон, твердо заявил, что его страна поддержит американский план действий, но три других посла объявили, что им необходимо получить инструкции от своих правительств. Уставший и раздраженный Хэлл на это ответил: «Ваши правительства имеют более прямой интерес в обороне этого региона мира, чем моя страна. Но ваши правительства, более занятые проблемами других направлений, кажется, не очень разбираются в вопросе, который мы сейчас обсуждаем. Я определенно разочарован таким неожиданным развитием событий, недостатком вашего интереса к Дальнему Востоку и нежеланием взаимодействовать с нами».

На следующий день китайский посол Ху-Ши со смущенным видом вручил Хэллу ноту от имени своего министра иностранных дел, заявив, что Чан-Кай-ши очень резко отреагировал на предложенный американцами план, считая, что Америка «собирается умиротворять Японию за счет Китая». Все, что мог сделать Хэлл, это пообещать, что если Япония двинется дальше на юг, Америка пошлет свой флот к Индокитаю, а возможно, и в японские воды...

* * *

На следующий день, 26 ноября, министр финансов Генри Моргентау прибыл в Белый дом, когда президент Рузвельт только начал завтракать, с аппетитом поедая копченую селедку. В этот момент раздался телефонный звонок. Это был госсекретарь Хэлл, который доложил президенту о том, что китайцам «очень не нравится американский план» и они даже заявили «официальный протест».

— Ничего, — ответил Рузвельт. — Я их успокою, — и вернулся к завтраку.

Хэлл, между тем, позвонил военному министру Стимсону, заявив ему, что он не собирается ничего изменять в американских предложениях и заявит японцам, что «других предложений у него нет». Это побудило Стимсона позвонить Рузвельту, чтобы проверить, получил ли президент документы, которые военный министр послал ему накануне вечером о новой японской экспедиции из Шанхая в Индокитай. По воспоминаниям Стимсона, «Президент буквально взорвался». — Нет, он не видел этих

документов! Это изменяет всю обстановку, поскольку становится совершенно ясной двойная игра японцев, обделяющих свои грязные делишки под прикрытием переговоров в Вашингтоне.

Чуть позже перед президентом предстал сам Хэлл. Он порекомендовал, учитывая протест китайцев, отказаться от первоначального плана и предложить японцам совершенно новую «основу для достижения всестороннего мирного соглашения». Разгневанный новостью о новом японском конвое, направляющемся в Индокитай, Рузвельт согласился с этим предложением, и во второй половине дня Номура и Курусу были приглашены в Госдепартамент.

В пять часов вечера Хэлл вручил японцам два документа «с некоторой надеждой на то, что даже в последнюю минуту малая толика здравого смысла очистит от воинственности мозги японских руководителей в Токио».

Номура и Курусу стали поспешно читать первый документ, который они так долго ждали. Затем они прочли и второй документ, содержащий новые американские предложения.

Прочитав документы, Курусу спросил, являются ли они американским ответом на японские предложения? Хэлл ответил, что Америка вынуждена была отвергнуть эти предложения, поскольку у народа Соединенных Штатов, как, впрочем, и у японского народа, существует весьма запутанное представление о создавшемся положении. Госсекретарь напомнил послам, что американское правительство вынуждено учитывать политическую об-

становку внутри страны так же, как это приходится делать японскому правительству. Хэлл сослался при этом на многочисленные провокационные заявления в Токио, которые «вызывают естественную реакцию у американской общественности. Он заявил, что предлагаемое Америкой новое соглашение сделает возможным практические мероприятия по сотрудничеству в области финансов, о котором, однако, в проекте не говорится из-за опасения вызвать неправильные толкования.

На это Курусу ответил, что «Соединенные Штаты фактически предлагают Японии взятку, что является оскорблением для японского правительства. Если Соединенные Штаты считают, что «Япония должна снять шляпу перед Чан-Кай-ши и признать его, то они ошибаются: Япония не может согласиться на это». Далее Курусу заявил, что если позиция американского правительства не изменится, он не видит возможности заключить какое-либо соглашение. *

Хэлл поинтересовался, что, собственно, Курусу имеет в виду?

Курусу с весьма мрачным видом сказал, что когда американский ответ будет сообщен в Токио, то там, наверное, придут в отчаяние. Он даже заметил, что поскольку это предложение не является окончательным и не содержит обязательств, было бы лучше не сообщать его японскому правительству до предварительного неофициального обсуждения здесь. Государственный секретарь заметил, что послы, видимо, пожелают тщательно изучить документы прежде, чем обсуждать их.

Перейдя затем к вопросу о поставках нефти, Хэлл заявил, что общественное мнение в США очень чувствительно к этому вопросу и подвергнет государственного секретаря линчеванию, если он допустит, чтобы нефть свободно шла в Японию. Если японские войска оккупируют Индокитай, то американский народ будет рассматривать это как угрозу всем странам, расположенным по соседству. Хэлл отметил, что в Японии, по-видимому, не понимают, какую угрозу для Америки представляют японские войска в Индокитае.

— Мы обеспокоены главным образом угрозой нашим постоянным торговым связям и поэтому появление японских войск в Индокитае затрагивает наши прямые интересы, — заявил Хэлл.

На это Курусу заявил, что, по его мнению, американский ответ на их предложения равносителен прекращению переговоров, и поинтересовался, заинтересована ли Америка вообще в сохранении мира?

Хэлл обещал изучить этот вопрос самым тщательным образом...

«Устное Заявление Правительства США, переданное японским послам:

Вашингтон, 26 ноября 1941 года.

В течение нескольких последних месяцев представители правительств Соединенных Штатов и Японии вели неофициальные предварительные переговоры с целью определения возможности урегулирования проблем в зоне Тихого океана в соответствии с принципами международного права, миропорядка и справедливости. Достижение

урегулирования предполагалось на основе таких принципов, как независимость и территориальная неприкосновенность и целостность государств; равенство, включая равные возможности в области торговли и экономических связей; международное сотрудничество и переговоры как средство предотвращения споров, разрешения конфликтов и улучшения международных отношений мирным путем.

Предполагается, что в ходе переговоров достигнут некоторый успех в отношении общих принципов, составляющих основу мирного урегулирования проблем в зоне Тихого океана...

20 ноября японский посол передал государственному секретарю предложение о временных мерах, которые должны быть приняты правительствами Японии и США и которые, как понималось, были предназначены для достижения вышеуказанных целей.

Правительство Соединенных Штатов искренним образом желает внести свой вклад в установление и поддержание мира и стабильности в зоне Тихого океана и использовать любую возможность для продолжения переговоров с японским правительством с целью выработки широкой программы установления мира во всей зоне Тихого океана.

Предложения, представленные японским послом 20 ноября, содержат некоторые элементы, противоречащие, по мнению правительства Соединенных Штатов, главным принципам, лежащим в основе общего урегулирования, которых каждое правительство обязалось придерживаться.

Правительство Соединенных Штатов считает,

что принятие этих предложений не будет способствовать достижению конечных целей обеспечения мира, порядка и справедливости в зоне Тихого океана, и предлагает предпринять дальнейшие усилия в направлении согласования различных взглядов на практическое применение упомянутых основных принципов. С этой целью правительство Соединенных Штатов выдвигает на усмотрение японского правительства план широкого и одновременно простого урегулирования проблем в зоне Тихого океана. План представляет собой примерную программу, которую правительство Соединенных Штатов рассматривает как возможный вариант решений в ходе дальнейших переговоров... Этот план предусматривает условия практического применения основных принципов, по которым мы достигли соглашения в переговорах и которые являются единственной прочной основой справедливых международных отношений. Мы надеемся, что наше предложение поможет достижению прогресса в сближении точек зрения двух правительств».

Проект предложения в качестве основы для соглашения между Соединенными Штатами и Японией. Вашингтон, 26 ноября 1941 года.

«...Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии предлагают принять следующие меры:

1. Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии приложат усилия к тому, чтобы заключить многосторонний пакт о ненападении между Британской Империей, Китаем, Японией,

Голландией, Советским Союзом, Таиландом и Соединенными Штатами...

3. Правительство Японии выведет все свои военные, военно-морские, военно-воздушные и полицейские силы из Китая и Индокитая.

4. Правительства Соединенных Штатов и Японии не будут оказывать военной, политической и экономической поддержки никакому правительству или режиму в Китае, за исключением национального правительства Китайской Республики с временной столицей в Чунцине (Чан-Кай-ши).

5. Оба правительства отказываются от всех прав экстерриториальности в Китае, включая права и интересы, относящиеся к международным соглашениям и концессиям...

6. Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии вступят в переговоры с целью заключения торгового соглашения, основанного на взаимной политике наибольшего благоприятствования и на устранении торговых барьеров обеими странами, включая обязательство Соединенных Штатов внести шелк-сырец в свободный лист.

7. Правительство Соединенных Штатов и правительство Японии взаимно откажутся от замораживания японских активов в Соединенных Штатах и американских активов в Японии...

9. Оба правительства признают, что никакое соглашение, заключенное ими с третьей державой или державами, не будет истолковываться как противоречащее основной цели настоящего соглашения — установлению и сохранению мира во всей зоне Тихого океана...»

* * *

Первые новости об ответе Хэлла достигли Токио утром 27 ноября.

Это было сообщение от военного атташе в Вашингтоне, которое начиналось с объявления о том, что «американский письменный ответ на Предложение В не оставляет ни луча надежды на продолжение переговоров».

Офицеры генерального штаба сгрудились около узла связи, тревожно ожидая расшифровки остальных частей ответа госсекретаря Хэлла.

Расшифрованное сообщение с новыми американскими предложениями сразу же было отправлено во дворец, где проходило очередное совещание кабинета, и Тодзио зачитал этот документ вслух. Когда премьер закончил чтение, наступила гнетущая тишина, а затем кто-то хрипло произнес: «Это ультиматум!» Даже министр иностранных дел Того, который не особенно верил в успех переговоров, и тот не ожидал ничего подобного. От неожиданности и отчаяния он некоторое время не мог произнести ни слова, «как будто мне прокололи горло». Только некоторые военные сидели с торжествующими лицами: «Что мы вам говорили? Так и случилось».

Для адмирала Симада это был «шокирующий удар». После того, как Япония пошла на значительные уступки, ответ Хэлла можно было расценить только как издевательство, демонстрирующее «несгибаемую позицию США».

Даже такой поборник мира, как министр финансов Кайя нашел американские требования «же-

сткими и оскорбительными». Хэлл, видимо, хорошо знал, что японцы не смогут принять ничего подобного, а просто хотел втянуть их в бесконечные дискуссии. Америка уже фактически не скрывала своего желания напасть на Японию! Япония уже согласилась немедленно вывести свои войска из южной части Индокитая, но и это уже не удовлетворяло американцев. Хэлл требовал, чтобы все японские войска были без промедления выведены из Китая и Индокитая. Это было совершенно невозможно!

Что особенно возмутило всех присутствующих на совещании, так это категорическое требование американцев вывести войска «со всей территории Китая». Маньчжурия была завоевана с большим трудом и потерями. Ее потеря грозила Японии экономической катастрофой. Какое вообще американцы имеют право предъявлять суверенной стране такие требования?

Теперь уже война становилась неизбежной.

Ни на той, ни на другой стороне не было отпетых негодяев и злодеев. «Злодейским» было само время, в котором происходили все эти события. Оно и породило соответствующих исполнителей глобальной мировой трагедии.

VIII

Начиная с лета 1939 года, когда японская армия пыталась завязать наиболее тесные связи с Германией и Италией, японский флот, напротив, делал что мог, чтобы от этих связей отмежеваться.

Тогдашний морской министр адмирал Мицумаса Ионаи и все его заместители были против вступления Японии в Тройственный пакт. Армия же была уверена, что, завоевав всю Европу, Гитлер будет способен помочь Японии в разрешении Китайского кризиса. Но адмирал Ионаи и его подчиненные были убеждены, что война между Англией и Германией будет очень продолжительной. В эту войну, уверяли моряки, в конце концов вступит и Америка, так что Германия в итоге войну проиграет. Поэтому, если Япония заключит договор с Гитлером, ей придется потом одной воевать со всем миром, включая и Соединенные Штаты.

Заместитель Ионаи был даже более категоричен, чем его шеф, публично предсказывая, что Япония будет разбита в любой войне с Соединенными Штатами. Этим заместителем министра был адмирал Ямамото, звали которого Исороку, что в переводе означало «пятьдесят шесть». Именно столько лет было его отцу, школьному учителю, когда мальчик родился. Ростом Ямамото был всего пять футов и три дюйма, что точно соответствовало росту легендарного адмирала Того. Ямамото поступил на флот, чтобы, по его словам, «вернуть визит адмиралу Перри». Позднее он жил в Соединенных Штатах, обучаясь в Гарвардском университете и служа в Вашингтоне в качестве военно-морского атташе. Ямамото так часто и упорно обращал внимание на индустриальную мощь Америки, что Ионаи, опасаясь, как бы Ямамото не убили экстремисты, направил его в августе в 1939 году на должность командующего Объединенным флотом.

Основой стратегических планов японских адмиралов в тридцатых годах было допущение того, что их основной потенциальный противник, Америка, начнет войну первой, напав на Японию силами своего флота. Этот флот, по замыслу японских стратегов, должен был, выйдя из Перл-Харбора, двинуться к берегам Японии, где его спокойно ожидал японский флот. Ослабленные по пути атаками японских подводных лодок, американцы затем должны были быть разгромлены в решительном артиллерийском сражении где-то западнее Иводзимы и Сайпана. Тогда в японском флоте был модным такой девиз: «Мы уверены не в том, что враг не нападет на нас, а в нашей готовности встретить его, когда он появится!»

Однако, когда командование флотом принял Ямамото, он расширил теоретическую «боевую линию» до Маршалловых островов, которые вместе с Каролинскими островами попали под японский мандат после Первой Мировой войны и представляли наиболее выдвинутые в восточном направлении японские владения в Тихом океане.

Затем, в 1940 году, наблюдая на весенних маневрах флота с борта своего флагманского линкора «Нагато» за впечатляющими действиями палубных самолетов с авианосцев, Ямамото сказал своему начальнику штаба, контр-адмиралу Сигеру Фукудоме:

— Наши тренировки оказались очень успешными, и я думаю, что мы вполне можем атаковать Гавайские острова. Одним сокрушительным ударом можно уничтожить в Перл-Харборе весь

американский флот, а пока тот будет оправляться от этого удара, Япония уже захватит всю Юго-Восточную Азию с ее богатейшими ресурсами.

Сама идея внезапного нападения была позаимствована адмиралом Ямамото у кумира всех японских моряков адмирала Того, который в 1904 году без объявления войны послал свои миноносцы в атаку на русские корабли, стоявшие на рейде Порт-Артура. Русские, потеряв подорванными в первые минуты войны два броненосца и крейсер, так и не смогли отправиться от этого удара, а год спустя потеряли весь свой флот в Цусимском бою. Ямамото, будучи тогда юным мичманом, участвовал в этом бою. Осколком русского снаряда ему оторвало два пальца на левой руке.

А возможность воздушного налета именно на Перл-Харбор была почерпнута адмиралом Ямамото из весьма любопытного источника.

В 1921 году в Соединенных Штатах была опубликована книга «Морская мощь на Тихом океане», написанная Гектором Байветером, военно-морским обозревателем лондонской газеты «Дейли Телеграф». Через четыре года часть этой книги была переработана автором в фантастический роман «Великая Тихоокеанская война». В ней Байветер описал внезапное нападение японцев на американский Тихоокеанский флот в Перл-Харборе с одновременными высадками на Гуам и вторжением на Филиппины, включая высадку морского десанта в бухте Лингайен на Лусоне и в заливе Лемон. Главный морской штаб в Токио, который перевел на японский язык «Морскую мощь на Тихом океане», ра-

зослав ее высшим офицерам флота, сделал адаптированный перевод и «Великой Тихоокеанской войны», распространив эту книгу в Военно-морском колледже.

Когда «Великая Тихоокеанская война» вышла в свет, Ямамото служил военно-морским атташе при японском посольстве в Вашингтоне. В сентябре 1925 года он прочел об этом издании в книжном ревью газеты «Нью-Йорк Таймс», приобрел ее и тщательнейшим образом изучил. Книга оказала на него огромное впечатление. Концепция достижения решительной победы одним внезапным ударом заложена глубоко в японском характере.

Любимой литературной формой японцев является «хайку» — поэма, где в короткой семнадцатислоговой строфе содержится сентенция, побуждающая воображение или мечту, а вместе с тем дающая совет по ее воплощению в жизнь. «Великая Тихоокеанская война» была написана как раз в таком ключе.

Адмирал Ямамото был не единственным, кто серьезно обдумывал возможность внезапного воздушного удара по Перл-Харбору. Капитан 2 ранга Кацунари Мийо, служивший в управлении морской авиации Главного Морского штаба в Токио, пытался убедить свое начальство, что единственным способом победить столь мощного противника, как Америка, является навязывание американскому флоту решительного сражения, причем, по возможности, быстрее. Это можно сделать, считал Мийо, используя в большом количестве гигантские шести или восьмимоторные бомбардировщики, которые

будут совершать периодические воздушные налеты на американский флот в Перл-Харборе. Это вынудит американцев либо увести свой флота на базы Западного побережья, или выйти в море и вступить в бой с японским флотом вблизи Маршалловых островов, где противник будет завлечен в ловушку и разгромлен.

Хотя эта идея никогда серьезно не рассматривалась начальниками капитана 2 ранга Мийо, в военно-морских штабах на эту тему велись дискуссии, которые кем-то были подслушаны. 27 января 1941 года перуанский посланник в Токио доктор Рикардо Ривера Шрайбер сообщил своему другу, Первому секретарю американского посольства Эдварду Крокеру, что, по слухам, японцы намерены осуществить «внезапную воздушную атаку на Перл-Харбор». Крокер сообщил эту новость послу Грю, который телеграфировал ее в Вашингтон. Это сообщение было передано в Управление Военно-морской разведки США, которая в ответ доложила, что «согласно данным о нынешней диспозиции и развертывании японских военно-морских и сухопутных сил, никакие действия против Перл-Харбора не осуществляются или планируются в обозримом будущем».

Именно в этот момент адмирал Ямамото горячо взялся за воплощение в жизнь своей мечты.

1 февраля 1941 года он написал неофициальное письмо начальнику штаба II-го Воздушного флота контр-адмиралу Такидзиро Ониси, представив в общих чертах свой план нападения на Перл-Харбор и прося Ониси провести секретное изучение

возможности практического осуществления этого плана. Ониси привлек к изучению плана командующего капитана 2 ранга Минору Генда, одного из наиболее многообещающих морских офицеров, чье влияние распространялось далеко за пределы его скромного воинского звания. Генда прославился в Китае, применив там новую тактику массового использования истребителей дальнего действия.

Изучив план Ямамото, Генда через десять дней представил свои выводы: атака на Перл-Харбор трудноосуществима и рискованна, но имеет «достаточные шансы на успех». Другими словами, операция рискованна, но возможна.

Ониси переслал выводы капитана 2 ранга Генда Ямамото, добавив свои собственные предложения. Получив ответ, Ямамото обсудил план атаки с начальником оперативного отдела своего штаба капитаном 1 ранга Камето Куросима, блестящим, но несколько странным офицером, который, витая где-то в облаках, бродил по флагманскому кораблю в кимоно, оставляя за собой клубы сигаретного дыма. Многие матросы считали его «чокнутым».

Получив задание командующего, Куросима заперся в своей каюте на несколько дней. Затем он появился, весь пропахший чесноком, какими-то пряностями и табачным дымом, представив Ямамото детальный план операции, озаглавленной «Операция Куросима», (После войны, незадолго до своей смерти, Куросима сказал: «Нападение на Перл-Харбор было моей идеей»).

По плану Куросима успех задуманной операции основывался на двух главных предпосылках:

1. Американский Тихоокеанский флот в момент атаки будет находиться в Перл-Харборе.

2. Огромное японское авианосное соединение пройдет половину пути через Тихий океан необнаруженным.

Только очень рискованный игрок мог пойти на подобную авантюру, но Ямамото как раз и был таким игроком. Адмирал обожал бридж и покер, прекрасно играл в шоги (японские шахматы) и был какое-то время даже чемпионом японского флота по этой игре. Однажды один американец спросил Ямамото, как тот умудряется так быстро рассчитывать все комбинации в бридже. «Если я могу держать в своей голове пять тысяч иероглифов, — объяснил адмирал, — то держать пятьдесят две карты очень легко». Адмирал часто говорил своему любимцу капитану 2 ранга Ясудзи Ватанабе, что во всех его замыслах тщательный расчет всегда наполовину соседствует с надеждой на удачу. В задуманной атаке на Перл-Харбор надежда на удачу составляла даже больше пятидесяти процентов. «Если операция провалится, — как-то фаталистически заметил Ямамото, — нам бы лучше было и не начинать войны».

Через два дня после отправки письма контр-адмиралу Ониси, Ямамото посвятил в свой план капитана 1 ранга Кандзи Одзава, начальника разведки флота, потребовав от него, чтобы тот собрал как можно больше данных о базировании американского флота на Гавайских островах.

Хотя Одзава уже имел на островах небольшую шпионскую группу — трусоватого немца Отто

Кюна, вечно нуждавшегося в деньгах, буддистского священника и двух американцев японского происхождения — толку от них было мало, тем более, что ни один из них не разбирался в военно-морских вопросах. Одзава решил отправить на Гавайи военно-морского эксперта, который уже был отобран и подготовлен к выполнению возложенной на него задачи, хотя отсутствие пальца на руке делало его легко узнаваемым. Отобранным агентом был Такео Есикава, двадцатидевятилетний лейтенант из 5 отдела разведки ВМС, занимавшегося американскими делами. Есикава был симпатичным молодым человеком, выглядевшим гораздо моложе своих лет.

В военно-морском училище в Этадзиме Есикава был чемпионом по плаванию. (В японском военно-морском училище каждый выпускник до производства в офицеры обязан был сдать зачет по плаванию, проплыв десять миль по открытой воде: от знаменитого храма Мияджима до Этадзимы).

Кроме того, он отлично фехтовал на мечех и не особенно утруждал себя учебой. В то время, как его сокурсники корпели над учебниками, Есикава изучал теорию Дзен-Буддизма. Тем не менее, он закончил училище вместе со всеми и некоторое время служил офицером-шифровальщиком на крейсере. Есикава прослушал лекции на торпедных, артиллерийских и авиационных курсах. Все было бы хорошо, если бы молодой офицер не пристрастился к пьянству, что отразилось на его здоровье, и Есикава вынужден был уйти в запас. В качестве офицера резерва он затем вернулся на службу в Управление военно-морской разведки. Вначале он

служил в «британском» отделе, а затем перешел в «американский», где, копаясь в грудах добытого материала, отслеживал движение американских кораблей, вел каталог нового морского оружия и оборудования.

Весной 1940 года начальник отдела капитан 1 ранга Такеучи обратился к лейтенанту Есикава с предложением: не хочет ли он поработать на Гавайских островах в качестве секретного агента. Есикава согласился и исчез из кадров военно-морского флота, превратившись в гражданское лицо с новым именем — Тадаси Моримура. Он стал изучать методы шпионажа и готовиться к работе в генеральном консульстве Японии в Гонолулу, изучая международное право и английский язык в Токийском Университете. Затем разведчик сдал дипломатический экзамен и стал одновременно работать в министерстве иностранных дел и в своем 5 отделе.

К весне 1941 года, когда адмирал Ямамото потребовал усиления разведывательной деятельности на Гавайских островах, Есикава был уже готов к выполнению задания. 20 марта в Иокогаме он поднялся на борт лайнера «Нитта-мару», а еще через неделю прибыл в Гонолулу. Генеральный консул Японии Нагано Кита тепло встретил Есикава, и следующим вечером привел в японский ресторанчик «Шунчоро», расположенный на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на военную гавань Перл-Харбора. Хозяйка ресторана Намико Фудзивара, которая оказалась землячкой разведчика (из префектуры Эхиме), поведала, что в ее заведении имеется пять гейш, прошедших обучение в

Японии. Есикава понял, что при выполнении задания скучать не придется.

Жалование лейтенанта Есикава составляло 150 долларов в месяц. Кроме того, на ближайшие шесть месяцев ему было выдано шестьсот долларов на «текущие расходы». Есикава начал операцию с туристской поездки по всем главным островам Гавайского архипелага. Затем последовали две поездки на машине по периметру острова Оаху, а затем облет этого острова на частном самолете в сопровождении одной из хорошеньких гейш. Совершив эти предварительные поездки, Есикава убедился, что американские боевые корабли базируются только в Перл-Харборе. На других островах их нет. Дважды в неделю Есикава совершал шестичасовые поездки по острову Оаху и ежедневно посещал Перл-Харбор. Как правило, он просто наблюдал за гаванью с вершины холма, но несколько раз проникал через КПП военно-морской базы. Однажды, взяв с собой корзинку для завтрака, Есикава смешался с группой рабочих и весь день пробыл на территории военно-морской базы. Никто не остановил его и не задал ни одного вопроса. Есикава поднимался на огромные нефтебаки, чтобы узнать, заполнены они или нет, обнаружив, что заполненные баки, как правило, текут, что можно определить, не заходя за ограждение базы.

В другой раз он уговорил экономку офицерского клуба нанять его на работу в качестве кухонного рабочего в преддверии какого-то крупного банкета морских офицеров, где должно было присутствовать все командование флотом. Но все, что

ему тогда удалось узнать, был способ, каким американцы моют посуду.

От большого японского сообщества на острове было мало толку. Разведчик наблюдал за многими, кто часто появлялся в консульстве, в основном, чтобы выпить на дармовщинку, но отобрать никакого не смог: почти все считали себя лояльными американцами, хотя ходили в Буддийский храм и даже сдавали деньги в «Фонд помощи японской армии».

Болтать с американскими моряками также не имело почти никакого смысла. Поговорить они любили, но вытянуть из них что-либо интересное было фактически невозможно.

Основную информацию Есикава добывал простым и вполне безопасным методом. Он сидел на «татами» с гейшами в ресторане «Шунчоро» и составлял схемы дислокации американских боевых кораблей в гавани Перл-Харбора, которая была видна как на ладони.

В своих регулярных поездках по острову Есикава брал с собой либо одну из гейш, либо горничную из консульства. Если он ехал один, американские патрули его часто останавливали, а с девушкой — свободно всюду пропускали.

Однажды Есикава приехал на аэродром Хикэм — крупную базу армейских бомбардировщиков вблизи Перл-Харбора. На КПП японец сказал часовому, что у него назначена встреча с американским офицером, и тот махнул ему рукой — проезжай. Медленно объехав всю авиабазу вокруг, Есикава запомнил количество ангаров и самолетов, а

также длину двух главных взлетно-посадочных полос.

Японский разведчик присутствовал на авиашоу на аэродроме Уилер — авиабазе истребителей в центре острова Оаху. Он сидел на траве вместе с другими зрителями, наблюдая, как истребители Р-40 выполняют в небе фигуры высшего пилотажа. Есикава никогда ничего не записывал, и уж тем более, не фотографировал. Он полагался только на свою память, запоминая количество самолетов, ангаров, казарм, летчиков и солдат.

Раз в неделю Есикава представлял в зашифрованном виде свой доклад консулу Кита, который посылал машину с донесением на главный телеграф компании Маккей в Гонолулу.

За месяц своего пребывания на острове Оаху Есикава сумел убедиться, что у него на хвосте висит ФБР, постоянно преследуя его на черном автомобиле с радиоантенной. Кита предупредил его быть осторожнее, но Есикава упрямо продолжал себя вести, как прежде. Вскоре отношения между генеральным консулом и разведчиком окончательно испортились.

* * *

К апрелю план нападения на Перл-Харбор получил новое условное название — «Операция Z» в память о знаменитом сигнале Z, поднятом адмиралом Того в Цусимском бою: «Жизнь и смерть нашей страны зависят от этого боя. Сделайте все, что в ваших силах!»

К этому времени план операции был передан конкретно тем, кто должен был воплотить его в

жизнь — Первому Воздушному флоту.

10 апреля начальником штаба Первого Воздушного флота был назначен контр-адмирал Рейносуке Кусака. Адмирал был крепким энергичным человеком с невозмутимым лицом. Его отец был преуспевающим бизнесменом, но юного Кусака с детства тянуло в море. Закончив военно-морское училище в 1913 году, Кусака служил главным образом в морской авиации, а однажды пересек весь Тихий океан на «Цепелине», где находился в качестве наблюдателя. Позднее он командовал последовательно двумя авианосцами — «Хосе» и «Акаги», а перед переводом в Токио служил командиром 24-й Воздушной эскадры на Палау.

Переведенный для продолжения службы в Главный Морской штаб, сорокавосемилетний адмирал попал в подчинение бывшего своего сокурсника по военно-морскому колледжу (академии) адмиралу Сигеру Фукудоме, возглавлявшему тогда оперативное управление Моргенштаба.

Как-то Фукудоме показал ему пачку бумаг, исписанных от руки. Кусака сразу узнал почерк адмирала Ониси.

— Это, видимо, какой-то оперативный план, — сказал он, пробежав бумаги глазами, — но едва ли он может быть практически использован в реальном бою.

— Это просто предложение, — ответил Фукудоме, — пока еще ничего не решено. В случае войны мы рассчитывали получить от вас практический, годный для немедленного использования, оперативный план. Разработайте его, — И объявил о

назначении Кусака начальником штаба авианосного соединения.

Кусака сел на поезд, направлявшийся на юг, в Хиросиму, где, прибыв на борт авианосца «Акаги», представился своему новому командиру, вице-адмиралу Чуичи Нагумо. Нагумо, всю жизнь прослуживший на эсминцах, недостаточно разбирался в вопросах авиации и сказал своему новому начальнику штаба, чтобы тот взял полностью в свои руки все окончательное планирование по «Операции Z». Но Кусака, хотя и считал себя «авиационным брокером», тоже не был летчиком. Детальной отработкой плана должны были заняться профессиональные летчики. Эта задача была возложена на капитанов 2 ранга Тамоцу Оиши и Минору Генда, которые оба теперь служили в штабе Первого Воздушного флота.

Чем более адмирал Кусака изучал проект плана, тем более его охватывали сомнения по поводу его выполнимости. Он был слишком рискованным, а поражение в первом бою означало проигрыш войны.

В конце июня адмирал Кусака встретился с адмиралом Ониси, автором первоначального проекта плана нападения на Перл-Харбор, и указал тому на основные недостатки плана, где слишком много было отдано на волю случая. Ониси согласился с коллегой, и оба решили доложить об этом адмиралу Ямамото.

— Вы нашли эти изъяны, — сказал Ониси. — Вы ему и докладывайте.

Вернувшись на авианосец «Акаги», Кусака

попросил разрешения у Нагумо встретиться с адмиралом Ямамото, и получив разрешение, отправился на линкор «Нагато», флагманский корабль Объединенного флота. Кусака доложил главкому свои сомнения, подчеркнув, что в плане слишком много «блефа».

Ямамото выслушал аргументы Кусака с благожелательным видом и спросил: «Вы употребили слово «блеф», зная, что я люблю играть в покер?», дав понять затем, что беседа окончена. Еще более озабоченный Кусака покинул салон командующего и стал спускаться по трапу, где его ждал катер. В этот момент кто-то тронул его за плечо. Кусака обернулся и снова увидел Ямамото. «Ваши возражения мне понятны, — сказал он. — Но я хочу, чтобы и вы поняли, что решение напасть на Перл-Харбор принято мною как командующим Объединенным флотом. Поэтому я хочу, чтобы вы перестали сомневаться и приложили все усилия для выполнения моего приказа. Если кто-нибудь еще будет высказывать свои возражения, то докладывайте мне, и я всегда вас поддержу.

Пока Генда и Оиши отработывали детали нанесения воздушного удара по американскому флоту в Перл-Харборе, адмирал Кусака думал над проблемой, которая ему казалась самой рискованной в задуманной операции: как довести авианосное соединение до Гавайских островов и не быть обнаруженными? Это казалось ему невозможным. Японские корабли были быстрее американских, но за счет уменьшения бронирования и дальности плавания. У всех кораблей ударного соединения, не

считая новейших авианосцев «Сеаку» и «Дзуйкаку», просто не хватило бы запасов топлива добраться до Перл-Харбора. Как их заправлять топливом по дороге?

Также невозможно было сохранить элемент внезапности. Какой курс для рейда к Гавайским островам можно было считать оптимальным?

Кусака вызвал флагманского штурмана соединения капитана 3 ранга Тосисабуро Сасабе и приказал ему изучить типы и государственную принадлежность кораблей и судов, совершавших транстихоокеанские рейсы за последние десять лет. Сасабе доложил, что в ноябре и декабре ни одно судно не осмеливается плавать выше сорока градусов северной широты из-за бурного состояния океана. Читая рапорт капитана 3 ранга Сасабе, Кусака вспомнил о внезапном нападении, которое в XII веке совершил Ешитсуне Минамото на теоретически неприступный замок противника. Минамото добился успеха, совершив нападение с совершенно неожиданного направления.

Этот бой, произошедший 7 февраля 1184 года, решил борьбу за власть в Японии между кланами Минамото и Таира.

Кусака мог сделать то же самое, нанеся удар по Перл-Харбору с севера. Американский флот обычно маневрировал юго-западнее Гавайских островов, исходя из предпосылки, что любое нападение произойдет с японских баз на Маршалловых островах. Проблемой оставалась возможность дозаправки кораблей топливом в условиях штормового океана. Но адмирал Кусака решил, что ему

удастся преодолеть эту проблему путем тренировок личного состава и укрепления дисциплины.

Между тем, был уже рассчитан точный курс до места запуска самолетов. По информации, поступающей с Гавайских островов, Кусака знал, что американские летающие лодки обычно патрулируют район в пятистах милях вокруг Перл-Харбора. Другие летающие лодки, взлетающие с Алеутских островов, патрулируют район в пятистах милях южнее Датч-Харбора. Поэтому ударное соединение могло проскочить незамеченным в небольшом промежутке, направившись прямо на восток, в точку примерно в восьмистах милях севернее Перл-Харбора.

Там, за сутки до атаки, корабли должны были последний раз дозаправиться топливом и под покровом темноты двинуться на восток — прямо к их цели. С первыми же лучами рассвета можно было начать взлет самолетов. Обычно за подготовку и боевую готовность летчиков и самолетов несли ответственность командиры авианосцев и командиры их авиагрупп. Однако в этой атаке самолетами со всех авианосцев должен был командовать, координируя их действия, единый командир. Им был выбран командир авиагруппы авианосца «Акаги», капитан 2 ранга Мицуо Футида, тридятилетний ветеран китайской войны, налетавший уже три тысячи часов. Не все командиры авианосцев согласились бы с этим выбором, но так решил адмирал Кусака.

Главной целью, соответственно плану капитана 2 ранга Генда, был так называемый «Линкорный

ряд», две колонны американских линейных кораблей, стоявшие на швартовах у острова Форд в центре Перл-Харбора. Сначала в атаку должны были выйти самолеты-торпедоносцы и нанести торпедный удар по кораблям внешнего ряда. Затем корабли внутреннего ряда должны были попасть под удар горизонтальных и пикирующих бомбардировщиков.

Кусака понимал, что успех второго удара зависит полностью от точности бомбометания. Японцы знали об американском бомбовом прицеле типа «Норден», но добыть его не смогли. Кроме того, в их распоряжении не было и авиабомб, способных пробить, не взорвавшись, могучую палубную броню американских линкоров. Решением первой проблемы была усиленная тренировки пилотов в пользовании не очень надежным бомбовым прицелом типа 97, скопированным с германской модели.

Для решения второй проблемы Генда, Футида и их помощники также нашли простое решение: к бронебойным снарядам главного калибра линкоров приделывались стабилизаторы, и они превращались в мощные авиабомбы, взрывающиеся только после пробития брони.

* * *

До начала войны в Европе японский генеральный штаб не мыслил категориями глобальной войны, ограничивая планы ближайшими азиатскими странами. Но когда среди воюющих стран появилась Англия, японцы начали готовиться к боевым действиям против нее и Америки.

Из генштаба в Юго-Восточную Азию для оценки стратегической обстановки был командирован способнейший оперативник, майор Кумао Имото. Майор побывал в Гонконге, Ханое, Сайгоне и Сингапуре. Возвратившись в Токио, он составил предварительные планы захвата Гонконга и Сингапура.

На следующий год еще несколько генштабистов были посланы дальше на юг, чтобы определить возможность вторжения на Яву, Суматру и Филиппины. Однако, составленные планы были слишком контурными, недетализированными, поскольку никакая разведывательная деятельность в этих районах не велась. Правда, там можно было рассчитывать на помощь со стороны японской диаспоры и туземного населения. Многие филиппинцы еще с тоской вспоминали Эмилио Агвинальдо, предпринявшего в начале века героическую, хотя и безуспешную попытку свергнуть на островах власть американцев. На Британских и Голландских территориях подавляющее большинство туземного населения с восторгом воспринимало любой слух о прекращении господства белых.

В декабре 1940 года, в то самое время, когда адмирал Ямамото начал серьезно обдумывать возможность нападения на Перл-Харбор, трем японским дивизиям в Китае было приказано начать готовиться к операциям в тропиках. Было создано специальное подразделение, названное «Исследовательским департаментом Формозской армии», которое начало собирать все данные об условиях ведения военных действий в тропиках. Подразделе-

ние состояло из небольшой группы офицеров под командованием полковника Есихидо Тсудзи, отличавшегося неуравновешенным характером и эксцентричным поведением. Однажды, из моральных побуждений, он поджог дом гейши, наполненный его коллегами-офицерами. Его независимые, «нонконформистские» взгляды в сочетании с выбритой, как бильярдный шар, головой, маленькими пронзительными глазами и круглым лицом создали Тсудзи образ, которому поклонялись молодые офицеры, считая полковника «Богом Операции» и «Надеждой Востока».

Начальники полковника Тсудзи не полностью разделяли мнение о нем молодых офицеров. Генерал Хитоши Имамура, один из наиболее влиятельных фигур в армии, считал, что полковник Тсудзи, несомненно, гений, но в равной степени и сумасшедший. Многие из знавших Тсудзи старших офицеров, например, полковник Такео Имаи, отзывались о нем как о талантливом фанатике-идеалисте, считающем свое мнение истиной в последней инстанции. Тсудзи мечтал превратить Маньчжурию в «Буддистский рай», где в мире и гармонии жили бы все народы. Полковник мечтал даже о большем: превратить всю Азию в одно большое братство под лозунгом «Азия для азиатов».

Ешио Кодама, которого Тсудзи некогда соблазнял планом взрыва машины принца Коноэ, впервые встретился с ним в штабе японской армии в Нанкине. Узнав, кого ищет Кодама, полковник Имаи сказал: «Этот псих живет в грязной конуре за конюшней». Кодама спросил полковника Тсудзи,

почему тот живет один в такой грязи и убогости?

— Штабные офицеры все прогнили насквозь, — с отвращением ответил Тсудзи. — Они только думают о том, чтобы отхватить очередную медаль, а не о деле. Каждую ночь они пьют и забавляются с гейшами. Со времен Китайского инцидента армия стала много хуже, чем была. Они все невидят меня, поскольку я все о них знаю и говорю об этом вслух.

Полковник Тсудзи не только говорил, но и действовал. Одного из своих коллег-офицеров он выдал тайной полиции за «коррупцию», и тот позднее покончил с собой.

В итоге, 1 января 1941 года эта яркая личность была сослана на Формозу. По слухам, это было сделано по приказу самого генерала Тодзио, которого всегда раздражали прожектеры, фантазеры и склочники.

Однако, полковник Тсудзи не впал от этого в уныние, а полностью посвятил себя решению новой возложенной на него задачи — подготовки к вторжению на Малайский полуостров. В течение двух месяцев Тсудзи выяснил из различных источников, что остров Джахор, на котором расположен Сингапур, связан с Малайским полуостровом узкой дамбой длиной около километра. Крепость была неприступна с моря, но фактически беззащитна со стороны берега.

Одним из ближайших помощников полковника Тсудзи был капитан Сигехару Асаеда, двадцатидевятилетний мускулистый здоровяк. В юности он мечтал стать инженером, но из-за бедности своего отца был вынужден поступить в военное училище,

где обучение было бесплатным. Закончив училище, Асаеда воевал в Китае, причем, так доблестно, что его заметил полковник Тсудзи. Они оказались очень похожими: оба пылали одним и тем же идеализмом и были склонны к авантюрам. Когда Асаеда был переведен для продолжения службы в Военное министерство на работу «за письменным столом», он затосковал так сильно, что решил бросить не только армию, но также жену и детей. Переодевшись в штатское, он сменил имя и написал письмо, сообщая своей жене и родителям, что «собирается покончить жизнь самоубийством, утопившись во Внутреннем море». Затем он скрылся в Токио и попытался добраться до партизан, ведущих борьбу против голландского колониализма.

На своем пути в Индонезию Асаеда попросил полковника Тсудзи о содействии. Хотя полковник клятвенно пообещал сохранить в секрете место пребывания своего друга, всего через несколько часов Асаеда уже был на обратном пути в Токио, но на этот раз под конвоем. Он ждал военного суда, но армия не захотела раздувать скандал, просто уволив бывшего капитана со службы. Его боевые заслуги в Китае, видимо, спасли дезертира от более сурового наказания. Оказавшись на свободе, Асаеда снова сбежал от своей семьи и вернулся на Формозу, чтобы свести счеты с полковником Тсудзи, который предал его. Но сила личности полковника Тсудзи и его магнетизм были такими, что Асаеда не только не смог свести со своим бывшим командиром каких-либо счетов, но и сам был им завербован в секретные агенты, при этом — добровольно.

Ему было поручено собрать из первых рук всю информацию о Бирме, Малайе и Таиланде. С упорством фанатика Асаеда принялся изучать языки и географию стран, где ему предстояло поработать.

Примерно в то же время, когда Есикава начал свою разведывательную деятельность на Гавайях, Асаеда под видом специалиста по сельскому хозяйству направился в Таиланд. Применяя взятки и хитрость, Асаеда объехал Таиланд, сделав много интересных фотографий и опросив сотни местных жителей от простых крестьян до высокопоставленных чиновников. Асаеда пришел к выводу, что Таиланд, являясь лучшим трамплином для операции против Бирмы, может быть захвачен без всякого кровопролития.

Бирманская граница строго охранялась англичанами, но через несколько месяцев Асаеда все-таки ухитрился проникнуть через нее и собрать все те данные, которых ожидал полковник Тсудзи. Его наблюдения за особенностями топографии и климата в этом регионе внесли существенные изменения в общепринятые концепции ведения войны в тропиках.

В июне были проведены секретные маневры на Хайнане — крупном острове у южного побережья Китая в Тэнкинском заливе. За маневрами надзирали полковники Хаяши и Тсудзи. Была испытана новая концепция тропической войны, основанная на информации Асаеда и исследованиях, проведенных на Формозе.

До этого считалось самоубийством посылать транспорты, набитые солдатами и лошадьми, через

удушающую тропическую жару. Полковник Тсудзи считал, что эту проблему можно решить путем усиления тренировок и воинской дисциплины. Он набивал тысячами солдат с полной выкладкой знойно-душные трюмы транспортных судов, выдавая один татами (циновка примерно два на полтора метра) на трех человек, и держал их там в течение недели при температуре пятьдесят градусов по Цельсию с минимальным запасом воды. Пропаренные таким образом солдаты вместе с лошадьми и тяжелой боевой техникой были успешно высажены на неподготовленное побережье при самой неблагоприятной обстановке, созданной искусственно. Таким образом на берег были высажены: пехотный батальон, артиллерийская батарея и саперная рота.

Теперь все, что было нужно — это добыть точную информацию о топографии побережья и периодичности приливно-отливных явлений в тех местах, где предполагалось осуществить вторжение. И полковник Тсудзи направил свою «шпионскую сеть», состоявшую из одного вездесущего человека, бывшего капитана Асаеда, в самую Малайю.

* * *

Хотя японский флот всегда сопротивлялся идее наступления в южном направлении, не без оснований опасаясь, что экспансия в этом направлении неизбежно приведет его к необходимости сражаться с флотами Великобритании и Америки, тем не менее, к середине июня адмирал Нагано смирился с официальной точкой зрения, предполагающей оккупацию южного Индокитая независимо от того,

придется для этого применить силу или нет. Как выяснилось, силу против французского правительства в Виши применять не пришлось, но эта акция привела к замораживанию японских активов в Соединенных Штатах, что сделало войну с западными странами фактически неизбежной. Сначала начальник генерального штаба генерал Сигаияма не одобрил планов одновременного захвата нескольких стран Юго-Восточной Азии, но к 23 августа он уступил давлению и согласился.

Похожее сопротивление «Операции Z» оказывало и высшее командование флотом. Особенно возражал против этого начальник оперативного отдела Главного морского штаба капитан 1 ранга Садатоси Томиока, считая план Куросимы слишком рискованным. Слишком много сил вкладывается в «Операцию Z», а что если она не удастся? Вдруг окажется, что в Перл-Харборе не будет американского флота, который куда-нибудь перебазировается. Тогда все усилия пойдут прахом. Poleмика велась очень эмоционально, Томиока и Куросима сильно горячились, а однажды дело чуть не дошло до драки. К счастью, разгоряченных штабных офицеров удалось в последний момент разнять. Но даже Куросима стал сомневаться в правильности своих предположений.

Ни в чем не сомневался только сам Ямамото, а любая оппозиция из Токио делал адмирала еще более твердым. Однажды, играя в шахматы со своим любимцем Ватанабе, главком заметил: «Я подумываю об отставке». Ватанабе не поверил. Но это были не пустые слова. Адмирал рассматривал угро-

зу ухода в отставку как последний аргумент в пользу его плана.

Учения и тренировки в подготовке налета на Перл-Харбор, набирая темп, продолжались на острове Кюсю, самом южном из всех главных японских островов, известным своими действующими вулканами, воинственным населением и порнографией. Разумеется, никто, кроме тех, кто непосредственно занимался планированием операции, даже командиры авианосцев, не знали цели проходящих учений. Летчики-истребители на авиабазе Саеки знали только, что их готовят к какой-то крупной операции, в которой будут использованы истребители с четырех авианосцев. Пикирующие бомбардировщики располагались примерно в ста пятидесяти милях южнее, на авиабазе Томинака. Они тренировались в ночных атаках и в точности сброса бомб по буксируемым плотам.

Другие самолеты базировались еще южнее, на входе в бухту Кагосима. Их самолеты были двойного применения: в качестве горизонтальных бомбардировщиков и торпедоносцев. Торпедоносцы проносились низко над жилыми домами, пугая местное население. Каждый самолет-торпедоносец имел экипаж из трех человек: пилота, наблюдателя-бомбардира и стрелка-радиста. Торпедоносцы должны были пройти над горами, окружающими город Кагосима, на высоте примерно две тысячи метров, затем резко снизиться, проскочить над заводскими трубами и появиться в районе портовых причалов уже на высоте около восьми метров над поверхностью воды. В этот момент бомбардир-

наблюдатель имитировал сброс торпеды по брека-теру, играющему роль «линкорного ряда». Затем самолет совершал резкий разворот вправо, чтобы не врезаться в гору Сакурадзима (действующий вулкан на маленьком острове посреди бухты) и продолжал нестись над самой поверхностью воды, распугивая рыбацкие лодки, которым не посчастливилось оказаться поблизости. Все было прекрасно, но от населения Кагосимы поступали многочисленные жалобы с просьбой к командованию унять своих пилотов, которые, пролетая над самой самой крышей ресторана Хирано, доводят гейш до истерики.

Капитан 2 ранга Генда выбрал город и бухту Кагосима, поскольку рельеф местности там позволял разрешить многие проблемы, с которыми пилоты должны были столкнуться в Перл-Харборе. Так же, как в Кагосиме, летчики должны были пролететь в Перл-Харборе над многочисленными заводскими трубами и домами и, появившись на гаванью на предельно малой высоте, сбросить торпеды в «Линкорный ряд». Причина, из-за которой Генда заставлял пилотов летать на такой самоубийственно малой высоте, заключалась в том, что воды Перл-Харбора были очень мелкими, и торпеды, сброшенные с большей высоты, неизбежно бы врезались в ил дна гавани. Но даже сброс торпед с высоты восемь метров не до конца решил эту проблему, и Генда с помощью специалистов военно-морской базы в Йокосуке разработал специальные деревянные стабилизаторы, позволявшие эффективно применять торпеды на мелководье.

В нескольких сотнях миль к северо-востоку, у красивейшего холмистого побережья острова Сикоку, группа моряков готовилась к другой фазе «Операции Z», вызывая всевозможные догадки и порождая различные слухи у населения небольшого городка Мицукуе. Каждое утро десятка полтора юных младших лейтенантов флота отплывали на рыбачьих лодках из бухты Микукуе, буксируя за собой какие-то закрытые брезентом сигарообразные объекты длиной примерно тридцать метров. К вечеру они возвращались в гавань, и юные офицеры собирались в гостинице Ивამийя на обед.

Закрытые брезентами объекты являлись двумя сверхмалыми подводными лодками, на которых их экипажи учились проникать через узкий проход бухты Мицукуе, имитируя торпедную атаку против американских кораблей. Но даже их инструкторы не знали, что они готовят подводников к атаке на Перл-Харбор.

* * *

2 сентября все командующие флотами со своими начальниками штабов, представители Высшего командования Объединенным флотом, Главного Морского штаба и Морского министерства (всего около сорока человек) собрались в здании Военно-морской академии в пригороде Токио Мегуро, чтобы провести последнюю штабную игру, посвященную внезапному открытию военных действий. В качестве наблюдателей присутствовали также два представителя армии.

Нужно было решить две основные проблемы:

все ли предусмотрено для достижения фактора внезапности при налете на Перл-Харбор и как согласовать график действий для одновременного с ударом по Перл-Харбору вторжения в Малайю, Бирму, Голландскую Восточную Индию, на Филиппины, Соломоновы острова центральной части Тихого океана.

Посредники были выбраны из офицеров Главного Морского штаба и Морского министерства. Остальные были разделены на три команды: сам адмирал Ямамото возглавлял команду «Н» (Ниппон); вице-адмирал Нобутаке Кондо, командующий 2-м флотом, руководил командой «В» (Великобритания), а вице-адмирал Ибо Такахаси — командой «А» (Америка).

5 сентября, за день до того, как Император процитировал на совещании отрывок из поэмы своего деда, военные игры начались. Ямамото вел свое ударное соединение к Гавайским островам по огромному столу-планшету, но прежде, чем они достигли точки запуска самолетов, «американская» воздушная разведка из Перл-Харбора обнаружила их. В результате треть самолетов ударного соединения были сбиты, а два авианосца — потоплены. Для адмирала Нагано подобная цена за проблематическую победу казалась чрезмерной. Снова началась жаркая дискуссия, в ходе которой Ямамото пригрозил, что если его план не будет принят, он уйдет в отставку вместе со всем своим штабом. И план был принят.

Через неделю штабные игры закончились, и была установлена дата атаки (день X) — 16 ноября.

Сорокастраничный подробный план нападения на Перл-Харбор и заморские владения Англии и Голландии был отпечатан на мимеографе в ста экземплярах и вручен унтер-офицеру 2 класса Митсухару Нода, штабному писарю линкора «Нагато» с приказом хранить их на флагманском корабле, стоявшем на якоре в Куре. Каждый экземпляр хранился в большом черном конверте. Любопытный Нода заглянул в один из них и прочел заголовок: «Япония объявляет войну Соединенным Штатам, Великобритании и Нидерландам». Заинтригованный писарь прочел весь план нападения с приложенными картами и кодами.

Нода и помогавший ему матрос разложили конверты по четырем мешкам и отправились в вагоне 3 класса из Токио в Куре. Ночью они использовали эти мешки в качестве подушек.

В плане атаки предусматривалось использование четырех авианосцев, что вызвало решительный протест у всех посвященных офицеров Объединенного флота и Ударного соединения. Необходимо было по меньшей мере шесть авианосцев! Адмирал Кусака понимал, что путем формальной штабной переписки ничего не добьется, и сам вылетел в Токио, чтобы доказать свою правоту соответствующих инстанциях Главного Морского штаба. Потратив целый день в спорах со штабными бюрократами и не добившись ничего (чиновники Главного Морского штаба никак не могли понять зачем Кусака нужны сразу шесть авианосцев), Кусака отправил телеграмму, прося поддержки от командования Объединенным флотом.

Однако, все усилия адмирала Кусака оказались тщетными. Более того, перед ним стояла еще более болезненная задача: решить, какие два авианосца не брать с собой в рейд на Гавайские острова. Адмирал выбрал два самых маленьких авианосца — «Сорю» и «Хирю», сведенных во 2-ю дивизию. Командир этой дивизии контр-адмирал Тамон Ямагучи, старый друг адмирала Кусака, обладал горячим темпераментом и безумной храбростью. Кусака попросил капитана 2 ранга Генда передать печальную новость о том, что его авианосцы не будут участвовать в атаке на Перл-Харбор, лично адмиралу Ямагучи. Но по лицу капитана 2 ранга было видно, насколько ему не хочется выполнять это поручение, и Кусака вызвал Ямагучи на флагманский авианосец «Акаги».

Интеллигентный Ямагучи, некогда закончивший Принстонский университет, выслушал его решение, спокойно поклонился и решил найти утешение в «саке». Выпив двенадцать чашек, он, прежде чем Кусака смог его остановить, внезапно ворвался в личный салон командующего соединением адмирала Нагумо. Для японского флота подобное поведение адмиралов было далеко не уникальным. Нагумо пытался успокоить своего подчиненного, уверяя его, что хотя «Сорю» и «Хирю» не будут участвовать в рейде, их прекрасно обученные экипажи будут переведены на авианосцы «Секаку» и «Дзуйкаку», получив честь и счастье участвовать во внезапном нападении на Перл-Харбор. Но все это означало, что сам Ямагучи останется на базе, и он взорвался: «Я требую и настаиваю, чтобы

«Сорю» и «Хирю» участвовали в операции!» Внезапно Ямагучи бросился на Нагумо, зажав голову командующего приемом джиу-джисту. В этот момент в адмиральском помещении появился адмирал Кусака. «Что ты делаешь?» — закричал он, пытаясь оттащить Ямагучи от командующего.

Лицо Нагумо, хотя и раскраснелось, но оставалось спокойным.

— Не волнуйтесь, — сказал командующий своему начальнику штаба. — Я владею приемами дзю-до и освобожусь сам от этого пьяницы.

Борьба продолжалась. Ямагучи все сильнее сжимал голову командующего. Тогда Кусака зажал голову Ямагучи таким же приемом, оторвал его от адмирала Нагумо, впихнул в соседнее помещение и сказал, — Лучше выпей еще.

Адмирал Ямагучи постепенно остыл и успокоился. Дружелюбная улыбка появилась на его круглом лице, и он стал кружиться по каюте, напевая популярную песенку «Токио Ондо».

«Матч по борьбе» с командующим соединением не имел для Ямагучи никаких последствий, но и не принес никаких результатов. Но через два дня сам адмирал Ямамото позвонил в Токио и добился увеличения числа авианосцев до шести.

Через несколько недель адмирал Кусака вызвал на «Акаги» командиров всех авианосцев вместе с командирами их авиагрупп, объявив им о подготовке операции против Перл-Харбора. Он приказал продолжать тренировки, но не по движущимся, а по стоящим целям. На авиабазе Томинака в качестве такой цели была выбрана покрашенная в бе-

лый цвет скала диаметром пять метров. Лейтенант Хейдзиро Абе, командир эскадрильи горизонтальных бомбардировщиков, нарисовал на берегу бухты очертания линкора и приказал своим пилотам сбрасывать на эту цель учебные бомбы. Только он один знал, что это был план американского линкора «Калифорния».

Благодаря усиленным тренировкам, точность сброса авиабомб достигла результатов, превышающих 80% попаданий. Но и это имело свою цену: в городе Кагосима из-за постоянного рева авиационных моторов курицы перестали нестись.

* * *

Вечером 24 сентября посыльный телеграфной компании «Маккей» доставил в японское Генеральное консульство в Гонолулу зашифрованную телеграмму. (Генконсульство обладало официальным правом шифропереписки с Токио.) Это было сообщение от капитана 1 ранга Огава, приказавшего во всех последующих рапортах разделить гавань Перл-Харбора на подрайоны: «...Район «А»: воды между островом Форд и Арсеналом. Район «В»: воды южнее и западнее острова Форд. Район «С»: бухта Ист-Лох. Район «D»: бухта Мидл-Лох. Район «Е»: бухта Вест-Лох и ведущие к ней проходы...»

Есикава тщательно проверил все указанные в телеграмме подрайоны и через четыре дня сообщил список кораблей, находившихся в каждом из них. Список включал в себя линкоры, тяжелые и легкие крейсера, эсминцы и подводные лодки. Но авианосцев в списке не было.

* * *

Еще один японский военно-морской разведчик работал в Мехико-Сити, ежедневно подвергаясь опасности быть раскрытым. Это был капитан 2 ранга Тсунезо Вачи, всего год назад занимавший пост помощника военно-морского атташе при японском посольстве в Мехико. Вачи был руководителем группы «L», крупнейшей японской разведывательной сети за океаном, в чью задачу входил перехват радиопереговоров американских боевых кораблей в Атлантике. Быстро «расколов» достаточно простой американский код, Вачи докладывал в Токио точные данные о всех передвижениях американских боевых кораблей в Атлантическом океане.

Побочно разведчик занимался покупкой ртути, успев приобрести с помощью одного мексиканского генерала около двух тысяч бутылей ртути по пятьдесят кг каждая. Поскольку ртуть была в списке товаров, подлежащих эмбарго, вывозить ее приходилось тайно: бутылки прятались в больших бочках, засыпанных сверху бронзовым ломом. Однако, в конце сентября одна из спрятанных в бочке бутылей с ртутью разбилась в момент погрузки на японское судно. Ртуть разлилась, и шпионской карьере капитана 2 ранга наверняка на этом пришел бы конец, если бы на случай таких неожиданностей Вачи не хранил большую сумму наличных в 1000-долларовых банкнотах. Один из его знакомых, влиятельный мексиканский банкир, пообещал замять эту историю и вручил Вачи список лиц, которых

нужно «подмазать». Сумма в сто тысяч долларов стояла напротив фамилии президента Мексики.

Вачи платил охотно, понимая, что он постоянно балансирует на грани провала. Один из его платных агентов, майор американской армии, получая от Вачи две тысячи долларов в месяц, аккуратно снабжал японского разведчика информацией о передвижениях американских боевых кораблей через Панамский канал. Информация всегда была точной, это Вачи знал из собственных радиоперехватов. Кодовое имя майора было Саттон, и Вачи планировал в случае войны направить майора в Вашингтон, где у того было много высокопоставленных друзей, а также доступ в элитный клуб Армии и Флота.

* * *

22 октября, через пять дней после того, как Император поручил генералу Тодзио сформировать новый кабинет, полковник Тсудзи лично направился на выполнение разведывательного задания. Капитан Асаеда снабдил полковника информацией о побережье и приливно-отливных явлениях в Малайе, но Тсудзи захотел на все поглядеть собственными глазами. Он уговорил капитана Икеда, командира разведывательной эскадрильи, полетать с ним над Малайским полуостровом.

На рассвете они вылетели из Сайгона, где была развернута новая штабквартира сил вторжения, на двухмоторном невооруженном самолете без опознавательных знаков, с пятичасовым запасом горючего. Они пересекли Сиамский залив и через

два часа перед ними открылось восточное побережье Малайи. Полковник Тсудзи был одет в авиационную форму на случай, если их вынудят совершить посадку на британской территории.

Слева, под ними, был виден Кота Бару, самый северный из малайских городов, где находились англичане. Справа — Паттани и Сингора — два таиландских приморских городка. Они пролетели прямо над Сингорой и ее маленьким аэродромом. По обеим сторонам главной дороги зеленели каучуковые плантации. «Хватит одного хорошего батальона, — подумал Тсудзи, — чтобы захватить этот аэродром и использовать его в качестве оперативной базы».

Затем они повернули к западному побережью Малайи. Начавшийся дождь ухудшил видимость, и Тсудзи попросил летчика снизиться до двух тысяч метров. Внезапно, через пелену дождя, перед ними открылась крупная авиабаза. Это был английский аэродром «Элор Стар». Капитан Икеда сделал вираж в грозовые облака и направил машину на юг. Они пролетели еще над двумя, не менее впечатляющими английскими аэродромами, а затем, повернув на север, еще над двумя такого же размера. Полковник Тсудзи был в ужасе. Жалкая японская авиабаза в Сингоре оказалась бы просто беспомощной перед воздушными налетами с таких современных аэродромов. «Город Кота Бару и аэродром «Элор Стар» должны быть захвачена любой ценой в пределах нескольких часов после высадки с моря», — решил Тсудзи.

Они вернулись в Сайгон с остатками топлива,

которого хватило бы на десять минут полета.

— Я увидел все, что хотел, — сказал полковник пилоту, — теперь я уверен, что мы победим.

Не снимая авиационной формы, Тсудзи поспешил в штаб армии вторжения и доложил командующему о необходимости пересмотра уже разработанной операции. Командующий был в шоке! Новый план предусматривал одновременную посадку 5-й дивизии в Сингора и Паттани, и части 18-й дивизии — в Кота Бару.

5-я дивизия должны была захватить стратегический мост через реку Перак и оккупировать аэродром «Элор Стар» в то время, как 18-я дивизия, захватив Кота Бару, устремлялась на юг вдоль восточного побережья.

Полковник Тсудзи отлично понимал, что Генеральный штаб никогда не примет подобных изменений первоначального плана, хотя бы из принципа, чтобы не потерять лицо. Поэтому Тсудзи решил, что лучше ему самому вылететь в Токио и попытаться доказать свою правоту в соответствующих штабных инстанциях.

Даже всей энергии и магнетизма полковника Тсудзи не хватило бы для переубеждения штабных чиновников, если бы не помощь его старого приятеля полковника Такуширо Хаттори, недавно назначенного начальником оперативного отдела генштаба. Преодолевая сильное сопротивление своих коллег, Хаттори удалось убедить начальника Генерального штаба генерала Сигайяма одобрить предложения полковника Тсудзи.

* * *

На Гавайи из Токио прибыл дипкурьер, доставивший пачку стодолларовых банкнот и инструкцию: передать эти деньги немцу Отто Кюну, находившемуся на жаловании у японской разведки. Кюн некогда лично знал Гимmlера, который его не взлюбил. В результате Кюну пришлось бежать из Германии, и он объявился на Гавайских островах. Здесь он потерял весь свой капитал в какой-то финансовой аванюре, и с тех пор жил шпионажем и доходами от салона красоты своей жены. Если не считать постоянного хвастовства о его знакомствах среди высокопоставленных американских военных, реального толка от Кюна было очень мало.

Генеральный консул Кита написал на листе бумаги слово «Калама», затем разрезал лист пополам посередине слова и отправил одну половинку Кюну. Вызвав Есикава, консул вручил ему вторую половину листа и попросил его отнести эту половинку «к одному американцу германского происхождения, который будет здесь заниматься шпионажем, когда мы все будем вынуждены покинуть Гавайские острова». Затем консул вынул из сейфа завернутую в газету пачку денег, содержащую 14000 долларов, и сообщение, адресованное Кюну. Он попросил Есикава отправиться к немцу, показать ему свою половинку листа и, если тот покажет свою, отдать ему деньги и получить ответ на переданное сообщение.

Вечером 28 октября Есикава, одетый в зеленые шорты и яркую гавайскую рубашку, вышел из консульства и взял такси. Перевалив через Диамонд

Хид, он проехал в течение нескольких минут вдоль восточного побережья острова. Примерно в миле от дома Кюна Есикава отпустил такси, спустился вниз по тропинке и быстро разыскал дом Кюна, окруженный большим садом. Есикава постучал в дверь кухни, но никто ему не ответил. Тогда он вошел внутрь и стал звать хозяев: «Эй, кто-нибудь здесь есть?» Примерно через десять минут откуда-то появился мужчина лет сорока.

— Отто Кюн? — спросил Есикава.

Неизвестный кивнул. На случай, если бы тот оказался агентом ФБР, Есикава, как бы невзначай, положил половинку пароля на край стола.

Неизвестный побледнел, задрожал, но достал свою половинку листа.

Не говоря ни слова, Есикава сложил обе половинки. Получилось слово «Калама». Через заднюю дверь он последовал за продолжавшим молчать Кюном на открытую веранду. Там он передал Кюну пакет с деньгами, предупредив, что внутри находится послание. Кюн покопался в пакете и вынул инструкцию по испытанию коротковолнового передатчика. Используя позывной «Эссекс» на частоте 11980 гц, Кюн должен был выйти в эфир 3 ноября в 01:00 по Тихоокеанскому стандартному времени и 5 ноября в 05:30.

Есикава попросил ответ на послание, на что Кюн, до сих пор молчавший, ответил дрожащим шепотом: «Через два-три дня я дам ответ генеральному консулу». Затем он написал на клочке бумаги, что не может провести испытания передатчика, запечатал записку в конверт и вручил Есикава.

Уже совсем стемнело, когда Есикава вышел на шоссе, каждую минуту ожидая, что его схватят агенты ФБР. Только поймав такси, он почувствовал облегчение и направился обратно в консульство.

* * *

Еще два японских разведчика находились в этот момент на пути к Гавайским островам на борту лайнера «Тайе-мару». Одним из них был капитан 2 ранга Тосихиде Маедзима, подводник, который находился на лайнере под видом судового врача. Вторым, замаскированным под помощника судового эконома, был Сугуру Судзуки, самый молодой в японском флота капитан 3 ранга, летчик морской авиации. Он был сыном генерала и племянником знаменитого адмирала Кантаро Судзуки, главного камергера Императорского двора. Главной задачей Судзуки было определение точного положения целей, точного типа авиабомб, которое должны быть против этих целей использованы, и мест вынужденных посадок, если в них возникнет необходимость. Но наиболее важным из всего, что было поручено Судзуки, должно было стать подтверждение того факта, что американский флот больше не пользуется якорной стоянкой Лахайна на острове Мауи. Кроме того, юный офицер должен был изучить состояние моря и погоды по пути в Гонолулу, чтобы внести последние коррективы в курс, которым должно было следовать авианосное ударное соединение адмирала Нагумо.

Несмотря на довольно ощутимую качку, американские пассажиры на борту «Тайе-мару»

чувствовали себя вполне комфортно. Однако, многих охватывало чувство какой-то неосознанной тревоги. Среди американских пассажиров находились Карл Сайпл, его жена и двое маленьких детей.

Они оставили Японию из-за растущей с каждым днем международной напряженности. Их тревога непрерывно увеличивалась, поскольку японский лайнер шел через океан, ни разу не объявив пассажирам о своем месте, что обычно должно было делаться два раза в день.

По тому, как с каждым днем становилось все ветреннее и холоднее, а солнце все ниже стояло над горизонтом, супруги пришли к выводу, что лайнер идет гораздо севернее обычных судоходных путей. Это было тем более вероятно, что они не повстречали за все время рейса ни одного другого судна, что было также весьма странно. Может быть, они идут в какой-нибудь другой порт?

Супруги пытались отправить радиограмму своим друзьям в Гонолулу, но им в этом было отказано. «Тайс-мару» соблюдала радиомолчание.

Наконец, на рассвете 1 ноября лайнер подошел к острову Оаху.

Сайпл вышел на верхнюю палубу, чтобы полюбоваться на Диамонд Хид, сверкающую под первыми лучами солнца, и увидел, что за японским лайнером идет небольшой белый катер. Высоко в небе кружились американские истребители, иногда снижаясь до такой высоты, что можно было обменяться с ними приветственными взмахами рук.

Стоя на мостике, капитан 3 ранга Судзуки рассматривал в бинокль вход в гавань Перл-Харбора.

Его ширины едва хватало для прохода одного крупного корабля.

Около шести часов утра белый катер нагнал лайнер, и находившиеся на нем американские морские пехотинцы поднялись на борт «Тайе-мару», выставив часовых на мостике и в машинном отделении судна. Судзуки полагал, что это сделано для того, чтобы предотвратить затопление лайнера на входе в Перл-Харбор.

Судзуки обратился к группе портовых чиновников, в число которых входило несколько морских офицеров, прибывших на лайнер на борту лоцманского катера, и с бесцеремонной нахальностью осведомился, какова глубина воды в этом месте и не выставлены ли здесь мины? Ему с готовностью ответили. За стаканчиком виски в судовом баре Судзуки узнал, что вход в Перл-Харбор закрыт стальной сетью, которая открывается автоматически. А вон та решетка на мачте ближайшего боевого корабля называется «радаром».

Но на этом разведывательная деятельность Судзуки закончилась.

Прибывший на лайнер сотрудник консульства передал обоим разведчикам настоятельный совет генерального консула Кита: было бы разумнее, если бы оба остались на борту, а на берег не сходили. Судзуки составил список из девяносто семи вопросов. Его заверили, что он получит ответ, прежде чем судно уйдет из Гонолулу.

Вопросник был передан Есикава.

«В какой день недели в гавани собирается наибольшее количество кораблей?» На это легко было

ответить — в воскресенье. «Ведут ли патрулирование большие летающие лодки?» Ответ также был легким — большие летающие лодки «Каталины» каждое утро вылетали из Перл-Харбора и возвращались вечером. «Когда корабли покидают базу, то чем они занимаются?» Этого Есикава не знал, но предположил, что они проводят учения где-нибудь на удалении не более пятисот миль. «Имеется ли противолодочная сеть на входе в Перл-Харбор? Если да, то опишите ее». Есикава ничего точно не знал, но слышал, что сеть есть, и решил в этом убедиться лично.

Взяв длинное бамбуковое удилице, он прошел через аэродром Хикэм прямо ко входу в Перл-Харбор, надеясь выдать себя за филиппинца, если будет пойман. Спускаясь к воде, Есикава столкнулся с несколькими американскими матросами, развешивающими мокрое белье после стирки. Он юркнул в кусты, где просидел до захода солнца. У него даже мелькнула мысль покончить с собой в случае ареста, но он решил, что лучше сдаться, и пусть «все оно катится к черту».

С наступлением темноты Есикава спустился ко входу в гавань. Он услышал чьи-то голоса и замер, пока они не смолкли. Затем он вошел в воду и проплыл примерно пятьдесят метров по входному каналу. Есикава пытался нащупать сеть ногами. Ничего. Он нырнул, но от возбуждения набрал мало воздуха и погрузился всего метра на четыре.

Есикава нырял еще пять раз, но ничего не обнаружил. Устав от погружений и почувствовав холод, он поплыл обратно к берегу. Поэтому ничего

конкретного на этот вопрос он ответить не смог.

На борту «Тайе-мару» Судзуки часами наблюдал за входом в Перл-Харбор, делая фотоснимки. В течение следующих нескольких дней работники японского консульства, проходя мимо часовых морской пехоты, проносили на борт лайнера газеты. Внутри газет находилась та информация, которую ждал Судзуки.

К 5 ноября, когда лайнер должен был уйти с Гавайских островов, Судзуки уже собрал достаточно информации. Он знал даже толщину брони на американских линкорах и толщину бетона на крышах ангаров аэродрома Хикэм. Он получил также большое количество фотографий гавани Перл-Харбора, сделанных с окрестных холмов и с воздуха.

Перед самым отходом лайнера на борт прибыл последний курьер с мешком дипломатической почты, содержащей уточненные данные и подробные карты гавани, добытые лейтенантом Есикава.

* * *

На борт флагманского авианосца «Акаги», стоявшего у побережья острова Кюсю, доставили большой ящик и отнесли его в канцелярию адмирала Кусака. Внутри был большой рельефный макет острова Оаху. Следующие несколько дней Генда и Футида изучали макет, запоминая все мельчайшие детали территории острова.

Объединенный флот вышел со своей постоянной базы Сакурадзима — прекрасного маленького островка в двух часах хода от Хиросимы, — направляясь в пролив Бунго. Там начались большие

учения. Часть кораблей изображали американский флот. Авианосцы Нагумо, маневрируя в двухстах милях от них, выпустили в атаку на «американцев» пикирующие бомбардировщики, а затем — горизонтальные бомбардировщики и торпедоносцы.

Самолеты соблюдали полное радиомолчание, переговариваясь между собой сигнальными ракетами.

Все возражения главного командования флота против «Операции Z» были сняты 3 ноября, когда Ямамото со своими ведущими штабными офицерами вылетел в Токио на совещание с адмиралом Нагано. В конце совещания начальник Главного Морского штаба вздохнул и сказал: «Что касается Перл-Харбора, я в своих опасениях был не всегда прав, потому что я уже стар. Так что вся надежда на вас».

Через два дня адмирал Ямамото отдал совершенно секретный приказ № 1 по Объединенному флоту — объемистый, 151-страничный документ, содержащий основы военно-морской стратегии на первой фазе войны. Приказ касался не только Перл-Харбора, но и более-менее одновременного нападения на Малайю, Филиппины, Гуам, Уэйк, Гонконг и районы Южных морей.

Ямамото собрал на своем флагманском линкоре «Нагато» всех командующих флотами, эскадрами и соединениями, посвятив их в план нападения на Перл-Харбор, предупредив их:

«Вы не должны слишком легкомысленно относиться к противнику. Америка — не обычный враг и не развалится под первым ударом».

6 ноября командование Южным направлением, в состав которого входило четыре общевойсковых армии, принял генерал граф Хисаичи Тераучи. Генерал был сторонником быстрого захвата всех американских, английских и голландских владений в «южном направлении». После координированного нападению на Малайю и Филиппины генерал Томоюки Ямасита со своей 25-й армией должен был быстро оккупировать Малайю и захватить Сингапур. Генерал-лейтенант Масахару Хомма, драматург-любитель и лидер прозападного меньшинства в армии, должен был со своей 14-й армией захватить Филиппины. Генерал Тсукада, представлявший армию на многих шумных совещаниях правительства, был назначен начальником штаба при генерале Тераучи. Многие офицеры генерального штаба были озабочены его отъездом из Токио. Кто теперь будет контролировать слишком горячих молодых офицеров?

Через сутки Ямамото отдал еще один секретный приказ, в котором была установлена дата нападения — 8 декабря 1941 года. Этот выбор определили два фактора: во-первых, в этот день было полнолуние, что благоприятствовало взлету самолетов с авианосцев; а во-вторых, этот день (7 декабря по гавайскому времени) выпадал на воскресенье, а из донесения Есикава было установлено, что Тихоокеанский флот США обычно возвращается в Перл-Харбор по пятницам и снова выходит в море в понедельник.

10 ноября адмирал Нагумо отдал свой первый оперативный приказ, приводя в действие план

адмирала Ямамото. Была достигнута договоренность, что даже если в самый последний момент переговоры с американцами успешно завершатся, нападение на Перл-Харбор будет отменено, и Ударное соединение вернется в точку randеву (42 градуса северной широты и 170 градусов восточной долготы), ожидая там дальнейших распоряжений. Со всех шести авианосцев на берег были отправлены личные вещи экипажей и все ненужное оборудование. На корабли грузились дополнительные запасы продовольствия и бочки с горючим.

16 ноября Ударное соединение (Кидо Бутай) собралось на выходе из Внутреннего моря. Это была мощная боевая армада: шесть авианосцев, два быстроходных линкора с 14-дюймовой артиллерией — «Хией» и «Киришима», два тяжелых крейсера «Тоне» и «Чикума», легкий крейсер, восемь эсминцев, три танкера и три судна снабжения. Два из этих авианосцев «Акаги» («Красный замок») и «Кага» («Буйное веселье») были переоборудованы из линейного крейсера и линкора и имели водоизмещение более тридцати тысяч тонн. Еще два авианосца — «Хирю» («Летающий дракон») и «Сорю» («Зеленый дракон») — были поменьше, по восемнадцать тысяч тонн, но более современного проекта.

Новейшими и самыми крупными были авианосцы «Секаку» («Парящий журавль») и «Дзуйкаку» («Счастливый журавль»), сравнимые по размеру с наиболее современным американским авианосцем «Энтерпрайз».

Шесть авианосцев несли триста шестьдесят самолетов: 81 истребитель, 135 пикирующих

бомбардировщиков, 104 горизонтальных бомбардировщика и 40 торпедоносцев, из которых только 30 были вооружены новыми торпедами с деревянными стабилизаторами. Остальные сто торпед еще не были готовы, и операция должна была начаться без них.

В середине следующего дня на «Акаги» прибыл адмирал Ямамото. Пожелав Нагумо и его штабным офицерам удачи, Ямамото предупредил, что им придется иметь дело «с самым сильным врагом во всей истории Японии». Капитану 2 ранга Футида показалось, что главком выглядит мрачным и озабоченным. Но на прощальном обеде в кают-компании Ямамото, излучая оптимизм, заявил: «Я уверен, что операция будет успешной». И поднял тост за здоровье Императора.

Вскоре после наступления темноты «Акаги» под эскортом двух эсминцев малым ходом выскользнул из бухты Саеки. Авианосец шел без огней, соблюдая полное радиомолчание. Радисты с авианосцев, которых хорошо знала «по почерку» американская служба радиоперехвата, были списаны с кораблей и оставлены в базе. Там, имитируя оживленный радиообмен, они должны были создать впечатление, что все авианосцы продолжают находиться во Внутреннем море.

По юту линкора «Нагато», заложив руки за спину — взад и вперед, как маятник, ходил адмирал Ямамото. Время от времени он останавливался, глядя на расплывающиеся силуэты уходящих авианосцев. Уверенный в успехе «Операции Z», командующий Объединенным флотом, тем не менее, про-

должал бояться войны с Америкой. «Я попал в очень странное положение, — писал адмирал одному из своих сокурсников по училищу, — Я принял решение, которое диаметрально противоположно моему личному мнению. Но никакого выбора, кроме быстрого осуществления этого решения у меня не было. Возможно, это судьба, подталкивающая нас к бездне...»

Один за другим в разное время другие корабли Ударного соединения снимались с якоря и, следуя различными курсами, шли в точку рандеву, что находилась в тысяче миль от Токио, на острове Иторофу в группе Курильских островов. На острове имелась большая глубоководная бухта, очень штормовая летом, но странно спокойная зимой.

Остров был идеальным местом для тайного сбора соединения. Единственный поселок на берегу состоял из трех рыбацких домиков, почты и телеграфа, откуда вела дорога к небольшому бетонному причалу. У входа в бухту сторожевую службу несла канонерская лодка «Кунаджири», на которую поступали почта и телеграммы, адресованные соединению. Патрульные катера отгоняли рыбаков от бухты Хитокаппу.

Авианосец «Кага» был единственным, еще остававшимся во Внутреннем море, — он несколько задержался из-за необходимости погрузки новых модифицированных торпед. Когда корабль вышел в море, направляясь к месту сбора, командир, построив экипаж на верхней палубе, объявил, что авианосец идет на Курильские острова, а оттуда — к Перл-Харбору.

* * *

В самом Перл-Харборе японский разведчик Есикава наблюдал, как в гавань входит огромный американский линкор и восемь эсминцев его эскорта. В бухте на якоре стояли пять тяжелых крейсеров и авианосец типа «Энгерпрайз».

* * *

А лайнер «Тайе-мару» уже стоял у причала Йокогамы. Вся важнейшая информация, собранная капитаном 3 ранга Судзуки, еще находилась опечатанной в мешке с дипломатической почтой. Ему надо было получить ее от представителя министерства иностранных дел. Но времени для этого уже не было. Спешно сев на поезд, Судзуки отправился в Токио, где адмирал Нагано приказал ему немедленно следовать в бухту Хитокаппу и сообщить командованию ударным соединением последнюю информацию с Гавайских остров. Но где-то по пути в министерство иностранных дел мешок с дипломатической почтой пропал. Чиновники министерства ничего не знали об этом и найти мешок не могли, и Судзуки был вынужден, отправившись на север на борту линейного корабля «Хией», взять с собой один листок бумаги со своими выводами и карту Перл-Харбора, нарисованную по памяти.

Несмотря на спешку, Судзуки понадобилось четыре дня, чтобы добраться до Ударного соединения. Он узнал, что пропавший мешок с дипломатической почтой был найден в Токио, но таинственным образом снова исчез. Связной гидроплан с этим мешком на борту, вылетевший два дня назад,

так и не прибыл, и Судзуки пришлось устно ознакомить адмирала Кусака и других штабных офицеров с основными тезисами своих выводов. Он подробно описал аэродромы Хикэм и Уилер, указав, что на них базируются триста пятьдесят самолетов армейской авиации. Он подтвердил, что никто из работников Генерального консульства в Гонолулу не видел ни одного американского корабля в бухте Лахайна.

Связной гидроплан со злополучным мешком прибыл в бухту через несколько часов после того, как корабли Ударного соединения оттуда ушли. Судзуки, съехавший на берег, приказал летчику догнать авианосцы и сбросить мешок на «Акаги». Но самолет попал в снежный заряд и был вынужден вернуться.

* * *

На флагманский авианосец «Акаги» были вызваны командиры всех кораблей соединения и их старшие офицеры. Уточнялись последние данные о курсе и процедуры связи в условиях радиомолчания. Один из командиров хотел знать, как поступить, если им повстречается советское торговое судно, идущее из Владивостока. «Потопить! — был ответ. — Топить всех, независимо от флага».

Вечером 25 ноября более пятисот летчиков и штурманов со всех авианосцев были вызваны на «Акаги». Нагумо кратко изложил им план предстоящего нападения. Для большинства присутствующих название «Перл-Харбор» прозвучало впервые. Пока адмирал говорил, в помещении стояла мерт-

вая тишина, но когда он закончил словами: «Хорошего вам боя и удачи!», пилоты взревели от восторга. Когда шум утих, Генда и Футида подробнейшим образом рассказали о плане атаки на Перл-Харбор на выставленном макете. Каждому пилоту были выданы фотографии американских кораблей в Перл-Харборе и островков вблизи острова Оаху, где можно будет в случае необходимости совершить вынужденную посадку. Позднее с мест вынужденных посадок из заберут подводные лодки.

Было уже совсем темно, море разбушевалось, и многие летчики не смогли вернуться обратно на свои корабли. Ночью, накануне отплытия, на «Акаги» состоялся банкет для пилотов с выставленными на столах десятками бутылок саке. Но настроение командующего соединением было не особенно праздничным. Адмирал Нагумо очень беспокоился за исход операции, всю прошлую неделю он повторял своему начальнику штаба одну и ту же фразу: «Я не уверен, что все кончится хорошо». Адмирал Кусака постоянно отвечал ему также одной и той же фразой: «Дайджобу» (Не беспокойтесь).

Но Нагумо не мог успокоиться. Далеко за полночь он встал с постели и приказал рассыльному вызвать к нему капитана 3 ранга Сугуру Судзуки. Когда Судзуки прибыл, Нагумо с крайне встревоженным видом сидел в кресле, кутаясь в кимоно. Извинившись, что разбудил его, командующий спросил Судзуки:

— Вы абсолютно уверены, что флот в Перл-Харборе, а не на якорной стоянке Лахайна?

— Да, адмирал, уверен, — ответил Судзуки.

— А существует ли возможность, что американские корабли неожиданно перейдут на эту якорную стоянку?

— Никакой! — отрезал Судзуки.

Казалось, Нагумо успокоился. Поблагодарив Судзуки, адмирал отпустил его. Тот ушел очень довольный, что ему удалось рассеять страхи командующего.

К утру 26 ноября облака рассеялись, море успокоилось. Это казалось хорошим предзнаменованием.

Но как только флот начал движение, на один из огромных гребных винтов авианосца «Акаги» намотался трос противолодочного заграждения, а один матрос упал за борт в ледяную воду бухты.

Обнаружить упавшего за борт матроса не удалось, и через полчаса, когда водолазы освободили винт на «Акаги», корабли продолжили движение.

На выходе из бухты со сторожевой канлодки просигналили: «Счастливого плавания!», и неожиданно пошедший хлопьями снег скрыл в своей призрачной пелене огромные корабли, уходившие все дальше и дальше в открытое море на randevу с судьбой.

Неожиданно тишина была разорвана громом тяжелых орудий. Это линкоры и тяжелые крейсера испытали свою артиллерию, открыв огонь по безлюдным сопкам острова...

А в Вашингтоне уже была отпечатана бескомпромиссная нота Хэлла, предназначенная для вручения японским послам Номура и Курусу.

IX

Военный министр США Генри Стимсон позвонил госсекретарю Хэллу и спросил: передал ли тот свою ноту японцам?

— Да, — подтвердил Хэлл, — теперь я умываю руки и передаю все дела в ваши руки и руки Нокса (министр ВМС США).

Стимсон связался с президентом Рузвельтом и снова выразил озабоченность по поводу того, что крупный конвой с японскими войсками движется из Шанхая в южном направлении. Не должен ли он наконец предупредить генерал-лейтенанта Дугласа Макартура, командующего вооруженными силами США на Дальнем Востоке, чтобы тот был готов к любым неожиданностям? Президент посчитал эту идею хорошей, и уже в 09:30 Стимсон вызвал к себе в кабинет министра ВМС Фрэнка Нокса, начальника оперативного отдела бригадного генерала Леонарда Джероу и главнокомандующего военно-морскими силами адмирала Гарольда («Бетти») Старка.

Военные снова настаивали, чтобы кризис удалось отложить на возможно долгое время. Стимсон заметил, что он тоже «был бы рад иметь время», но, к сожалению, уже мало что можно сделать, не унизив достоинства Соединенных Штатов и «не продемонстрировав нашей слабости».

В итоге совещания генералу Макартуру на Филиппины было радировано Военное предупреждение: «Переговоры с Японией, судя по всему, будут прерваны... Будущие японские действия непредсказуемы, но вооруженный конфликт может начаться в любой момент. Если конфликта не

удастся избежать, повторяю «не удастся», то Соединенные Штаты желают, чтобы Япония первой совершила любой враждебный акт...»

Похожие предупреждения были посланы в Перл-Харбор командующему Гавайским военным округом генералу Уолтеру Шорту и командующему Тихоокеанским флотом адмиралу Хасбанду Киммелю, а также командующему Азиатским флотом США на Филиппинах адмиралу Томасу Харту. Все они начинались словами: «Это сообщение следует рассматривать как предупреждение о войне». Но несмотря на все это, переговоры продолжались.

В тот же самый день Номура и Курусу были приняты президентом Рузвельтом, который заявил японским послам, что не теряет надежды на достижение мирного соглашения. Однако, недавняя оккупация Индокитая, перевозка японских войск в южном направлении и враждебно-воинственные призывы, доносящиеся из Японии, — все то вызывает эффект «холодного душа» для правительства и народа Соединенных Штатов.

Около полуночи Курусу позвонил в Токио и в течение семи минут разговаривал с Кумаичи Ямамото, начальником Американского департамента министерства иностранных дел Японии. При разговоре посол использовал условные слова, чтобы прослушивающие линии ничего не смогли понять. Например, переговоры именовались «помолвкой», Рузвельт — «мисс Кимико», кризис в переговорах — «рождением ребенка».

— Что думают в Японии о рождении ребенка?
— поинтересовался Курусу.

— Мы считаем, — без колебаний ответил Ямамото, — что ребенок неизбежно родится.

— В каком направлении... — начал было Курусу, но поняв, что говорит открытым текстом, снова поспешно перешел на код. — Кто ожидается, мальчик или девочка?

Ямамото рассмеялся и сказал:

— О, это будет сильный здоровый мальчик. Но все матримониальные вопросы зависят от помолвки и свадьбы. Не сорвите их.

— Не сорвать их? Вы имеет в виду переговоры? — переспросил Курусу, снова переходя на открытый текст, — Что я говорю? — добавил он с ужасом.

Затем посол облегченно рассмеялся и сказал, — Хорошо. Я сделаю что смогу. Помолчав, Курусу добавил, — Пожалуйста, внимательно прочитайте то, что сегодня сказала мисс Кимико, о чем я сообщил телеграммой. Они хотят продолжить обсуждение помолвки и свадьбы. Между тем, здесь чувствуется сильное возбуждение, связанное с ожиданием рождения ребенка. Главное, чтобы Токугава (Японская армия) не закусил удила. Он собирается это сделать? — Курусу нервно засмеялся, — Вот почему я сомневаюсь в том, что смогу что-либо сделать.

Ямамото ответил, что ничего страшного не произойдет, но добавил:

— Мы не можем продать гору (Мы не можем пойти на уступки).

— Конечно, — подтвердил Курусу. — Я все знаю и все прекрасно понимаю. Эти вопросы уже

больше не обсуждаются.

— Ладно, — сказал Ямамото, — гору продать нельзя, но мы дадим вам ответ телеграммой.

— Имейте в виду, — предупредил Курусу, — мисс Кимико уедет завтра из города, а вернется только в среду.

— Но я смею надеяться, — ответил Ямамото, — что вы сделаете все самым лучшим образом?

— О да. Конечно, я сделаю все самым лучшим образом, — заверил Курусу. — И Номура также сделает все возможное.

Ямамото осведомился: было ли в сегодняшней беседе с мисс Кимико что-либо интересное?

— Нет, — ответил Курусу, — ничего особенно интересного, исключая то, что теперь уже совершенно ясно, что южное направление... ой! — Курусу запнулся, поскольку снова перешел на открытый текст. — Юг, — продолжил он после паузы, — Юг, южный вопрос имеет очень большое значение.

— Понимаю, — вздохнул Ямамото. — Ладно, прощайте.

— До свиданья, — завершил разговор Курусу.

* * *

На следующий день служба «Мэджик» добыла еще более важную информацию из перехваченной радиограммы, посланной из Токио генеральному консулу Кита в Гонолулу:

«...В случае чрезвычайной обстановки (угрозы разрыва дипломатических отношений) и прерывания международных коммуникаций, следующее предупреждение будет передано по-японски на

коротких волнах в тексте ежедневной сводки погоды:

1. В случае опасности разрыва японо-американских отношений:

«ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР, ДОЖДЬ» («Хигаши но казе»).

2. Японо-советских отношений: «СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР, ЯСНО» («Кита но казе кумори»).

3. Японо-британских отношений: «ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР, ЯСНО» («Ниши но казе харе»).

Сигнал будет дан в середине или в конце ежедневной сводки погоды. Каждая фраза будет повторена дважды. По получении этого сигнала, пожалуйста, уничтожьте секретные документы, шифры и шифровальные машины...»

Сообщение о «коде ветров» вызвало сильную суматоху в Вашингтоне. Встревоженные офицеры разведки установили круглосуточный пост радиоперехвата японских прогнозов погоды. Весь приоритет теперь был отдан радиограммам, поступающим из Японии. А между тем, радиограммы, поступающие в Японию из США, в частности, разведывательные донесения Есикава, копились непереуведенными, хотя по ним можно было легко понять, что японцы готовят нападение на Перл-Харбор.

В то же утро — 28 ноября — военный министр Стимсон ворвался в спальню президента Рузвельта, обнаружив того еще в постели. Стимсон доставил новые данные о движении японских войсковых конвоев в южном направлении и предложил атаковать их «летающими крепостями В-17», базирующимися на филиппинские аэродромы. Но

Рузвельт не поддался панике.

Созванный через несколько часов Военный совет пришел к заключению, что пока не следует применять никаких «резких» контрмер. Японию нужно только предупредить, что «мы будем сражаться», если японские войска достигнут «конкретной точки». Было также решено, что Президент направит личное послание Императору Японии, выразив в нем свое стремление к миру и предупредив его о неизбежности войны, если Япония будет упорствовать в своей агрессивной политике.

* * *

Император Японии был восприимчивым человеком. Он собрал во дворце бывших премьер-министров — принц Коноэ был восьмым, — которые, не будучи вовлеченными в принятие предыдущих решений, могли иметь более объективную точку зрения. Маркиз Кидо хотел, чтобы на совещании присутствовал и действующий премьер, но генерал Тодзио отказался, мотивируя это тем, что собрание бывших премьеров — «Джушин» — не является конституционным.

Но компромисс был достигнут: премьер и нынешние министры встретятся с Его Величеством на следующий день и выскажут свое мнение.

На следующее утро, 29 ноября, в 09:39 в императорском дворце собрались: премьер-министр Тодзио, четыре министра его кабинета и Председатель Тайного Совета Хара. Это скорее было не совещание, а неформальная дискуссия в Высочайшем присутствии. Председателя собрания не было, ни-

каких решений принимать не предполагалось. Барон Рейдзиро Вакацуки, давний оппонент милитаристов, хотел бы узнать, когда и по какой причине установлен последний срок для ведения переговоров.

— Означает ли это, что уже не существует никакой возможности продолжить переговоры?

Министр иностранных дел Того заметил, что «переговоры себя исчерпали», а премьер Годзио сказал, что «надежды на дипломатию тают».

— Значит, — продолжал допытываться Вакацуки, — мы прекращаем переговоры и начинаем войну?

— До сегодняшнего дня мы делали все, что могли, чтобы достичь дипломатического решения, — сказал Годзио. — Мы действовали осторожно и осмотрительно. Теперь единственным достойным выходом из создавшегося положения являются военные действия. Мне кажется, что это благородно и справедливо.

Однако, эти слова не удовлетворили барона Вакацуки. Подобно маркизу Кидо, он считал, что лобные невзгоды и унижения для Японии будут лучше, чем война.

— Если мы еще потянем с началом войны, — заметил генерал Судзуки, — у нас не будет ни единого шанса ее выиграть.

Эта реплика породила столько вопросов от Вакацуки, что Годзио нетерпеливо перебил барона:

— Пожалуйста, поверьте в то, что мы говорим. Мы способны оккупировать всю Юго-Восточную Азию и взять там вполне достаточно нефти. В течение трех лет мы можем постепенно увеличить

сферу нашего влияния и соответственно объем промышленного производства.

В дискуссию вступил адмирал Кейсуке Окада:

— Я что-то ничего не понял из того, о чем вы здесь говорите. Каково будет наше отношение к Европейской войне, например?

— Мы будем сражаться рука об руку с Германией и Италией, с которыми мы связаны договором, — ответил Тодзио. — Стратегическая необходимость диктует наше наступление на запад, чтобы соединиться с армией Гитлера. Мы должны сокрушить Англию, а Индия должны стать нашей добычей на этом пути. Затем мы проведем объединенные операции с немцами на Ближнем Востоке и поможем немцам в войне с СССР.

Адмирал Окада не верил, что столь грандиозный план когда-нибудь сработает. Он также не считал, что экспансия в Юго-Восточной Азии увеличит объем промышленного производства в Японии. Кроме того, адмирал полагал, что доставка морем стратегического сырья в метрополию столкнется с большими трудностями. Он не хочет ничего загадывать на три года вперед, но ему кажется, что за это время промышленное производство страны не только не увеличится, но придет в еще более жалкое состояние.

Опасения адмирала имел вполне реальную основу, но реакция Тодзио на это была резкой:

— Конечно, вопрос пополнения стратегических ресурсов связан с известным риском, но я думаю, что мы его сможем решить, а равно справимся и со всеми остальными проблемами. Доверьтесь нам.

— Очень сомнительно, — заметил Окада, — поднять производство. На военных заводах — это еще можно. Но обеспечение их сырьем превратится в чрезвычайно трудную задачу. Я так и не понял, как вы собираетесь ее решить?

— По принципу приоритетов, — ответил, не моргнув, Тодзио.

Адмирал Окада, между тем, сменил направление своей атаки, спросив: Считает ли флот себя достаточно сильным, чтобы разбить американцев?

Вместо моряков снова ответил премьер Тодзио, заявив, что Япония одну за другой захватит все стратегические позиции на Тихом океане и будет готова к длительной войне, в итоге которой победит.

— Если вы так предполагаете решить эту задачу, то в ней остается слишком много неизвестных, — криво усмехнулся Окада. — Принимая во внимание хотя бы нынешнюю американскую кораблестроительную программу, вам не кажется слишком опасным предложенный план действий?

— Мы все приняли во внимание, — теряя терпение, раздраженно ответил Тодзио, — давайте предположим, что мы откажемся сражаться. Каков будет результат? Что нам тогда останется делать? Идти на поклон Соединенным Штатам и Англии, приняв все их требования и признав, что сто шестьдесят тысяч японских солдат погибли в Китае напрасно? Хватит! Через несколько лет мы вообще окажемся неспособными воевать. Мы и так уже потеряли массу драгоценного времени на разговоры!

Но страстная речь премьера совсем не испугала

адмирала Окада. Напротив, он стал откровенно насмешливым:

— Вам жалко наших солдат, погибших в Китае, а потому вы собираетесь погубить много больше в грядущей войне с Соединенными Штатами? Мы пытались достичь дружеского соглашения с Америкой в качестве возмещения за пролитую нами в Китае кровь? Теперь мы пытаемся создать сферу «Взаимного сопроцветания в Великой Восточной Азии», считая, что тем самым осчастливим тамошнее население, покупая у них в огромном количестве рис и сырье за оккупационные деньги, выпущенные армией.

— Мы объясним местному населению, — холодно ответил Тодзио, игнорируя сарказм адмирала, — что первоначальные трудные времена вскоре сменятся резким повышением благосостояния.

Во второй половине дня всем присутствующим была оказана честь пообедать в присутствии Императора. Затем все вернулись в зал для совещаний. Император, до этого не проронивший ни слова, произнес:

— Наступили трудные времена, не правда ли?

Это было вежливое приглашение к продолжению дискуссии.

— Мы не беспокоимся о духовной силе нашего народа, — сказал барон Вакацуки, — Но мы должны тщательно изучить вопрос: хватит ли у нас материальных ресурсов на ведение войны. Объяснения премьера, откровенно говоря, меня не убедили.

Генерал Тодзио напомнил Императору, что все сказанное им основано на единодушных взгля-

дах министров кабинета и представителей высшего командования.

— Я слышал все, что говорил премьер, — объявил адмирал Окада, — и совсем не убежден его словами.

Не был убежден и принц Коноэ.

— Мне кажется, — заявил он, — что нет никакой необходимости начинать войну, даже если переговоры провалятся. Я думаю, что можно, сохраняя «статус-кво», найти приемлемое решение. Другими словами, нужно перетерпеть нынешнее сложное время.

Также не был убежден адмирал Мицумаса Ионаи.

— Лучше перетерпеть временную бедность, чем впасть в полную нищету, — заметил он.

Только два генерала из бывших премьеров, Нобуюки Абе и Сенджуро Хаяши полностью поддерживали Тодзио.

На этом дискуссия должна была закрыться, но не унимался барон Вакацуки. Тодзио пытался остановить его, но заткнуть рот барону было очень трудно.

— Если ставкой является само существование нашей Империи, — заявил неугомонный барон, — то, конечно, мы обязаны сражаться даже перед лицом неминуемого поражения. Но идти в бой ради таких идеалов, как, скажем, создание сферы взаимного процветания Великой Восточной Азии или стабилизации обстановки в этом регионе, мне кажется просто безумием. Уверен, что вы все в глупине души разделяете мое мнение.

Генерал Тодзио упрямо повторил, что весь этот вопрос в целом уже неоднократно обсуждался на совещаниях кабинета. До мельчайших подробностей был изучен вопрос обеспечения страны стратегическим сырьем для ведения продолжительной войны. Кроме того, был не менее тщательно исследован вопрос возможного хода войны, если она начнется. Все зависит от исхода первой стадии конфликта, а на второй стадии — войну можно прекратить, используя в качестве посредников Советский Союз или Ватикан.

Но даже перед лицом почти единодушного неодобрения и противодействия его политике, Тодзио не дрогнул и не был переубежден.

Маркиз Кидо, который не произнес в ходе дискуссии ни слова, но сделал обширные заметки, понял, что обстановка выходит из-под контроля. Влияние Трона упало. Война неизбежна. Отныне судьба Японии в руках Богов.

* * *

Вернувшись из дворца, Тодзио немедленно созвал очередное совещание кабинета министров. Было решено предупредить Гитлера и Муссолини о том, что японо-американские переговоры неизбежно провалятся и что вполне реальной становится опасность войны.

Министр финансов Кайя также хотел это знать. Если начнется война, курс иены и котировка всех акций неизбежно упадут. Ему нужно заранее знать точно день начала войны, чтобы предотвратить полный финансовый крах.

— Хорошо, — с явной неохотой ответил Нагано. — Я вам скажу. День X... — адмирал сделал паузу и понизил голос, — назначен на 8 декабря.

Это было новостью даже для генерала Тодзио. Он знал о подготовке комбинированных операций Армии и Флота на Филиппинах и в Малайе, но ничего не знал о предстоящем налете на Перл-Харбор. Когда же его об этом информировали, то не сообщили никаких подробностей.

Как человек сухопутный Тодзио решил, что налет будет произведен подводными лодками. (Ни один из гражданских министров и даже высших придворных чиновников подобно Кидо ничего не знали о Перл-Харборе. Им даже не намекнули на это.)

Узнав о дате начала военных действий, Того заявил:

— Еще есть время, чтобы дипломатия помогла нам выиграть войну.

— Понимаю, — ответил Того, — Но мы же не можем сказать об этом нашим представителям в Вашингтоне, не правда ли?

— Может быть, сообщить об этом нашему военно-морскому атташе?

— Не надо ничего сообщать военно-морскому атташе, — твердо сказал адмирал Нагано.

Того поинтересовался, почему Нагано столь подозрителен?

— Не можем же мы держать наших дипломатов в полном неведении.

— Нам необходимо достигнуть фактора внезапности, — сухо ответил Нагано.

Его заместитель, вице-адмирал Сейичи Ито,

разъяснил, что командование флотом желает, чтобы переговоры с американцами продолжались до самого начала войны, чтобы застать противника полностью врасплох.

Того пытался сдержаться. Он выглядел совершенно спокойным, когда сказал, что Япония потеряет международное доверие, если не объявит заранее, как положено, о своем намерении начать войну. Но постепенно министр иностранных дел начал терять контроль над собой и стал даже заикаться, когда говорил, что план флота «совершенно недопустим, поскольку нарушает все общепринятые процедуры вступления государств в войну. Немыслимо, чтобы Япония совершила столь безответственные действия, которые нанесут непоправимый вред ее чести и престижу».

Адмирал Ито на это ответил, что если заранее заявить об объявлении войны, то не лучше ли подобное заявление сделать не Хэллу, а американскому послу Грю здесь, в Токио?

— Нет! — резко ответил Того и, выйдя из помещения, отправился в свое министерство. Там он составил телеграммы в адрес японских послов в Берлине и Риме, которые были отправлены через несколько часов. Послу в Германии генералу Хироси Осима была дана информация о том, что переговоры с американцами провалились.

«...из-за этого наша Империя оказалась в очень опасной ситуации, что вынуждает нас действовать самым решительным образом. Поэтому Ваше Превосходительство должно немедленно встретиться с канцлером Гитлером и министром

иностранных дел Риббентропом... конфиденциально сообщив им, что, поскольку Англия и Соединенные Штаты проводят в высшей степени провокационную политику, планируя мощное наращивание вооруженных сил в различных районах Восточной Азии, это неизбежно приведет к принятию нами соответствующих ответных мер. Под большим секретом сообщите, что обстановка крайне опасна, и война между англо-саксонскими странами и Японией может внезапно разразиться в любой момент... и даже быстрее, чем кто-либо предполагает».

Интересно, что Того не запросил посла Осима о том, объявит ли Германия войну Соединенным Штатам, если таковая начнется между Японией и Америкой. Вместо этого, японский министр иностранных дел позвонил германскому послу Отту: если случится самое худшее, может ли Япония рассчитывать на помощь Германии? Отт ответил без колебаний: «Мы окажем вам всю возможную помощь».

* * *

Сообщение, отправленное Того послу в Берлине, было перехвачено службой «Мэджик» и доложено Рузвельту.

Равно тревожным было сообщение «Юнайтед Пресс» из Токио, помещенное в воскресном (от 30 ноября) номере газеты «Нью-Йорк Таймс». В нем говорилось, что премьер-министр Тодзио снова произнес провокационную речь, объявив, что «Чан-Кай-ши пляшет под дудку американских и английских коммунистов, поскольку Соединенные

Штаты и Британия, желая ловить рыбку в мутной воде, натравливают азиатов друг на друга». Мы должны положить этому конец, заявил Тодзио. Мы будем координировать действия всех азиатских стран и никому не позволим вторгаться в ту сферу, которая нам предоставлена Провидением.

Эту речь, как выяснилось позднее, Тодзио никогда не произносил и даже не читал, одоббив саму ее идею по телефону. Она была прочитана на встрече в честь первой годовщины Китайско-японского Основного договора. Кто ее написал, так и осталось неизвестным. Резкость и грубость речи была усилена очень небрежным переводом. В той же газете было отмечено, что президент Рузвельт намерен сократить свой отпуск по случаю праздника Дня Благодарения, который он проводил в поселке Варм Спрингс, штат Джорджия.

* * *

Вечером того же дня посол Курусу снова позвонил Кумаичи Ямамото в Токио.

— Завтра, — сообщил посол, — Президент срочно возвращается в Вашингтон.

— Случилось что-нибудь важное? — спросил Ямамото.

— Местные газеты подняли большой шум по поводу последней речи премьера Тодзио, — ответил Курусу. — Эта речь имела здесь сильный негативный эффект.

— Какая речь? — Ямамото явно не понимал, о чем говорит Курусу.

— Заявление премьера было очень резким, —

продолжал Курусу, — американские газеты поместили эту речь на первых полосах под огромными заголовками. И мне кажется, что Президент именно из-за этого и возвращается. Без сомнения, существуют и другие причины, но именно эту газету называют главной. Курусу был явно взволнован и не скрывал этого, — Подобные заявления премьера и других официальных лиц ставят нас здесь в очень трудное и дурацкое положение...

— Мы будем осмотрительнее, — пообещал Ямамото.

— Пожалуйста, предупредите об этом премьера, министра иностранных дел и други министров, — попросил Курусу. — Скажите министру иностранных дел, что мы ожидаем от прессы совсем другого, — Курусу помолчал и спросил, — Вообще, следует далее продолжать переговоры с американцами?

— Да, — ответил Ямамото.

Курусу не знал, что переговоры теперь используются только для того, чтобы обеспечить внезапность налета на Перл-Харбор. Однако он уже начал что-то подозревать и недавно заметил Масуо Като, корреспонденту Агентство Новостей «Домей»: «Меня используют в качестве дымовой завесы». На прощание он раздраженно повторил Ямамото:

— Премьер и министр иностранных дел должны изменить тон своих выступлений! Вы понимаете? Будьте более сдержанными.

* * *

На пути к войне оставалась последняя формальность: официальная санкция Императора. В понедельник 1 декабря, в 14:05, в Восточном зале дворца собралось совещание в Высочайшем присутствии.

С суровым лицом и хриплым голосом премьер-министр Тодзио заявил, что Япония не может выполнить требование Америки вывести свои войска из Китая и аннулировать Тройственный пакт. Иначе само ее существование будет поставлено под угрозу. «Поэтому, во имя спасения Империи, мы должны начать войну с Соединенными Штатами, Великобританией и Нидерландами».

Затем Тодзио подробно описал длинную и утомительную историю американо-японских переговоров. После этого встал адмирал Нагано и с энтузиазмом объявил, что личный состав армии и флота «горит желанием служить Императору и своей стране даже ценой собственных жизней».

Далее последовало обсуждение различных проблем: от состояния общественной морали и снабжения народа продовольствием до состояния государственной экономики и финансов.

Все это время Император пассивно и молча сидел на троне. Временами он кивал головой и, казалось, был в превосходном настроении.

Когда выступили все желающие, Председатель Тайного Совета Хара начал задавать присутствующим очень неприятные вопросы: «Что предусмотрено на случай воздушных налетов противника? Что мы собираемся делать, если гигантские пожа-

ры вспыхнут в Токио? Имеется ли какой-нибудь общегосударственный план гражданской обороны?

Генерал Тейичи Судзуки ответил, что для тех, кто останется в крупных городах, будут вырыты «противовоздушные щели». Ответ был явно неудовлетворительным, и все это понимали. Но даже Хара считал, что идти на дальнейшие уступки Америке уже нельзя:

— Соединенные Штаты действуют в надменной, неуважительной и грубой манере, — сказал Председатель Тайного Совета. — Если мы им уступим, то одним махом потеряем все, что достигли, победив в войнах с Россией и Китаем. Мы не можем так поступить.

Тодзио подвел итог всему сказанному: Японская Империя стоит на пороге либо бессмертной славы, либо крушения.

— Мы дрожим от благоговения в присутствии Его Величества... если Его Величество решится на войну, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы оправдать Его доверие и выполнить свой долг перед Ним.

Все встали и низко поклонились Императору. Затем Император молча и никак не выражая своих чувств, покинул зал. Оставшиеся подписали документы об объявлении войны и направили их Императору. Некоторое время Император изучал эти документы, убедив себя, что решение о начале войны является необходимостью, а не прихотью кучки агрессивных генералов. Император сказал маркизу Кидо, что требования Хэлла были слишком унижительными. Он уже и так, нарушив все традиции,

пытался все начать с «чистого листа», но больше он этого делать не может. И Император приложил свою печать к историческим документам. Решение начать войну было официально санкционировано.

Всего неделя оставалась до одновременных ударов, которые японские вооруженные силы должны были нанести в разных направлениях, и чей успех зависел полностью от элемента внезапности. Однако поздно вечером пришла телеграмма из Китая, сообщавшая, что соблюдение секретности всей операции находится под угрозой. Телеграмму послал генерал Тсутомо Сакаи, командующий 23-й армией, сосредоточенной в Кантоне для захвата Гонконга. Генерал сообщал, что транспортный самолет, направлявшийся в Кантон, потерпел аварию на контролируемой китайцами территории. Одним из пассажиров самолета был майор Томоцуки Сугисака, курьер, имевший при себе секретные приказы, касающиеся внезапного открытия военных действий.

В армейском генеральной штабе начался переполох. В генштаб на экстренное совещание были вызваны представители флота. Успел ли майор Сугисака уничтожить секретные документы перед падением самолета? Сгорели ли эти документы после катастрофы? Или они уже попали в руки Чан-Кай-ши, который, без сомнения, передаст их Рузвельту? В связи с этим не отменить ли «Операцию Z»?

На следующее утро, казалось, что все опасения подтвердились: разведывательный самолет обнаружил обломки большой армейской транспортной

машины примерно в пятидесяти милях северо-восточнее Кантона, где были сосредоточены крупные силы китайских националистов. По донесению пилота, место катастрофы было уже окружено китайцами, которые «ползали вокруг, как муравьи».

Пребывая от всего этого в подавленном настроении, адмирал Нагано и генерал Сугийяма отправились во дворец, чтобы доложить Императору точную дату начала войны. Его Величеству было объявлено, что война начнется 8 декабря (7 декабря по Гавайскому времени), в воскресенье, когда, как обычно, в гавани Перл-Харбора скапливается большое количество боевых кораблей. В этот день луна будет находиться в нужной фазе для облегчения взлета самолетов, поскольку она будет светить с полуночи до рассвета. Адмирал Нагано почтительно попросил Императора утвердить дату 8 декабря в качестве Дня X. Его Величество сделал это без малейших колебаний. (После Токийского процесса главный обвинитель от США Джозеф Кинен встретился с Императором, который заявил ему, что ничего не знал о готовившемся нападении на Перл-Харбор. Однако, многочисленные свидетельские показания подтвердили, что Император знал об «Операции Z» и одобрил ее. Кроме того, Император приказал «до нападения» официально известить Америку об объявлении войны).

В два часа дня генерал Сугийяма послал шифровку командующему Южным направлением генералу Тераучи. Шифровка состояла из двух слов: «Хиноде Ямагата». Это означало: «Дата начала операции (Хиноде) назначена на 8 декабря (Ямагата)».

Через три с половиной часа адмирал Ямамото послал шифровку на авианосец «Акаги» адмиралу Нагумо: «Ниитака-Яма Ноборе» («Начинайте восхождение на гору Ниитака».) Это означало: «Атакуйте, как планировалось, 8 декабря».

* * *

Ударное соединение адмирала Нагумо продолжало следовать на восток со средней скоростью 14 узлов, чтобы сэкономить топливо. Авианосцы шли, построившись в круговой ордер. Впереди соединения, в сторожевом охранении, находились три подводные лодки. В случае обнаружения нейтральных судов, они должны были захватить их, высадив на эти суда призовые партии. Неоднократно поднимался вопрос, что делать, если они нарвутся на американские боевые корабли? Неунывающий контр-адмирал Ямагучи, полушутя предложил: «Отсалютуем и повернем обратно домой». Все посмеялись, но адмирал Кусака подумал: «А что нам остается делать? Мы же еще не в состоянии войны».

Получив радиограмму главкома: «Начинайте восхождение на гору Ниитака», Кусака почувствовал сильное возбуждение, мурашки побежали по его спине. Они нанесут сокрушительный удар и исчезнут. Это напоминало тактику «мамоно» в кендо (фехтование на мечех): один внезапный удар и исчезновение подобно ветру. Существовала еще вероятность, что американская воздушная разведка обнаружит их на подходе к Перл-Харбору. В этом случае Кусака решил не останавливаться и атаковать всеми силами, несмотря на потерю внезапности.

Море было спокойным (впервые за десять последних лет), и дозаправка топливом не составляла никаких проблем. По приказу адмирала Нагумо, все корабли шли без огней.

* * *

В Японии вечерние газеты вышли с крупными заголовками: «Япония возобновит усилия для достижения взаимопонимания с Соединенными Штатами».

* * *

В то время, когда соединение адмирал Нагумо покидало Курильские острова, капитан 3 ранга ВМС США Уилфрид Холмс, в чью обязанность входило отслеживать передвижение японских кораблей, доложил своему командованию в центре связи Управления военно-морской разведки в Перл-Харборе, что все шесть авианосцев Нагумо находятся «в японских водах».

Вскоре после этого Холмс признал, что «потерял их след». Шли дни, но никакой новой информации о местонахождении японских авианосцев не было. Капитан 3 ранга Эдвард Лайтон, офицер разведки при штабе Тихоокеанского флота США, сообщил об этом 2 декабря адмиралу Киммелю. Если это возмутило командующего флотом, то он не подал вида, а шутливо спросил:

— Возможно, они сейчас обходят Брильянтовую Гору, а вы об этом не знаете?

— Я надеюсь, что мы скоро их обнаружим, сэр, — уверенно ответил Лайтон.

В нескольких милях от них, в Гонолулу, японский генеральный консул Кита получил очередную радиограмму из Токио: «Принимая во внимание сложившуюся обстановку, крайне важной является информация о наличии в гавани линейных кораблей, авианосцев и крейсеров... Ежедневно сообщайте мне, какие корабли и как стоят в каждом подрайоне: на бочках, на якоре, на швартовах у причалов. Подняты ли над базой аэростаты воздушного заграждения? Есть ли какие-нибудь признаки, что это будет сделано? Установлены ли на кораблях противоторпедные сети?»

Это сообщение было перехвачено на Гавайях и переслано шифровальщикам в Вашингтон. У любого, кто прочел бы этот документ, не осталось бы ни малейшего сомнения, что на Перл-Харбор готовится нападение. Но поскольку это сообщение касалось Гавайских островов и не было «дипломатическим», дешифровка и перевод его были отложены.

Еще один важнейший перехват, который постигла та же судьба, о разделе гавани Перл-Харбора на подрайоны дождался обработки с сентября и наконец был расшифрован и переведен. Однако, начальник Военной разведки бригадный генерал Шерман Майлс решил, что это «флотские дела», и армии они не касаются. Документ был отослан в военно-морскую разведку, где капитан 3 ранга Элвин Крэмер, руководитель Переводного бюро, пометил его грифом «Интересно», а не «Важно» или «Срочно». Крэмер посчитал, что это не более, чем попытка «какой-то части японской дипломатической службы упростить процедуру связи».

Бернард Барух, неофициальный советник президента Рузвельта и друг английского премьера Черчилля, беседовал в номере Вашингтонского отеля с Раулем Десвернайном, адвокатом, представляющим концерн Мицуи. Адвокат поведал Баруху, что специальный японский посланник Сабуро Курусу хочет передать сообщение непосредственно президенту Рузвельту, минуя госсекретаря Хэлла. Может ли Барух чем-нибудь помочь в этом деле?

Барух передал просьбу генерал-майору Эдвину Ватсону, одному из секретарей Президента. Ватсон вскоре позвонил Баруху и сказал, что Президент отказывается встречаться с Курусу без Хэлла, но не возражает, чтобы Барух ознакомился с содержанием сообщения и доложил об этом ему.

На следующий день, 3 декабря, Барух встретился в номере отеля «Мэйфлауэр» с Десвернайном и Курусу. Японский посол поклялся, что он, японский народ и Император — все хотят мира, но военные лидеры, «имея по заряженному револьверу в каждой руке, явно хотят пострелять».

Войны можно будет избежать, если он, Курусу, побеседует с Рузвельтом без «злобного, враждебного и ненадежного» Хэлла. Он скажет Президенту, что сможет осадить японских милитаристов, обратившись непосредственно и лично к Императору, который затем попросит Рузвельта стать посредником в достижении соглашения между Японией и Китаем. Очень важно, заметил Курусу, чтобы процесс переговоров не прерывался, и было бы очень

хорошо, если бы Рузвельт направил в Японию своего личного представителя, скажем, Гарри Гопкинса.

Хотя Барух сомневался, что это предложение найдет отклик у Президента, он обещал передать его в Белый дом.

Еще один «эмиссар мира», доктор Стенли Джонс, известный миссионер методистской церкви, также пытался представить похожее предложение президенту Рузвельту. Он позвонил секретарю Рузвельта Мервину Макинтайру, попросив устроить ему встречу с Рузвельтом по вопросу, который он, Джонс, «не может поверить бумаге». Это был план, инспирированный Хиденари Терсаки, сотрудником японского посольства, предлагавший предотвратить войну отправкой личного послания президента Рузвельта Императору Японии.

Макинтайр велел Джонсу быть через двадцать минут у Восточных ворот Белого дома, где его проведут через тайный ход к Президенту без необходимости прорываться через «частокол репортеров».

Рузвельт сообщил Джонсу, что уже раздумывал над личным посланием к Императору.

— Но я не решаюсь это сделать, — признался Президент, — чтобы не повредить японским послам здесь, в Вашингтоне, если я через их голову обращусь непосредственно к Императору.

— Это как раз то, о чем я хотел поговорить, — оживился Джонс. — Эта идея «личного послания» принадлежит японским послам Номура и Курусу, которые сами попросили меня предложить вам отправить такое послание. Но они также просили не сообщать об этом. Если узнают, что это они пред-

ложили отправить послание Императору через голову японского правительства, их собственные головы могут скатиться с плеч.

— Хорошо, — согласился Рузвельт, — это рассеивает мои сомнения. Я сделаю это.

Джонс предупредил, что подобное послание должно быть отправлено не через министерство иностранных дел в Японии, а непосредственно Императору. В противном случае оно никогда до Императора не дойдет.

— Я не знаю всей механики дел, но именно так меня предупредили послы.

— Я обдумаю способ, — заметил Рузвельт. — Но сами понимаете, что я не могу явиться на телеграф и сказать, что хочу отправить послание Президента Соединенных Штатов Императору Японии. Я, пожалуй, пошлю его Грю, а он уже вручит послание Его Величеству. Если через двадцать четыре часа после этого не будет никакой реакции, я передам текст послания в газеты и заставлю японцев как-то на него ответить.

Уходя, Джонс попросил Рузвельта никак не упоминать имя Терасаки, которому принадлежала идея «личного послания».

Рузвельт пообещал.

Личное послание Президента Императору, вероятно, было бы отправлено в тот же день, если бы не Хэлл. Госсекретарь напомнил Рузвельту, что японский Император не более, чем марионетка, находящаяся под каблуком кабинета Тодзио, и послание, отправленное Императору через голову Тодзио, не только вызовет его негодование, но будет

рассматриваться как признак слабости.

Подозрения Хэлла основывались на очередном радиоперехвате послания из Токио, направленного в японское посольство на Массачусетс Авеню. В нем приказывалось уничтожить все шифры кроме трех, а также — одну из двух шифровальных машин. Офицер американской разведки, отправленный в посольство, обнаружил, что японские дипломаты жгут на заднем дворе кипы бумаг. По мнению шефа Военной разведки Шермана Майлса и начальника его Дальневосточного отдела полковника Руфуса Брэттона, подобное происходит только накануне разрыва дипломатических отношений в связи с неизбежностью войны.

* * *

На другом конце Земли генерал Томоюки Ямасита, собрав у себя в штабе командиров дивизий и отдельных полков, зачитал им приказ о начале военных действий. Приказ патетически объявлял, что «на карту поставлена судьба Японии». Почти у всех на глазах были слезы.

На рассвете 8 декабря необходимо было произвести три высадки с моря на восточное побережье Малайского полуострова. Два из них — на территории Таиланда, у городов Паттани и Сингора: а одна в Малайе, в районе Кота-Бару. Охваченный энтузиазмом полковник Тсудзи предложил использовать территорию Таиланда в качестве современной версии Троянского коня. Тысяча японских солдат, переодетых в таиландскую форму, должны высадиться на берег вблизи Сингоры и захватить в

качестве прикрытия девушек из местных кафе и танцевальных залов. Затем они должны вместе с девушками погрузиться в двадцать или тридцать автобусов и, размахивая таиландскими и английскими флагами, крича: «Долой японцев, Ура англичанам!», двинуться к малайской границе. Тсудзи был уверен, что в наступившей неразберихе им без помех удастся пересечь границу.

На рассвете 4 декабря конвой из двадцати шести транспортных судов вышел с острова Хайнань у самой южной оконечности Китая и взял курс к Малайскому полуострову. Полковник Тсудзи, стоя на мостике войскового транспорта «Рюдзе-мару», наблюдал, как багрово-красное солнце встает на востоке, а бледная, похожая на поднос, луна исчезает на западе. Перед мысленным взором полковник встали образы его родных: матери, жены и детей. Стояла тишина, нарушаемая лишь стуком судовой машины. Все было мирно и спокойно.

* * *

На совещании японского кабинета, собравшегося во второй половине дня, обсуждалось точное время, когда американскому секретарю Хэллу следует вручить ноту об объявлении войны. Вице-адмирал Сейичи Ито не возражал, если эта нота будет вручена 7 декабря, где-нибудь около половины первого по Вашингтонскому времени. Годзио и Того выразили опасение по поводу того, что нота будет вручена до нападения. Ито успокоил их, говоря, что плюс-минус полчаса уже не имеют большого значения, и вопрос был решен.

В ноте, которую предполагалось вручить Хэлли, ничего не говорилось об объявлении войны, как того хотел Того, а просто отмечался факт прекращения переговоров. «Американское правительство, — указывалось в ноте, — всегда упорно придерживающееся положений, идущих вразрез с реальностью, и совершенно отказывающееся отступить от своих неосуществимых принципов, чрезмерно затянуло переговоры». В конце ноты констатировалось, что «Японское правительство сожалеет, но вынуждено уведомить американское правительство, что ввиду указанной позиции американского правительства достижение соглашения путем дальнейших переговоров японское правительство считает невозможным».

У кого-то еще тлела слабая надежда на то, что не все еще кончено. Но большинство отлично понимало, что время уже истекло, и эта нота является объявлением войны.

* * *

В этот же день японский флот в качестве последней меры предосторожности сменил свои шифры. Это временно «ослепило» американскую военно-морскую разведку, которой требовалось время, чтобы «расколоть» новый японский код, так и не выяснив, куда пропали шесть авианосцев японского флота.

Между тем, Ударное соединение Нагумо прошло уже более трети пути к Гавайским островам. На своем пути корабли не оставляли никаких следов. Действовал строжайший приказ, запрещающий

выбрасывать мусор за борт. Пустые бочки из-под горючего складировались на палубах.

К утру 4 декабря соединение достигло точки 42 градуса северной широты и 170 градусов восточной долготы, где все корабли пополнили запас топлива. Вначале дозаправка проводилась на максимальной скорости девять узлов, теперь эта операция проводилась на двенадцати узлах. Дозаправив боевые корабли, все суда обеспечения, кроме трех, повернули обратно. Оставшиеся должны были через сорок восемь часов последний раз заправить топливом боевые корабли.

Во второй половина дня пришло тревожное сообщение от Ямамото, переданное новым кодом: перехвачена радиограмма, отправленная, судя по всему, американской подводной лодкой, действующей в районе нахождения Ударного соединения. Адмирал Кусака запросил всех командиров кораблей, но ни один из них ничего не слышал в эфире. Ударное соединение повернуло на юго-восток, следуя, несмотря на густой туман, с прежней скоростью. Для летчиков на всех авианосцах время тянулось мучительно медленно. Каждый убивал время, как мог: рисовал, фехтовал на мечах, а один летчик даже начал писать книгу. На авианосце «Кага» летчик-истребитель Ешио Сига нарисовал восемь акварелей красивого храма и пригласил других офицеров на свою «частную выставку». Ему было немножко неудобно, что «он занимается столь несерьезным делом в такое серьезное время», но летчик был уверен, что его жизни не хватит, чтобы развернуть эту выставку позднее.

На следующий день, 5 декабря, вице-адмирал Ито связался с министром иностранных дел Того и сообщил ему, что нота должна быть вручена Хэлли в 13:00 по Вашингтонскому времени, то есть, на полчаса позднее, чем было решено ранее. Того заинтересовался, в чем дело?

— Я кое-что не совсем точно рассчитал, — ответил Ито.

Того спросил, сколько пройдет времени между вручением ноты и нападением? Ито отказался назвать точное время нападения, сославшись на «оперативную секретность», но уверил Того, что «времени будет достаточно».

* * *

На острове Оаху моросил мелкий дождь. Небольшой частный самолет «Пайпер Каб» кружился над Перл-Харбором. Свой последний облет базы совершал Есикава. В это утро из Токио пришла срочная радиограмма, требующая сообщить уточненные данные об американском флоте в Перл-Харборе.

Полетав над базой, Есикава вернулся в консульство и послал ответную радиограмму в Токио:

«...во второй половине дня 5 декабря в гавани находились следующие корабли: восемь линкоров, три легких крейсера, шестнадцать эсминцев».

Радиограмма была перехвачена службой «Мэджик», но, к счастью для адмирала Ямамото, ее расшифровку и перевод отложили в связи с «недостаточной важностью».

* * *

Японские газеты продолжали обвинять Запад в подготовке войны. 6 декабря газета «Асахи Симбун» вышла с заголовками:

«США умышленно затягивают переговоры, не демонстрируя никакого желания достичь компромисса с Японией, но никаких изменений в их догматических взглядах не наблюдается»; «Япония окружена. Четыре державы одновременно готовятся напасть на нее».

Корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» Отто Толишус передавал из Токио, что большинство японцев не верят, что находятся накануне войны с четырьмя великими державами одновременно. «Но их инстинктивные надежды, — писал Толишус, — ежедневно сталкиваются с противоречиями реальной жизни. Им постоянно приходится выслушивать панические заявления высших правительственных чиновников о том, что Япония переживает самый величайший кризис за все 2600 лет своей истории. Их постоянно собирают на массовые митинги, где клеймят и разоблачают врагов Японии, их ежедневно оглушает пресса истерическими воплями о войне. Они видят, как повсюду копают противоздушные щели и создают резервуары с запасами воды на случай воздушных налетов. По городам проходят непрерывные учения по гражданской обороне. Особенно часты учения по борьбе с пожарами, представляющими главную угрозу для японских городов. И, наконец, японцы видят, как постоянно растут налоги и цены. Они понимают, что все это происходит не просто так и, что война, настоящая

война, которая еще недавно казалось столь далекой, стремительно приближается к Японии, стране Богов.

Народ не хочет войны, но они также не хотят отказаться от плодов китайской войны, которая стоила им столько крови и средств. Сейчас им говорят, что грядущая война — это война за их существование, за достижение простора для народа, теснящегося без всяких ресурсов на своих маленьких островах, за освобождение миллиарда азиатов от ига белой расы... Было бы величайшей ошибкой считать, что уставшие от войны японцы воспримут новую войну без всякого энтузиазма, если она придет на их землю; или считать, что у них недостаточный военный потенциал, чтобы вести длительную войну. Японцы считают свое государство одной священной семьей, и их патриотизм и религиозная вера не знает границ.

Японцы не говорят в оправдание своего патриотизма «Права или не права моя страна, но это моя страна». Они знают и уверены в том, что их страна всегда права...»

* * *

В Маниле адмирал Томас Харт, командующий Азиатским флотом США, предчувствовал, что военные действия могут начаться в любой момент. Его маленький флот — один тяжелый и один легкий крейсер, восемнадцать четырехтрубных эсминцев времен Первой Мировой войны и двадцать девять подводных лодок — были приведены в состояние полной боевой готовности.

Уже несколько раз докладывали о «неопознанных самолетах», которые появлялись над аэродромом Кларк, главной авиабазой американской бомбардировочной авиации, но генерал Макартур сохранял полное спокойствие. Во второй половине дня Макартур и Харт провели совещание с прилетевшим из Сингапура адмиралом Томом Филлипсом, командующим Британским Дальневосточным флотом. Японский конвой был обнаружен у Индокитая, вблизи Сиамского залива, но затем был потерян в тумане. Намерены ли японцы напасть на Малайю и Сингапур или просто готовят высадку в Таиланде?

Макартур успокаивающе заметил, что к апрелю он будет иметь обученную армию численностью в двести тысяч человек, а также мощные воздушные силы, состоящие из 256 бомбардировщиков и 195 истребителей.

— Все это превосходно, Дуг, — сказал адмирал Харт, — но интересно другое — какова наша обороноспособность сейчас?

Ответ, как это не печально, был очевиден. Хотя в распоряжении Макартура находилось сто тридцать тысяч человек, сто тысяч из них составляли плохо обученные и почти не вооруженные филиппинцы. Единственное, что они хорошо умели делать — это отдавать честь. Не хватало также и самолетов. В распоряжении Макартура были тридцать пять «Летающих крепостей» и сто семь истребителей. После совещания адмирал Филлипс, прозванный за свой маленький рост «Карлик Том» (он был ростом меньше Наполеона), попросил Харта,

чтобы четыре старых американских эсминца присоединились к его флоту и вместе выйти в море навстречу японскому конвою, к восточному побережью Малайи. Флот адмирала Филлипса состоял из линкора «Принс оф Уэлс», линейного крейсера «Рипалс» и нескольких эсминцев. Не успел Харт обдумать это предложение, как прибыл рассыльный с депешей для Филлипса, полученной из Сингапура: английские самолеты снова обнаружили японскую армаду у берегов Таиланда.

— Адмирал, — спросил Харт Филлипса, — Когда вы намерены вылететь обратно в Сингапур?

— Завтра утром, — ответил Филлипс.

— Если вы хотите успеть к началу войны, — сказал Харт, — я полагаю, вам надо вылететь прямо сейчас.

* * *

В тот же день, после полудня, японцы окончательно отредактировали свою ноту Хэллу, приложили к ней инструкции своему посольству в Вашингтоне и передали все эти документы Кацудзи Камейяма, начальнику службы связи министерства иностранных дел. Ему было указано передать эти инструкции так, чтобы они прибыли примерно в восемь часов 6 декабря по Вашингтонскому времени. Затем, примерно через час, должны быть переданы первые тринадцать частей самой ноты, составленной на английском языке, чтобы предотвратить ошибки при переводе, которыми, как было известно, славилась и японские, и американские переводчики. В целях безопасности последняя

четырнадцатая часть ноты, где говорилось о прерывании дипломатических переговоров, должна была быть отправлена не ранее четырех-пяти часов утра 7 декабря.

Связь с Вашингтоном обычно была хорошей, и никогда передача сообщений не занимала более часа. Последняя, 14-я часть ноты была передана с инструкцией послам Курусу и Номура вручить ноту Хэллу в 13:00 7 декабря по Вашингтонскому времени.

* * *

В этот момент Ударное соединение Нагумо шло на юго-восток со скоростью двадцать узлов. Все корабли следовали без огней, пробиваясь через сильный встречный шторм. Туман был столь густым, что порой невозможно было видеть идущий впереди корабль. Несколько измученных сигнальщиков смыло за борт. Но несмотря на это и постоянные изменения курса, соединению удавалось сохранять походный ордер.

По традиции японского флота на всех кораблях жили по токийскому, а не по местному времени. Обычно это не создавало больших проблем, поскольку японские корабли, как правило, ходили походами на север или на юг, то есть, оставались примерно в одной и той же временной зоне. Теперь же все смешалось: ночью светило солнце, в полдень сверкали звезды. На часы уже никто не обращал внимания, корабельный распорядок поддерживался по положению солнца.

Ложные тревоги держали в этот день адмирала

Нагумо в состоянии постоянного напряжения. Сначала пришла шифровка из Токио, что в районе соединения находится русский корабль. На палубе авианосца «Кага» были приведены в готовность к немедленному взлету шесть истребителей. Однако, ничего обнаружено не было, и приказа на взлет не последовало.

Ночью на флагманском авианосце «Акаги» была пробита боевая тревога. Сигнальщики обнаружили огни самолета прямо над соединением. Люди разбежались по боевым постам, а зенитки кораблей нацелились в таинственные огни. Однако, быстро выяснилось, что это был светящийся баллон, запущенный с авианосца «Кага» для определения направления ветра. Уходя с мостика, адмирал Кусака попытался взбодрить своего командующего очередным «Дайджобу» («Не волнуйтесь, все будет хорошо»).

— Завидую вашему оптимизму, — со вздохом ответил Нагумо.

* * *

В Вашингтоне еще была суббота 6 декабря. Военные были более всего озабочены сообщением Британского Адмиралтейства о том, что японский флот, состоящий из тридцати пяти транспортов, восьми крейсеров и двадцати эсминцев, движется прямо к Малайкому полуострову. На своей ежедневной «летучке» с высшими морскими офицерами министр ВМС США Фрэнк Нокс поинтересовался: «Джентльмены, а они не собираются напасть на нас?»

За всех ответил контр-адмирал Ричмонд Тэрнер,

представлявший главнокомандующего американскими военно-морскими силами адмирала Старка:

— Нет, господин министр. Они собираются напасть на англичан. Нападать на нас они еще не готовы.

Никто не возразил.

* * *

В отделе дешифровки Военно-морской разведки сотрудники готовились к уикэнду. К полудню большая часть сотрудников готовилась разъехаться по домам. Лишь одна переводчица, Дороти Эджерс, решила в свободное время покопаться в груде непереверденных перехватов «Мэджик», накопившихся за последнее время в связи с их «низким приоритетом».

Дороти Эджерс работала в отделе всего несколько недель и еще ко всему относилась с должной серьезностью. Взяв папку, касающуюся Гавайских островов, переводчица сразу наткнулась на радиограмму из Токио генеральному консулу Кита в Гонолулу, датированную 2-м декабря. Кита запрашивался о передвижении боевых кораблей, о противоторпедных сетях, об аэростатах воздушного заграждения над Перл-Харбором. Заинтригованная переводчица вынула из папки еще одну радиограмму, датированную 3-м декабря. Это было послание от Кита в Токио.

Приходя во все большее волнение, Дороти Эджерс прочла пространный рапорт Есикава о том, какими способами Отто Кюн будет передавать информацию об американском флоте в Перл-Харборе

на японские корабли, находящиеся у острова Оаху: мигая светом в окне, дымом от сжигаемого во дворе мусора и, в крайнем случае, с помощью радиопередатчика.

Охваченная подозрениями переводчица сообщила обо всем дежурному, главстаршине Брайнту. Тот посоветовал ей не волноваться, а идти домой. Все подождет до понедельника. Эджерс отказалась и работала до трех часов дня. В этот момент в отделе появился начальник переводного бюро капитан 3 ранга Элвин Крэмер. Просмотрев документы, Крэмер вместо того, чтобы проникнуться их важностью, раскритиковал работу Эджерс и сел рядом с ней, чтобы отредактировать текст. Однако, он явно куда-то спешил, отложил перевод и сказал Дороти Эджерс, что «они закончат редактирование где-нибудь на следующей неделе». Та запротестовала, и Крэмер, чтобы отвязаться, пообещал «заняться этим в понедельник». Тайна «Операции Z» снова ускользнула от разоблачения. (После войны полковник Брэттон из Военной разведки заявил: «Если бы мы получили этот документ 6 декабря, вся картина могла быть иной».)

* * *

В японском посольстве на Массачусетс Авеню уже были получены инструкции (на японском языке) и первые тринадцать частей длинной ноты для передачи Хэллу (на английском языке). Во второй половине дня в посольстве состоялась «отвальная» по поводу отъезда одного из сотрудников, переведенного в Южную Америку. К этому времени шиф-

ровальщики закончили работу только над семью частями ноты.

Первый секретарь посольства Катсузо Окумура лично расшифровывал те части ноты, которые считались слишком секретными для рядовых шифровальщиков, а тем более — для машинисток. Закончив работу, Окумура спустился в комнату отдыха, находившуюся в подвале. Там два японских корреспондента играли в пинг-понг. Один из них, Масуо Като, спросил первого секретаря о лайнере «Татсуга-мару», который вышел из Йокогамы пять дней назад и собирается прибыть в Лос-Анджелес 14 декабря.

— Готов спорить на доллар, — загадочно ответил Окумура, — что он туда никогда не придет.

* * *

В этот же день президент Рузвельт под влиянием то ли Джонса, то ли Баруха, а возможно, их обоих, решил все-таки написать послание Императору Японии. В нем Рузвельт напомнил Императору, как почти столетие назад другой президент Соединенных Штатов, Миллард Филлмор, направил личное послание Императору Японии, предлагая дружбу своей страны. Теперь долгие годы мира омрачены японской оккупацией южного Индокитая, в результате чего народы Филиппин, Малайи, Таиланда и Голландской Индии могут быть втянуты в войну. Эти народы, подчеркнул президент, не могут вечно сидеть на бочке с порохом, ожидая взрыва.

«Я обращаюсь к Вашему Величеству в искренней надежде, что Ваше Величество примет

решительные, а возможно, и чрезвычайные меры, чтобы рассеять черные тучи надвигающейся войны. Я уверен, что мы оба, ради народов не только наших великих стран, но и ради народов соседних территорий, несем священную обязанность восстановить традиционную дружбу и предотвратить дальнейшее распространение смерти и разрушений во всем мире», — закончил послание президент Рузвельт.

Президент подписал послание «Франклин Д. Рузвельт» и отправил его Хэллу со следующей сопроводительной запиской: «Дорогой Кордэлл, срочно отправьте это Грю «серым кодом» ради экономии времени. Меня нисколько не волнует, если кто-нибудь перехватит это послание по пути и расшифрует его. Ф. Д. Р.»

В 19:40 Государственный Департамент США объявил прессе, что президент Рузвельт направил личное послание Императору Японии. Само послание ушло в Токио.

* * *

Военный министр Генри Стимсон решил не уезжать из города на уикэнд, поскольку, как министр отметил в своем дневнике, он «чувствовал, что что-то должно случиться на выходные».

Дешифровщики американского флота работали более эффективно, чем их коллеги из японского посольства, и к 20:30 все тринадцать частей японской ноты были расшифрованы, отпечатаны и готовы к рассылке. Понимая, насколько важен этот документ, капитан 3 ранга Крэмер начал звонить по

телефону тем, кому было положено получить экземпляры японской ноты.

— Я имею очень важный документ и считаю, что вы должны немедленно с ним ознакомиться, — сказал он министру ВМС Ноксу. Затем Крэмер позвонил начальнику Военно-морской разведки, начальнику отдела Военного планирования и в Белый дом. Он не смог дозвониться только до адмирала «Бетти» Старка, которого не было ни в кабинете, ни дома.

Около девяти часов вечера Крэмер покинул свой кабинет и поехал вместе с женой к Белому дому. В секретариате Президента он передал запечатанный конверт с японской нотой дежурному, лейтенанту Роберту Шульцу. Шульц немедленно отправился с пакетом к Президенту, застав его разговаривающим со своим советником Гарри Гопкинсом. Рузвельт прочел тринадцать частей японской ноты и молча передал документ Гопкинсу. Когда Гопкинс закончил чтение, Президент сказал: «Это — война».

Гопкинс заметил, что поскольку война представляется неизбежной, не лучше ли все-таки нанести удар первыми?

Президент снова не желал ничего подобного слушать.

— Мы демократический и мирный народ, — снова повторил он фразу, которую Гопкинс уже неоднократно слышал, — и в отличие от японцев должны заботиться о своей репутации.

Затем Рузвельт пытался связаться по телефону с адмиралом Старком, но ему доложили, что

главком находится в Национальном театре.

Президент повесил трубку и сказал: «Я позволю Бетти позже. Люди встревожатся, если узнают, что его вызвали из театра».

Адмирал Старк, у которого выдался редкий свободный вечер, смотрел в театре пьесу «Принц-студент». Пьеса не произвела на него никакого впечатления. Позднее адмирал даже не мог вспомнить, чем он занимался вечером 5 декабря.

Старк понимал, что война неизбежна, но ломал голову над вопросом: где японцы нанесут свой первый удар? Их войсковой конвой двигался к Сиамскому заливу, что предполагало намерение захватить Сингапур, но удар мог быть также нанесен по Филиппинам или зоне Панамского канала. Меньше всего адмирал беспокоился о Гавайских островах.

План объединенных действий армии и флота на случай внезапной атаки с воздуха по Перл-Харбору был настолько тщательно проработан, что был направлен в качестве модели всем командующим округами и военно-морскими районами.

Начальник Военной разведки генерал Шерман Майлс присутствовал на обеде у начальника Военно-морской разведки капитана 1 ранга Теодора Уилкинсона. Майлс также прочел тринадцать частей японской ноты, но не очень встревожился, поскольку посчитал, что этот документ «не имел особого военного значения». Он позвонил полковнику Брэттону и сказал, что «нет причин тревожить и будить» генерала Маршалла, который проводил уикэнд вместе в женой в своей квартире на Форту

Майерс. После обеда Майлс отправился домой, не намереваясь появляться на работе до понедельника.

Уже было за полночь, несколько минут 7 декабря 1941 года. Некоторые высшие руководители страны и вооруженных сил еще не спали, пытаясь определить, где и когда японцы нанесут свой первый удар. Но никто — ни Рузвельт, ни Хэлл, ни Стимсон, ни Нокс, ни Маршалл, ни Старк не ожидали, что это будет Перл-Харбор.

* * *

На острове Оаху наступил субботний вечер 6 декабря. Подобно своим начальникам в Вашингтоне, местные армейские и флотские командиры совершенно не беспокоились о том, что по Перл-Харбору может быть нанесен внезапный удар с воздуха.

Командующий Гавайским военным округом генерал-лейтенант Шорт присутствовал на концерте в офицерском собрании. Командующий Тихоокеанским флотом адмирал Киммель ужинал с друзьями в одном из шикарных отелей Гонолулу.

На большинстве кораблей матросы готовились к увольнению на берег. На следующее утро планировалось провести обычные разведывательные полеты, даже несколько ограниченные по сравнению с предыдущими днями. Местное управление ФБР так еще и не разузнало, что под личиной мелкого чиновника японского консульства Тадаси Моримура скрывался сотрудник японской военно-морской разведки Есикава.

Сам Есикава в этот вечер находился в консульстве, составляя очередное донесение в Токио.

В гавани находятся: девять линейных кораблей, три легких крейсера, три плавбазы подводных лодок и семнадцать эсминцев. Они стоят на якоре. Четыре легких крейсера и два эсминец находятся в доках. Авианосцы и тяжелые крейсера покинули гавань и, суда по всему, палубная авиация не будет задействована завтра утром в патрульных полетах. Передав текст донесения радистам, Есикава вышел подышать свежим воздухом в сад консульства.

Стояла тишина. Вдали над Перл-Харбором багровело зарево электрических огней. И Есикава отправился спать.

* * *

Пассажирский лайнер «Татсута-мару», направлявшийся в Лос-Анджелес, шел еще своим курсом северо-западнее Гавайских островов. Неожиданно лайнер развернулся и, к удивлению и тревоге своих пассажиров, направился обратно в Японию. Первый секретарь японского посольства в Вашингтоне Окумура выиграл пари на доллар у корреспондента Като.

* * *

В Маниле воскресенье 7 декабря уже перевалило за полдень. Стоял жаркий солнечный день. Атмосфера здесь была тревожнее, чем в Вашингтоне и на Гавайях, поскольку Филиппины могли в любую минуту превратиться в поле боя. Над авиабазой Кларк снова были замечены неопознанные самолеты.

Вечером в отеле «Манила» 27-я бомбардиро-

вочная авиагруппа устроила пышный банкет в честь генерал-майора Льюиса Бреретона, назначенного Макартуром командующим Дальневосточными воздушными силами США. Присутствовавший на банкете начальник штаба адмирала Харта сказал генералу, что «стрельба может начаться в течение ближайших дней, а возможно, и часов». Из Вашингтона тоже предупреждали, что в любой момент может разразиться война.

В качестве меры предосторожности Бреретон позвонил в свой штаб и приказал привести все авиачасти в состояние повышенной готовности. Генерал знал, что у него недостаточно сил, но успокаивал тот факт, что на Филиппины из США уже были отправлены подкрепления. Крупный конвой шел через Тихий океан, везя на Филиппины пятьдесят два пикирующих бомбардировщиков и два артиллерийских полка. Его прибытие ожидалось 4 января. Кроме того, через несколько дней на Филиппины должны были прибыть тридцать «летающих крепостей», что почти удвоило бы их общее число на архипелаге. Двенадцать этих бомбардировщиков уже вылетели из Калифорнии и сегодня-завтра должны были совершить промежуточную посадку в Перл-Харборе.

На авиабазе Кларк, в пятидесяти милях северо-западнее Манилы, к немедленному взлету были готовы шестнадцать «летающих крепостей». Бомбардировщики стояли, выстроенные в ряд вдоль взлетной полосы. По периметру аэродром был уже изрыт противовоздушными щелями, траншеями и капонирами.

* * *

А в небе над Сингапуром всю ночь шарили щупальцы прожекторов. Подход к городу с моря прикрывали мощные береговые батареи 380мм орудий. Первокласная военно-морская база создавалась в Сингапуре в течение двадцати лет и обошлась в шестьдесят миллионов фунтов стерлингов.

Сейчас в сингапурской базе стояли два могучих боевых корабля: линкор «Принс оф Уэлс» и линейный крейсер «Рипалс», которые так беспокоили председателя японского тайного совета Хара.

По всем структурам малайского командования было передано условное предупреждение, призывающее к готовности. Английские, австралийские и индийские солдаты были подняты «в ружье». Все они были спокойны и уверены в своих силах — Сингапур считался неприступной крепостью.

В 1650 милях к северо-северо-востоку находилась еще одна английская крепость в Юго-Восточной Азии — Гонконг. Этот остров находился всего в нескольких минутах плавания на пароме от южного берега континентального Китая. 11319 солдат гарнизона Гонконга были также подняты по тревоге. К полуночи обширная гавань Гонконга, не считая обычных джонок и сампанов, была почти пустой. Предыдущим вечером специальные рассыльные бегали по барам и танцевальным залам отелей, призывая офицеров и матросов торгового флота немедленно вернуться на свои суда. Торговые суда срочно покинули порт.

В Вашингтоне ожидали, что удар по Гонконгу будет нанесен в течение ближайших часов.

* * *

В Токио стояло теплое, ясное и приятное во всех отношениях воскресенье. Но корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» Отто Толишус был очень встревожен, поскольку почувствовал, что каждый японец «казалось, напряженно ждет какого-то события». Большую часть дня корреспондент провел за пишущей машинкой, готовя для журнала «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» статью об американском после Грю.

«Былые японские нападки на «иностранных варваров» были пересмотрены, когда японцы поняли, что только у Западных стран они могут научиться методам ведения современной войны, — писал Толишус, — ...в результате, давно предсказанная война между белой и желтой расами вообще и Соединенными Штатами и Японией в частности, представляется уже неизбежной из-за обостряющихся противоречий...»

Толишус перечел написанное. Ему показалось, что тон его статьи слишком мрачен, но он решил все оставить как есть и отправил статью Грю для одобрения.

* * *

Японское же руководство в это воскресенье мучила не возможность войны, а сохранение в тайне планов внезапного нападения. Еще до полудня пришло сообщение о том, что японский конвой, идущий через Сиамский залив к Малайскому полуострову, был обнаружен английской летающей лодкой. Через несколько минут пришло донесение,

что японский истребитель сбил британский самолет. Но успела ли летающая лодка передать по радио информацию в Сингапур?

Всеобщее потрясение среди японского военного руководства вызвала и статья какого-то отставного адмирала, появившаяся в вечернем выпуске воскресного номера газеты «Джапан Таймс энд Эдвертисер», где говорилось, что американское военно-морское командование, видимо, совсем уже потеряло чувство реальности, впад в полный маразм, если считает, что Японии не дотянуться до Гавайских островов, а коль она попытается сделать это, то такая попытка закончится полным провалом». Скоро американцы убедятся в обратном, когда наши бомбы будут падать на Гавайские острова.

* * *

В полдень в Токио прибыло личное послание президента Рузвельта Императору Японии. Однако последняя директива автоматически задерживала доставку прибывши из-за границы телеграмм на десять часов. Накануне полковник генерального штаба Морио Томура позвонил своему приятелю Татеки Сирао, цензору и министерства связи, приказав ему задерживать 7 декабря все прибывшие из-за границы телеграммы на десять часов, а 8 декабря — на пять часов.

Посол Грю впервые услышал о том, что такое послание существует из передачи новостей радио Сан-Франциско, но получил его лишь в 22:30, несмотря на то, что на послании стоял штамп «Тройной Приоритет».

Было уже пятнадцать минут первого, когда Грю с расшифрованным текстом прибыл в официальную резиденцию министра иностранных дел Того. Посол объявил министру, что принес личное послание Президента Императору и прочел его вслух.

Того пообещал «тщательно изучить документ и представить его к подножию Трона». После ухода Грю, Того позвонил министру Императорского Двора Тсунео Матсудайра и спросил: удобно ли беспокоить Его Величество в столь поздний час? Министр Двора посоветовал связаться с маркизом Кидо, поскольку послание Президента было «политическим, а не церемониальным».

Того позвонил Хранителю Печати домой. Выслушав министра иностранных дел, Кидо сказал, что такая причина требует немедленно поднять Императора даже глубокой ночью, и обещал тотчас же выехать во дворец. Того же поехал в резиденцию премьер-министра.

Генерал Тодзио прежде всего поинтересовался: содержатся ли в послании Рузвельта какие-либо новые установки? Ответ был отрицательный. «Тогда мы уже ничего не можем сделать,» — заметил Тодзио, не возражая, впрочем, чтобы Того передал послание Императору. Вместе они составили ответ, содержащий вежливый отказ от всех предложений Рузвельта.

— Хорошо, что эта телеграмма прибыла так поздно, — саркастически улыбнулся Тодзио. — Прибуди она дня на два раньше, во дворце бы начался очередной переполох.

Когда Того приехал во дворец, его уже ждал там Кидо.

— Тут нет ничего полезного, — сказал Хранитель Печати, ознакомившись с посланием. — А каково мнение Тодзио?

— Такое же, — ответил Того.

* * *

Примерно в то же время, когда Грю получил послание Рузвельта, капитан 3 ранга Крэмер, находясь в своем кабинете в здании министерства ВМС, читал 14-ю часть японской ноты, извещающей Хэлла о прекращении переговоров.

В Вашингтоне было восемь часов утра 7 декабря 1941 года. Все четырнадцать частей японской ноты были собраны, запечатаны в конверты, и Крэмер снова начал развозить их тем, кто был указан в рассылке.

В 10:20, когда начальник Переводного бюро вернулся в свой кабинет, его ждало еще одно перехваченное сообщение. Это была телеграмма от Того послу Номура с пометкой: «Срочно — Очень Важно!» Адмиралу предписывалось вручить готу Хэллиу **ровно** в 13:00 по Вашингтонскому времени.

Запечатывая эту телеграмму в конверт, Крэмер просмотрел пояса времени и обнаружил, что 13:00 по Вашингтонскому времени соответствует 07:30 по Гавайскому времени. Прослужив два года на кораблях в Перл-Харборе, Крэмер знал, что в это время на кораблях звучит «дудка», созывающая моряков на завтрак. Ошеломленный, офицер выс-

кочил в коридор и побежал к кабинету адмирала Старка.

* * *

В японском посольстве на Массачусетс авеню обстановка приближалась к состоянию полного хаоса. Шифровальщики, закончившие к полуночи обработку тринадцати частей ноты, изнывая, ожидали поступления последней 14-й части. Шел час за часом, но 14-я часть не прибывала. В итоге, на рассвете все, кроме дежурного офицера отправились по домам. Но примерно через час прибыла и последняя, 14-я часть.

Дежурный стал созывать своих коллег в посольство, но было уже почти десять часов, когда заспанные шифровальщики снова приступили к работе.

Между тем, первый секретарь посольства Окумура, стуча одним пальцем по клавишам пишущей машинки, пытался отпечатать чистой экземпляр ноты, как того требовали строгие дипломатические протоколы: недопустимы были, разумеется, никакие опечатки или «забитые» буквы. Не умея печатать, Окумура мучился уже два часа, но конца работы не было видно. Было уже 10:30, когда посол Номура ознакомился с инструкцией, предписывавшей ему вручить ноту Хэллу ровно в 13:00. 14-ю часть ноты посол еще не прочел, поскольку над ней продолжали трудиться шифровальщики. Номура стал немедленно звонить в Госдепартамент, прося приема у Хэлла. Ему вежливо отказали, сославшись на то, что госсекретарь уехал на какую-то

деловую встречу. «Вопрос чрезвычайной важности», — продолжал настаивать Номура, предложив, чтобы вместо Хэлла его принял один из его заместителей. После некоторой паузы послу сообщили, что удалось связаться с Хэллом, и тот примет посла сам.

Через несколько минут Окумура закончил свой титанический труд по перепечатке первых тринадцати частей ноты. Но на одиннадцати страницах текста было обнаружено столько опечаток, что этот текст никак не мог быть представлен в качестве японского официального документа. Пришлось начинать все сначала, на этот раз с помощью одного молодого переводчика, который печатал на машинке чуть лучше, чем Окумура. Тем не менее, Окумура был уверен, что они уложатся в отведенное время.

* * *

В то время, когда Номура звонил Хэллу, капитан 3 ранга Крэмер влетел в кабинет адмирала Старка. Адмирал только что вернулся с прогулки по парку, окружавшему его дом, и углубился в чтение 14-й части японской ноты. Крэмер ожидал в приемной.

Адмирал закончил читать текст ноты и приложенную к ней записку по поводу точного времени ее вручения. Он вызвал Крэмера в кабинет.

— Почему бы вам не позвонить Киммелю в Перл-Харбор? — предложил Крэмер главкому. Старк потянулся было к телефону прямой связи с Гавайскими островами, но потом решил, что «военного предупреждения», которое он послал адми-

ралу Киммелю 27 ноября, вполне достаточно. Кроме того, нападение на Перл-Харбор казалось ему очень маловероятным. Вместо этого Старк решил позвонить Президенту и набрал номер Белого дома. Но телефон Рузвельта был занят.

14-я часть японской ноты несколько не встревожила полковника Брэттона, но приложенная к ней записка Крэмера о точном времени вручения заставила его вскочить с кресла и пулей ворваться в кабинет своего шефа, генерала Майлса. Убедившись в том, что «японцы явно готовят нападение на какие-то американские объекты», оба разведчика решили немедленно доложить об этом генералу Маршаллу. Ординарец начальника штаба армии США сержант Аквир сообщил им, что генерал Маршалл совершает свою ежедневную прогулку верхом.

Генерал Маршалл в тот день встал, как обычно, в 06:30. Первый раз за всю неделю он позавтракал вместе с женой. Супруги жили скромной, почти монашеской жизнью, поскольку уже дважды их поражала тяжелая болезнь. «Я не могу позволить себе гневаться, — говаривал генерал Маршалл. — Я слишком ослаб и это может отправить меня в могилу. Кроме того, я должен держать свою голову совершенно ясной».

Позавтракав, генерал направился в казенную конюшню при здании Пентагона, выбрал свою любимую лошадь и поскакал вдоль набережной Потомака. Обычно верховая прогулка Маршалла занимала около часа, но тут он задержался, а сержант Аквир тщетно его разыскивал. Когда генерал

вернулся домой и выслушал доклад сержанта, было 10:25. Он позвонил полковнику Брэттону, но тот говорил осторожно о каком-то важном сообщении, что Маршалл так и не понял всей его серьезности.

Маршалл принял душ, вызвал машину и появился в своем кабинете около одиннадцати часов. Он внимательно прочел японскую ноту, которая не произвела на него, как и на Брэттона, особого впечатления. Но начальник генштаба также, как и все остальные, был потрясен запиской Крэмера о точном времени передачи ноты Хэллу.

Маршалл срочно набросал проект радиогаммы всем командующим на Тихом океане: «Сегодня, в 13:00 по Восточному Стандартному времени японцы собираются предъявить нам нечто вроде ультиматума. Они получили приказ немедленно уничтожить шифровальные машины. Нам неизвестно, что именно должно произойти в это время, но вам следует находиться в полной готовности ко всяким неожиданностям».

Затем Маршалл позвонил Старку:

— Что вы думаете об информировании командующих на местах о времени представления нам японской ноты?

— Мы послали им и так уже слишком много информации, — ответил главком ВМС. — Я не уверен, что надо посылать еще что-нибудь. Это может вызвать неразбериху.

Маршалл повесил трубку, но через мгновение телефон снова зазвонил.

— Джордж, — услышал Маршалл озабоченный голос Старка, — японский посол попросил у

Хэлла приема ровно в 13:00. Возможно, это имеет какое-то особое значение. Я согласен с вами, что об этом следует информировать командующих на Тихом океане.

Старк предложил Маршаллу использовать средства связи флота для отправки предупреждения, поскольку те работали быстро и эффективно, не поддаваясь перехвату.

— Нет, благодарю, Бетти, — ответил Маршалл. — Я думаю, что сам смогу их отправить достаточно быстро.

— Тогда, Джордж, — попросил главком ВМС, — прикажите вашим людям, чтобы они информировали об этом своих флотских коллег.

Маршалл пообещал и внес это в текст радиограммы. Затем начальник генштаба надписал сверху: «Секретно. Первый приоритет» и приказал немедленно доставить текст радиограммы на Узел связи для передачи в зону Панамского канала, на Филиппины, на Гавайи и в Сан-Франциско в указанной очередности. Теперь Маршалл боялся опоздать. Он спросил своего начальника связи полковника Эдварда Френча, сколько времени займет передача предупреждения?

— Минут сорок, — успокоил генерала начальник связи.

Сообщение было зашифровано, и через несколько минут после полудня по Вашингтонскому времени оно уже было вручено командующим округами в Сан-Франциско, в зоне Панамского канала и на Филиппинах. Но из-за атмосферных условий, на Гавайях это сообщение не было принято.

Можно было использовать флотские средства прямой шифросвязи с Гавайскими островами, но по какой-то причине полковник Френч предпочел воспользоваться услугами телеграфной компании «Вестерн Юнион», имевшей прямую линию на Гавайские острова. На сообщении даже не было пометки «Срочно».

* * *

Корабли японского Объединенного флота стояли на якоре у прелестного маленького островка Хасирадзима в полной готовности к выходу в океан на помощь Ударному соединению Нагумо, если в этом возникнет необходимость. Адмирал Ямамото уже отдал последний приказ мирного времени, являвшийся точной копией знаменитого приказа адмирала Того накануне Цусимского сражения.

На линкоре «Нагато» царила атмосфера напряженного ожидания. Но внешне все было спокойно. Недавняя тревога по поводу обнаружения малайского конвоя, к счастью, оказалась беспочвенной.

Как обычно, Ямамото играл в японские шахматы с капитаном 2 ранга Ясудзи Ватанабе, выиграв три из пяти партий. Затем оба приняли ванну и вернулись во флагманскую рубку. Побыв немного в рубке, Ямамото спустился в свою каюту, где стал писать поэму в стиле «вака» — в 31 слог:

«Мое единственное желание служить щитом для Императора. Ради этого я никогда не поступлюсь честью и отдам жизнь».

* * *

Авианосное ударное соединение адмирала Нагумо со скоростью 24 узла стремительно приближалось к точке подъема самолетов в двухстах милях севернее Перл-Харбора. Экипажи находились на своих местах по боевой тревоге. Пилоты были подняты с коек в 03:30 7 декабря по Гавайскому времени. Все они уже написали последние письма родным, приложив к ним на память кусочек своих ногтей и локон волос. Летчикам был подан праздничный завтрак: красный рис под соусом тай.

Океан был неспокоен. Корабли грузно раскачивались, некоторые волны захлестывали даже полетные палубы авианосцев. Из-за погоды было высказано мнение не направлять в составе первой ударной волны торпедоносцы, а включить их во вторую волну, когда станет совсем светло и море немного успокоится. Пилоты торпедоносцев яростно запротестовали, уверяя, что смогут взлететь в любую погоду.

Адмирал Нагумо, несмотря на данные, полученные из штабе Объединенного флота и с подводной лодки, все еще беспокоился, не находится ли американский флот на якорной стоянке Лахайна? Его уверили, что весь Тихоокеанский флот США, не считая авианосцев, стоит в Перл-Харборе. Мучимый навязчивой идеей адмирал решил еще раз проверить эту информацию с помощью самолетов-разведчиков. За час до рассвета, в полной темноте, тяжелые крейсера «Тоне» и «Чикума», находившиеся в передовом охранении всего в ста пятидесяти милях от Перл-Харбора, катапультировали по два

гидросамолета-разведчика. Два самолета направились к бухте Лахайна, два — к Перл-Харбору. Их главной задачей было определить, где именно находится Тихоокеанский флот США.

* * *

Примерно в 6600 милях от авианосцев Нагумо, большой конвой, разбившись на три эшелона, подходил к Малайскому полуострову. Главные силы, состоявшие из 14-ти транспортов, направились к Сингоре. Из оставшихся три транспорта подошли к Паттани. Еще три — медленно приближались к Кота-Бару. Они были первыми, достигшими места своего назначения, и в полночь по токийскому времени встали на якорь напротив города. Луна была закрыта тучами, легкая качка не должна была помешать высадке. В 01:15 корабли эскорта начали бомбардировку побережья, что служило сигналом к началу высадки.

Война на Тихом океане началась, но не совсем так, как было задумано. В этот момент было 05:45 по Гавайскому времени. Первоначально Генда и капитан 2 ранга Мийо из Главного морского штаба считали, что удар по Перл-Харбору следует нанести до рассвета. Но погода настолько испортилась, что Генда в последний момент отложил первый удар примерно на два часа. Таким образом, война началась еще до первого удара по Перл-Харбору. «Будем уповать на милость Неба», — философски решил капитан 2 ранга Мийо.

Итак, силы, подошедшие к Кота-Бару, начали войну между Востоком и Западом, между желтой и

белой расами, за два часа пятнадцать минут до того, как первые бомбы упали на Перл-Харбор. Всех волновал один вопрос: успеют ли англичане сообщить об этом, чтобы предупредить американский флот в Перл-Харборе?

* * *

Когда прогремели первые залпы начавшейся войны, авианосцы Нагумо уже прошли точку, предварительно намеченную для запуска самолетов и продолжали двигаться на юг, к Перл-Харбору. На востоке занимались первые лучи рассвета. Пилоты и летные экипажи заняли места в самолетах.

Ревели запущенные моторы. В темноте пламя из выхлопных труб казалось слепяще белым. Океан катил тяжелые валы. Авианосцы раскачивало на 12-15 градусов, брызги долетали до полетной палубы. На маневрах обычно полеты прекращались при качке 5 градусов, но сейчас отступать уже было некуда.

По мачте флагманского авианосца «Акаги» медленно пополз вверх флаг, и громкое «банзай!» зазвучало на всех кораблях. Это была точная копия того флага, что нес в Цусимском бою легендарный флагманский броненосец адмирала Того «Микаса». Адмирал Кусака понимал и не ошибся в том, что сам вид этой прославленной реликвии японского флота значительно поднимет боевой дух на всех кораблях.

Увидев флаг на «Акаги», моряки авианосца «Кага» подняли на мачте свою копию этого флага. Пусть грядущий бой станет второй Цусимой!

На палубах шести авианосцев выстроились, готовые к взлету, самолеты первой ударной войны: 48 истребителей, 49 горизонтальных бомбардировщиков, 51 пикирующий бомбардировщик и 40 торпедоносцев.

Огромные корабли развернулись под ветер, на восток, навстречу восходящему солнцу.

В 06:00 на мачте «Акаги» взлетел до клотика треугольный вымпел — белый круг на красном фоне — и пополз вниз. Взлет первой волны.

Ярко вспыхнули палубные огни, слепящее пламя из выхлопных труб поблекло. Прощальные взмахи рук и фуражек, напутствия, тонущие в грохоте моторов. Оглушительно ревя, самолеты срывались с полетной палубы и исчезали в предрастветных сумерках, беря курс на юг — к Перл-Харбору.

* * *

В Вашингтоне уже было 12:30, и Номура уже приходил в неистовство. Через тридцать минут он должен был вручить ноту Хэллу. 14-я часть ноты была уже расшифрована и передана Окумура для перепечатки. Но тот еще мучился с первыми 13-ю частями. Напряжение еще больше возросло, когда прибыли еще две шифровки с «корректировкой» полученного текста: первая требовала изменения одного слова, вторая — целого предложения. На деле это означало: в первом случае — перепечатку одной страницы, во втором — двух.

Номура неоднократно появлялся в дверях, заклиная своего первого секретаря поспешить. Но спешка вела к новым опечаткам. Все приходилось

начинать заново. Было уже ясно, что послы опоздают к Хэллу минимум на час.

Госсекретарь Хэлл ждал у себя в кабинете появления японских послов. Он уже прочел все 14 частей японской ноты, которая не произвела на него особенного впечатления. Если японцы желают прервать переговоры, это их дело. Хэлл собирался только выразить сожаление по этому поводу. Было уже 14:05, а японские послы не появлялись.

Неожиданно на столе госсекретаря резко зазвенел телефон прямой связи с Белым домом. Хэлл снял трубку и услышал возбужденный голос президента Рузвельта.

— Кордэлл, — спросил Президент, — вы знаете, что сегодня учудили наши друзья-японцы?

— Начали высадку в Сиамском заливе? — предположил госсекретарь.

— Нет, — ответил Рузвельт, — они бомбят Перл-Харбор!

Хэллу показалось, что в голосе Президента звучат какие-то торжествующие нотки.

Вместо эпилога.

**Некоторые данные о дальнейшей судьбе
главных героев этой книги.**

Принц Коноэ — покончил с собой в 1945
году.

Генерал Тодзио — повешен американцами
в 1948 году.

Мацуока — министр иностранных дел — по-
вешен американцами в 1946 году.

Адмирал Нагано — умер в тюрьме в 1947
году.

Генерал Сугийяма — покончил с собой в
1945 году.

Адмирал Симада — приговорен к пожиз-
ненному заключению, умер в тюрьме.

Адмирал Ито — погиб на линкоре «Яма-
то» в 1945 году.

Адмирал Нагумо — покончил с собой на
Сайпане в 1944 году.

Адмирал Ямамото — погиб в 1943 году,
когда его самолет был сбит американс-
кими истребителями.

Посол Номура — умер в 1976 году в возра-
сте 99 лет.

Маркиз Кидо — умер в 1980 году в возра-
сте 91 года.

Император Хирохито — умер в 1989
году в возрасте 87 лет.

СПб, июль — август 1999 года.